

ВЫДАЮЩИЕСЯ
ДЕЯТЕЛИ
НАУКИ
И КУЛЬТУРЫ
В ПЕТЕРБУРГЕ,
ПЕТРОГРАДЕ,
ЛЕНИНГРАДЕ

В. Н. Сашонко

А.Ф. КОНИ

в Петербурге –
Петрограде –
Ленинграде

А.Ф. КОНИ в Петербурге –
Петрограде – Ленинграде

В. Н. Сашонко

ЛЕНИЗДАТ
1991

ВЫДАЮЩИЕСЯ
ДЕЯТЕЛИ
НАУКИ
И КУЛЬТУРЫ
В ПЕТЕРБУРГЕ-
ПЕТРОГРАДЕ-
ЛЕНИНГРАДЕ

В. Н. Сашонко

А.Ф. КОНИ

в Петербурге-
Петрограде-
Ленинграде

ЛЕНИЗДАТ
1991

ББК 63.3(2)5
С22

Рецензенты
доктор юридических наук, профессор *В. Г. Даев*,
доктор исторических наук *Ю. А. Лимонов*

Редактор *И. А. Орлова*

С $\frac{1401020000-099}{M171(03)-91}82-91$

ISBN 5-289-00774-1

© В. Н. Сашонко, 1991

ВСТУПЛЕНИЕ

Анатолию Федоровичу Кони принадлежит видное место в истории русской культуры второй половины XIX — начала XX века. Мы чтим в его лице прежде всего выдающегося юриста-практика — бесстрастного судью и гражданина, который, по меткому определению одного из современников, в условиях неправосудного строя грудью бился за праведный суд. Кони был также крупным ученым в области права, блестящим педагогом и прирожденным литератором, непревзойденным мастером ораторского искусства, неутомимым общественным деятелем. И что не менее важно, прекрасным человеком — прямым, добрым, бескомпромиссно честным.

Не случайно в числе друзей Анатолия Федоровича были И. С. Тургенев и Н. А. Некрасов, И. А. Гончаров и Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и А. Ф. Писемский, многие другие выдающиеся писатели, журналисты, актеры, передовые общественные деятели. А сколько замечательных людей, оставивших свой след в истории нашей страны, было связано с А. Ф. Кони узами если не дружбы, то самого близкого и доброго знакомства!

А. Ф. Кони прожил долгую и нелегкую, но поистине прекрасную жизнь. Его служебная, литературная и общественная деятельность длилась более шестидесяти лет. Он родился в царствование Николая I, два десятилетия спустя после поражения декабрьского восстания

1825 года и через семь лет после гибели Пушкина, а умер в канун десятой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Анатолию Федоровичу довелось стать свидетелем и участником событий, знаменовавших собою смену нескольких эпох в русской истории. Общественный подъем 60-х годов XIX века и революционное народничество 70-х годов; реформы Александра II и контрреформы Александра III; кровавый дебют царствования Николая II; народная революция 1905—1907 годов и крах самодержавия в феврале 1917-го; победа Октябрьской революции и первые шаги рабоче-крестьянской власти — таков диапазон этих событий. И почти вся жизнь Анатолия Федоровича была связана с городом на Неве, его родным городом, который он горячо любил и которому посвятил немало ярких страниц в своих воспоминаниях, статьях и очерках. Более семидесяти лет жизни провел он в Петербурге — Петрограде — Ленинграде и стал поистине «живущей вечностью», как шутливо-ласково называли его студенты первых советских вузов, где Кони, несмотря на преклонный возраст и болезни, увлеченно читал курсы лекций, выступал с воспоминаниями и докладами, испытывая большую радость и удовлетворение от постоянного общения с молодежью.

«Я прожил жизнь так, что мне не за что краснеть,— писал А. Ф. Кони на склоне лет.— Я любил свой народ, свою страну, служил им, как мог и умел... Я много боролся за свой народ, за то, во что верил».

Это очень искренние и правдивые слова. А. Ф. Кони отдал всю свою жизнь идеалам справедливости и гуманизма. Он не был ни социалистом, ни революционером, никогда не входил ни в какие партии. Но, будучи либералом, находясь в скрытой или явной оппозиции к правительству (но не к монархии), Кони примыкал к тому крылу русского дворянского либерализма, которое можно назвать демократическим, или левым.

Политические взгляды Кони, равно как его оценки некоторых общественных институтов пореформенной России, а также отдельных государственных и общественных деятелей, порою расходятся с нашими, что вполне закономерно. Человек своего времени, он мыслил его категориями, жил его заботами и надеждами. Однако жизнь и деятельность Анатолия Федоровича Кони являются собой высокий пример полной отдачи своему делу. Их гуманистическая, патриотическая направленность вызывает глубокое уважение наших современников. Не потеряло своего значения и его духовное наследие.

Как это ни парадоксально, при огромной известности и общественном авторитете выдающегося юриста и литератора о нем, кроме двух специально посвященных ему сборников, изданных в связи с его восьмидесятилетием и первой годовщиной смерти и давно уже ставших библиографической редкостью, не было ни одного основательного биографического очерка. Лишь сравнительно недавно, в 1981 году, издательство «Наука» выпустило в серии «Научные биографии» книгу В. И. Смоллярчука «Анатолий Федорович Кони», а издательство «Молодая гвардия» — книгу С. Высоцкого о Кони в серии «ЖЗЛ».

При работе над настоящей книгой автор использовал прежде всего произведения самого А. Ф. Кони, материалы из его архива, хранящегося в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, а также в отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Важным подспорьем стали материалы журнальной и газетной периодики, мемуарная литература, фундаментальные труды советских историков и все те работы, по страницам которых разбросаны отдельные факты и сведения, имеющие отношение к данной теме.

Когда во Втором петербургском кадетском корпусе появился новый преподаватель русской истории — небольшого роста, худощавый, довольно молодой еще мужчина в черном, как смоль, парике, с черными, быстрыми и умными глазами, смотревшими сквозь стекла очков в золотой оправе, он сразу привлек к себе внимание воспитанников и коллег-преподавателей. Был он в штатском, никакого военного чина не имел и, что совсем уж дивило, к науке истории тоже, казалось бы, не имел никакого отношения. В столицу приехал из Москвы, где окончил университет по медицинскому факультету (учился там одновременно с Н. И. Пироговым — будущим великим русским хирургом и педагогом). Однако, ни одного дня не проработав лекарем, стал он заниматься переводами с французского языка драм и водевилей, а также сочинением собственных пьес, которые ставились и с успехом шли на московской сцене. За пять лет, предшествовавших приезду этого оригинала в Петербург, он издал шесть французских водевилей, снабженных сочиненными им самим куплетами, переделанную с немецкого оперетку «Студент, хорист и артист» и еще пять оригинальных пьес, вышедших из-под его легкого и быстрого пера. Занимаясь сочинительством для сцены, он одновременно стал трудиться и на педагогическом поп-

рище: поступил на службу учителем истории в Первый московский кадетский корпус.

Федор Алексеевич Кони — так звали его — в бытность студентом-медиком регулярно посещал также и лекции на историко-филологическом (или философском, как он тогда именовался) факультете. Это и определило его выбор. А успех первой же переведенной им пьесы — драмы Виктора Дюканжа «Смерть Калхаса», которая была поставлена на московской императорской сцене, — окончательно утвердил его в правильности сделанного выбора — посвятить себя истории и литературе.

Вот какой необычный преподаватель переступил осенью 1836 года порог Второго петербургского кадетского корпуса, занимавшего участок между набережной реки Ждановки и Большой Спасской улицей (ныне — улица Красного Курсанта, 16). Кроме того, он стал еще и наставником-наблюдателем по русской и всеобщей истории в Дворянском полку — так называлось учебное заведение, куда переводили кадет из губернских кадетских корпусов (впоследствии — Константиновское военное училище). Размещался полк по соседству, на Большой Гребецкой улице (ныне — Пионерская). Весь этот район, особенно сильно и в первую очередь страдавший от наводнений, в прошлом веке назывался в обиходе Мокрушами.

Некоторая настороженность, с какую сперва отнеслись к Федору Алексеевичу Кони, рассеялась быстро. Новый преподаватель, свободно владевший пятью иностранными языками, занимался педагогической работой с большой любовью и превосходным знанием дела. «Из воспоминаний бывших воспитанников Дворянского полка видно, — писал впоследствии его сын, — что ученики старших классов ценили живые его уроки, хранили литографированные по ним записки и в промежутки уроков вступали со своим молодым учителем в оживлен-

ный обмен мыслей по литературным вопросам. Результатом педагогических занятий Кони была учебная книга, в двух томах, на русском, французском и немецком языках, под названием «Живописный мир, или Взгляд на природу, науки, искусства и человека», изданная в 1839 году в Гельсингфорсе и принятая в качестве руководства в военно-учебных заведениях.

Ученые занятия Федора Алексеевича в области истории не укладывались, однако, в рамки школьной науки. Он задумал фундаментальный труд о Фридрихе II и Семилетней войне и начал тщательное изучение многочисленных иностранных источников, документов из архива Генерального штаба русской армии.

В 1844 году «История Фридриха Великого» увидела свет. Она была по тому времени выдающимся трудом и обратила на себя внимание не только в России, но и в Германии. Иенский университет возвел Федора Алексеевича за его сочинение, «которое представляет многие новые исторические воззрения на эпоху и блестящее их развитие, как равно и верные очертания характеров», в степень доктора философии.

Ни служебная, ни ученая деятельность Ф. А. Кони не приостановила его занятий драматическим искусством. Из-под пера Федора Алексеевича продолжали выходить водевили и комедии. Они скоро выдвинули его в ряд лучших русских водевилистов. Проникнутые добродушным юмором, рисующие комические стороны повседневной жизни среднего слоя обитателей столицы, водевили Федора Кони задевали и такие явления современной ему русской жизни, как бездушие крепостников, взяточничество чиновников, их раболепство и невежество. Касаться этих явлений «строгим словом негодующего осуждения» цензура не позволяла, и подобные попытки пресекались самым решительным образом. Зато в беспечных, игриво-веселых по форме куплетах такое удавалось. Водевили Федора Кони имели большой успех на

сцене Александринского театра. В них охотно играли лучшие актеры, нередко выбирая их для своих бенефицисных спектаклей.

Кони сочинял также стихи. Некоторые из его стихотворений были положены на музыку и пользовались известностью, например весьма популярный романс «Гондольер молодой» композитора А. Е. Варламова.

Помимо всего прочего, Ф. А. Кони был широко известен в столице как остряк, чьи экспромты кочевали из салона в салон. Далеко не все из них были безобидны с точки зрения, так сказать, политической. За экспромт, сказанный им где-то:

— Не жди, чтобы цвела страна,
Где плохо слушают рассудка
И где зависит все от сна
И от сварення желудка,—

а также за другой, весьма язвительный экспромт по случаю неудачной попытки графа М. С. Воронцова, в то время главнокомандующего русскими войсками на Кавказе, захватить в плен Шамиля, возглавлявшего борьбу горцев Дагестана и Чечни против царских войск, Кони был вызван в Третье отделение держать ответ. Более того, за ним был установлен полицейский надзор, снятый лишь несколько лет спустя, в 1856 году, после восшествия на престол Александра II и некоторой либерализации общественной жизни в преддверии намечавшихся реформ.

И все же ни педагогика, ни науки, ни литература не стали главным делом жизни Федора Алексеевича.

«Главнейшим призванием Кони была журналистика,— писал Анатолий Федорович об отце.— Ей посвятил он все свои силы... Заслуга в отношении русского общественного просвещения тех, кто... гнушаясь грязными приемами и закулисными сношениями Булгарина и не прибегая к двусмысленному глумлению Сенковского,

стоял на своем редакторском посту среди упорного труда и ежедневных огорчений, несомненна. Она может по всей справедливости быть признана и за Кони, во всей журнальной, редакторской и издательской деятельности которого настойчиво проведено стремление развивать в читателях уважение к духовным приобретениям человечества, любовь к искусству в его разнообразных проявлениях и интерес к его истории и месту среди движущих сил общественного развития»*.

С 1841 по 1843 год Ф. А. Кони был редактором-издателем «Литературной газеты» — той самой, которая в 1840 году стала преемницей одноименной газеты, издававшейся другом Пушкина Дельвигом. Сверх того, Ф. А. Кони тогда же редактировал еще литературный журнал «Пантеон русского и всех европейских театров», который в 1842 году слился с другим журналом — «Репертуар русского театра» и стал выходить под названием «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров»**. Федор Алексеевич и в нем принимал деятельное участие, а несколько лет спустя, став его издателем-редактором, начал выпускать журнал под названием «Пантеон». Но это был уже, по существу, новый литературно-художественный, «толстый» журнал, в котором преобладающее место занял отдел истории и теории искусств и появился целый ряд ежемесячных художественных приложений (портреты выдающихся деятелей, гравюры, картинки мод, музыкальные пьесы). Федор Алексеевич, по словам его сына, «умел привлечь к участию в журнале многие литературные силы и дать в нем место первым талантливим опытам людей, занявших впоследствии выдающееся положение в нашей ли-

---

* Цитата из очерка «Федор Алексеевич Кони». В дальнейшем цитаты из произведений А. Ф. Кони приводятся без специальных оговорок.

** Название этого объединенного журнала несколько раз менялось. Издателями его были В. Межевич и И. Песоцкий,

тературе... С первых месяцев своего появления «Пантеон» начал пользоваться большим успехом и его книжки стали проникать в глухие уголки России, заносся туда, вместе с занимательным материалом для чтения, здравые взгляды на искусство и интерес к нему».

Журнал ставил на своих страницах также серьезные научные, в частности природоведческие, проблемы, что послужило поводом для избрания его редактора, и вполне заслуженно, членом Русского географического общества.

Надо сказать, что, будучи редактором, издателем, писателем — не только драматургом, но и публицистом, и критиком, загруженный литературной работой до предела, Ф. А. Кони все же не оставлял своей службы в Дворянском полку. Он получил чин коллежского асессора, а позже и коллежского советника, что в армии соответствовало чину полковника. Лишь 5 мая 1850 года по Дворянскому полку был издан приказ об увольнении Ф. А. Кони от службы по домашним обстоятельствам.

Под статью Федору Алексеевичу была и жена его Ирина Семеновна. Знатки и любители русского театра ценили ее как выдающуюся актрису. Пятнадцать лет играла она на императорской сцене, сначала в Москве, затем в Петербурге, исполняя главным образом комические роли. Играла вместе с такими корифеями, как В. В. Самойлов, П. А. Каратыгин, А. Е. Мартынов и другие. Ирина Семеновна Сандунова (таков ее театральный псевдоним) очень любила сцену и даже после того, как официально оставила ее, все же охотно выступала в своих любимых ролях. Но, подобно Федору Алексеевичу, она тоже была человеком широких творческих интересов. Не меньше, чем сцену, любила Ирина Семеновна литературу. Как литератор она известна под своей девичьей фамилией — Юрьева.

Воспитывалась Ирина Семеновна в Москве у своего дяди — известного в то время писателя и археолога, ди-

ректора Оружейной палаты Александра Фомича Вельтмана, автора повести «Странник», серии романов «Приключения, почерпнутые из моря житейского» и других произведений. Он был знаком с Пушкиным, переписывался с ним. Великий поэт ценил Александра Фомича и как человека, и как литератора. В доме Вельтмана его племянница постоянно встречалась с московскими литераторами. И неудивительно, что любовь к книге, литературные влечения пробудились в ней очень рано. В двадцать лет Ирина Семеновна уже дебютировала как прозаик, напечатав почти одновременно две повести — «Идеал жены» и «Воля и доля». В них автор гневно обрушивается на социальную несправедливость, на всевозможные условности и лицемерие и в то же время с любовью рисует великодушных, справедливых и просто добрых людей.

Литературный талант И. С. Юрьевой-Кони не был заурядным. Ее книги пользовались несомненным успехом. П. Д. Боборыкин, известный впоследствии романист, вспоминая о своих гимназических годах, пришедших на конец 40-х годов и проведенных в Нижнем Новгороде, писал, например: «Наших беллетристов мы успели поглотить если не всех, то многих, включая и старых повествователей, и самых тогда новых». В ряду последних он назвал и Юрьеву, уточняя в скобках — «мать А. Ф. Кони».

А вот строки из письма И. И. Лажечникова, автора «Ледяного дома» и других исторических романов, Федору Алексеевичу Кони от 12 апреля 1853 года из Твери:

«С величайшим удовольствием прочел я в один присест «Цыганку» (повесть И. С. Юрьевой.— В. С.), потому что не мог от нее оторваться. Другой похвалы ей не скажу. А какой тяжелый процесс чтения других наших новейших повестей! То дремлешь над ними, то целые страницы пропускаешь; ни одно лицо не останется живо

перед вами — точно тени проходят перед вами или лица из какого-то неведомого нам мира. И теперь, после того, как прошло 30 лет с того времени, как я читал романы Вальтера Скотта, все лица его резко выступают перед вами; это ваши родные, ваши друзья, которых черты вы никогда не забудете. Так и в повести «Цыганка».

Поблагодарите за нее сочинительницу и поклонитесь ей низко, низко от меня».

Любопытно: даже в Петербурге многие понятия не имели, что актриса Сандунова и писательница Юрьева — один и тот же человек.

Вот в этой-то незаурядной семье и появился на свет 28 января 1844 года второй сын, которого называли Анатолием. Он был на год моложе брата Евгения. Семья снимала квартиру в большом доходном доме купца Лыткина на набережной Фонтанки, у Чернышева моста. По тогдашней нумерации это дом № 44, по нынешней — дом № 51—53.

Уже тогда это был один из красивейших и типично петербургских уголков северной столицы. «От Чернышева моста до Аничкова — эта часть Фонтанки наиболее живописна,— писал много лет спустя профессор Л. А. Ильин, известный русский зодчий, начинавший свою деятельность на рубеже двух веков.— Почти во все времена года, в дни, когда солнце лишь чувствуется или когда ярко светит, подходя от Аничкова к Чернышеву мосту (ныне — мост Ломоносова.— В. С.) по утрам, я всегда видел живописнейший эффект темного, довольно высоко поднятого над набережными Чернышева моста на фоне освещенных зданий площади и отражения их в Фонтанке...»

Думается, уже первые детские впечатления маленького Кони, который начал познавать неповторимую красоту родного города именно тут, на берегах Фонтанки близ Чернышева моста, глубоко запали в его душу. Преданную любовь к северной столице он пронесет через

всю свою долгую жизнь и запечатлеет ее на страницах своих воспоминаний.

Год рождения Анатолия Федоровича не был ознаменован какими-либо выдающимися событиями. Все вроде бы шло своим железным порядком, заведенным «благополучно здравствующим государем императором Николаем Павловичем».

«В Петербурге круглый год господствуют особенного рода болезни, прилипчивые и заразительные,— иронизировал весной 1844 года один из столичных журналов в разделе «Юмористика».— Это не грипп, не холера, не простуда — это чиномания, лжемания и лень. Эти ужасные болезни очень редко вылечиваются, и тот, кто раз захворает ими, остается безнадежно больным на всю свою жизнь. Они... принадлежат к «медленным ядам» и хотя не сокращают жизнь, но делают ее несносною и вялою».

Однако внешняя вялость петербургской жизни была обманчива. Исподволь пробивала себе дорогу общественная мысль. Все более мощно и страстно звучал голос Белинского, который видел в литературе одно из могущественных средств преобразования действительности. Уже собирались на квартире переводчика из Министерства иностранных дел, кандидата прав М. В. Буташевича-Петрашевского лицеисты и студенты, молодые офицеры и чиновники, от которых началась родословная русских социалистов, и уже появился в «Отечественных записках» цикл статей Искандера (А. И. Герцена) «Письма об изучении природы», явивших собою новый этап в развитии русской материалистической философии. Те же «Отечественные записки» опубликовали первую часть романа Герцена «Кто виноват?», проникнутого пафосом борьбы против общественного строя, который обрекал миллионы людей на рабство, бесправие и темноту. Уже начинали звучать голоса Тургенева и Гончарова, Некрасова и Григоровича, Островского и Панаева —

предвестники неизбежных перемен в жизни страны, крутой ломки старого, изжившего себя феодально-крепостнического уклада.

Но до важнейшего переломного момента оставалось еще полтора десятка лет. Это будут как раз те годы, на которые пришлось детство, отрочество и юность А. Ф. Кони.

Крестным отцом Анатолия стал друг его отца Иван Иванович Лажечников — первый русский исторический романист, чью литературную деятельность горячо приветствовал сам Пушкин, с которым автор «Ледяного дома» был знаком лично. Как одного из благороднейших, честнейших и чистейших людей своей эпохи охарактеризовал Лажечникова известный пушкинист Б. Л. Модзалевский. Человек в высочайшей степени добрый, откровенный, совестливый, нежный, следовательно, способный для идеальных впечатлений — так отзывался об Иване Ивановиче К. Н. Лебедев, который знал его со своих детских лет, некоторое время даже жил у него, а потом не раз встречался с ним. Человек многогранно образованный и наблюдательный, Лебедев впоследствии стал сенатором. Он автор интересных воспоминаний, опубликованных много лет спустя после его смерти журналом «Русский архив».

Своего крестного отца, служившего в Твери, а затем в Витебске, Анатолий увидел впервые, когда ему было десять лет и он, успев уже прочесть все его романы, был под сильным впечатлением от них. «Понятно поэтому, с каким чувством я смотрел на автора, — вспоминал об этом сам А. Ф. Кони, — подвижного старика невысокого роста, с зачесанными на середину головы редкими седыми волосами, мягкими и добрыми чертами лица, с *молодыми* светло-серыми, почти голубыми глазами и живую речь».

Они понравились друг другу и эту взаимную приязнь пронесли через годы. Незадолго до кончины И. И. Ла-

жечников, постоянно проживавший после выхода в отставку в Москве и встречавшийся там с крестником — студентом Московского университета, писал о нем Федору Алексеевичу с большой симпатией: «Молодой человек многообещающий. Он дал мне слово нас навещать; умная беседа его и для меня, старого, будет очень приятна».

Общение с такими людьми, как Лажечников, в котором Кони видел «личность истинно гуманного, отзывчивого и чуткого ко всему, в чем таились нравственные и умственные силы, писателя, умевшего до глубокой старости сохранять юношеский жар сердца и веру в добро», не проходит бесследно.

Когда Анатолию было шесть лет, Ирина Семеновна рассталась со сценой, решив полностью посвятить себя литературному труду. В свой бенефис, ставший одновременно и прощанием с публикой, она поставила написанную ею двухактную драму «Порыв и страсть, или Два женских сердца», сыграв в ней главную роль. Пьеса имела успех. Публика вызывала автора. А когда на сцену вышла сама бенефициантка и зрители узнали, что писательница Юрьева и актриса Сандунова, оказывается, одно и то же лицо, восторгам и овациям не было конца.

В тот же вечер — это было 17 июля 1850 года — помимо пьесы самой бенефициантки на сцене Александринского театра были показаны «шутка-поговорка в двух картинах с куплетами» под названием «Всякий шут Иван Иванович», написанная Федором Алексеевичем, и его же комедия «Покойный муж и его вдова», а затем комедия в одном действии Г. Яковлевского «Лев и львица».

«Бенефис артистки г-жи Сандуновой» надолго запомнился петербургским театрам. С большим энтузиазмом приняла его и столичная пресса, особенно драму «Порыв и страсть...», щедро осыпав ее похвалами.

Ирина Семеновна владела даром рассказчика; все ее

произведения написаны прекрасным русским языком. А когда она говорила — можно было заслушаться.

Анатолий Федорович не раз вспоминал, как мать рассказывала ему — именно рассказывала, а не просто пересказывала — романы Вальтера Скотта. Десятилетний мальчик садился после обеда возле нее, клал голову ей на колени и слушал, затаив дыхание, про доблестного рыцаря Айвенго, народных заступников Роб Роя и Робин Гуда, Квентина Дорварда и Кенильворта...

Анатолий был очень впечатлительным ребенком: все, что видел и слышал, вызывало в нем сопереживание и волнение, детское сердце не всегда справлялось с психическими и эмоциональными нагрузками не по возрасту.

Желая доставить любознательному сыну удовольствие, родители взяли его как-то с собою в Пассаж. Это была одна из петербургских приманок того времени: построенный в 1846—1848 годах в самой широкой и оживленной части Невского проспекта (дом 48), напротив Гостиного двора, Пассаж привлекал к себе столичных жителей не только магазинами, которые торговали самыми модными и дорогими вещами. Он представлял также целый набор всевозможных развлечений. Там находились кофейни и кондитерские, анатомический театр и «кукольная комедия», большой концертный зал, в котором устраивались музыкальные вечера, и кабинет восковых фигур Иоганна Шульца. Вот туда-то и привели восьмилетнего Толю родители.

«В конце кабинета в последней комнате помещалась темная раздвижная занавесь и пред нею маленькая рампа, за которой зажгли ряд свечей,— вспоминал потом об этом А. Ф. Кони.— Затем хозяин кабинета на ломаном русском языке объяснил усевшимся перед рампой посетителям, что будет показана сцена из времен испанской инквизиции, представляющая пытку дочери знатного испанца, которую слуга-негр обвинил в ереси. Присутствовавшая при пытке сестра несчастной сошла,

при виде ее страданий, с ума, а доносчик, запертый в соседней комнате, сознав гнусность своего поступка и слыша стоны своей жертвы, старается разбить себе голову об стену. После этого объяснения следовало меня... взять за руку и немедленно увести. Но это противоречило бы теории доставления развлечений...»

Итак, мальчика не увели. Сцена, свидетелем которой ему довелось стать, была ужасна. «Доставление мне этого жестокого развлечения,— продолжает Кони,— сопровождалось, в том же воспитательном ослеплении, предложением книги Поля Ферралья «Тайны испанской инквизиции», а результат всего этого выразился в том, что я почти месяц не мог спать, переживая каждую ночь виденную мною картину или постоянно просыпаясь с криком ужаса, если удавалось забыться на некоторое время».

Думается, случай этот имел и положительную сторону, несомненно важную для формирования характера мальчика. Ненависть к любому изуверству, насилию над личностью и мракобесию, которую Кони пронесет через всю свою жизнь, вполне вероятно, впервые шевельнулась в его сердце именно тогда.

Любопытно в связи с этим размышление Кони, уже умудренного большим опытом жизни, о том, что картины страданий и вызываемый ими ужас таят в себе ядовитую привлекательность, притягивающую, увы, многих к себе. Это ненормально и опасно для людей, для их морали и нравственности. «Такое же влияние имеют иногда и те произведения живописи, в которых этическое и эстетическое чутье не подсказало художнику,— писал Кони,— что есть в изображении действительности или возможности черта, переходить за которую не следует, ибо за нею изображение уже становится проступком, и притом проступком безжалостным и дурным».

До одиннадцати лет Анатолий воспитывался дома. В числе его воспитателей помимо гувернера Петра Булэ

была также известная в те годы детская писательница Софья Петровна Соболева. Она способствовала развитию литературных наклонностей мальчика, оттачивала его вкус, совершенствовала язык. В редакторский кабинет Ф. А. Кони постоянно приходили писатели и поэты, сотрудничавшие в журнале «Пантеон»,— Н. А. Некрасов и Д. В. Григорович, Я. П. Полонский и Н. Ф. Щербина, графиня Е. П. Ростопчина и М. Л. Михайлов, Л. А. Мей и В. Г. Бенедиктов, Н. Д. Хвоцинская (псевдоним — В. Крестовский) и А. С. Афанасьев-Чужбинский, а также многие другие литераторы середины прошлого века. «Мы можем с уверенностью сказать,— отмечал Б. Л. Модзалевский,— что в этот литературный круг был допущен и он (Анатолий Кони.— В. С.), впечатлительный мальчик с горящими глазами, уже тогда знавший и любивший литературу, а особенно Пушкина».

В доме Федора Алексеевича и Ирины Семеновны царил дух демократизма. Анатолий с детства учился уважать в человеке личность, независимо от его положения в обществе — будь то известный писатель или старый лакей родителей Фока. «Фока был человек огромного роста — косая сажень в плечах, но говорил очень тонким и каким-то птичьим голосом,— писал Кони.— Он меня любил чрезвычайно и в свободные минуты объяснял мне по-своему законы физики и механики, стараясь подтвердить свои слова опытами, всегда, впрочем, неудачными. Не могу припомнить, по какому случаю мне показалось, что он меня обидел, и я, в пылу гнева, назвал его дураком. Это услышал отец из своего кабинета и, выйдя, больно наказал меня и, позвав затем Фоку, приказал мне стать перед ним на колени и просить прощения. Когда я это исполнил, Фока не выдержал, тоже упал передо мною на колени; мы обнялись и оба зарыдали на весь дом».

Первой няней маленького Анатолия была донская казачка Василиса, или Васса,— высокая и статная кра-

савица. «У меня остались в памяти ее сказки и страшные рассказы об оборотнях, в существование которых она искренно верила».

Вспоминая о ней далее, Кони заметил: «...За границей почти невозможны такие типы, как вымирающий ныне у нас тип старой няни, органически слившейся с семьей, где были ее питомцы, и пережившей с ними, ворча и сострадая, несколько поколений. Кто не помнит пушкинской Арины Родионовны, о которой поэт говорил:

*Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя...»*

Выйдя замуж за лейб-казака, который пленился ее красотой, Васса уехала с ним в Черниговскую губернию, где у него был хутор. А много лет спустя, когда председатель Петербургского окружного суда тридцатичетырехлетний статский советник * Кони вышел однажды в приемную к просителям и обратился с вопросом к богато одетой даме, та, пристально посмотрев на него, всплеснула руками, воскликнула: «Батюшка, да как ты вырос и постарел!» — и в слезах бросилась ему на шею.

«Оказалось, что это была Васса Ивановна Ногайцева, пользовавшаяся у себя в Мглине большим уважением за свою благотворительность и постоянное воспитание каких-нибудь бездомных сирот. Умная и добрая старуха разумно устроила свою жизнь и делала добро, где и как могла».

Делать добро где и сколько возможно! Ведь это стало одной из главных заповедей и самого Кони, которой он верно следовал всю свою жизнь.

Весьма характерно, что в воспоминаниях, написанных на склоне лет, А. Ф. Кони, в то время уже сенатор, член Государственного совета, действительный тайный

---

* Чин статского советника, согласно Табели о рангах, соответствовал пятому классу и по отношению к военным чинам находился между чином полковника (был выше его) и чином генерал-майора,

советник, нашел нужным сказать доброе слово о своих слугах и домоправительницах, курьерах и письмоводителях — о всех тех простых людях из низших социальных слоев, которые оказались «прикосновенны к нему личною службою». Не идеализируя их, он нарисовал несколько выразительных, запоминающихся портретов, окрашенных мягкой иронией.

Кони-отец, как и многие его современники, был большим поклонником философии Иммануила Канта, согласно этическому учению которого каждый человек должен преодолеть четыре ступени воспитания. А именно: обрести дисциплину; получить навыки труда; научиться вести себя; стать морально устойчивым. И Федор Алексеевич следовал в воспитании детей этому правилу. А главное, он приучал их думать, считая это важнейшей целью воспитания.

Трудным и во многом переломным оказался для семьи 1856 год. Федор Алексеевич вынужден был прекратить издание «Пантеона». Роковое значение для журнала имела Крымская война. Внимание публики, естественно, было привлечено к боевым действиям русской армии, к героической обороне Севастополя, а «Пантеон» ни единой строкой не мог поведать читателям о самых жгучих и волнующих событиях. Как литературно-художественному журналу, ему было запрещено перепечатывать из «Русского инвалида»* известия о ходе войны, а также публиковать какие бы то ни было оригинальные произведения на эту тему. Истинный повод запрета состоял, однако, не в жанровой особенности журнала (печатал же художественно-литературный «Современник» «Севастопольские рассказы» Льва Толстого!), а в личности его редактора, находившегося, как читателю уже известно, под полицейским надзором. Вос-

---

* «Русский инвалид» — военная газета, издававшаяся в Петербурге в 1813—1917 годах. С 20-го номера за 1852 год — офицious военного министерства.

пользовавшись моментом, власть предержавшие таким вот образом отомстили Федору Алексеевичу за его язвительные экспромты и эпиграммы, навлекшие на него гнев самого императора.

Отсутствие в «Пантеоне» материалов о войне охладило внимание к нему публики, число подписчиков стало падать. Журнал боролся сколько мог за свое существование, «оставаясь верным своей программе, но средства на издание истощились, а новые веяния в литературе, захватившие коренные вопросы русского общественного устройства, отодвигали на задний план вопросы искусства — и к 1857 году «Пантеон» прекратился».

Семья Ф. А. Кони была разорена. Пришлось сменить квартиру. От Чернышева моста перебрались в большой доходный дом купца Лопатина (едва ли не самый большой тогда в Петербурге) возле Аничкова моста, где квартира была скромнее и стоила дешевле. Современники называли его «литературным домом», и не без оснований. Там в разное время проживали В. Г. Белинский, у которого часто собирались известные писатели и деятели культуры; И. С. Тургенев; владелец и редактор «Отечественных записок» А. А. Краевский; И. И. и А. Я. Панаевы; лицейский товарищ Пушкина композитор М. Л. Яковлев; знаменитая артистка В. Н. Асенкова, воспетая Некрасовым; Д. И. Писарев и украинская писательница Марко Вовчок (Мария Александровна Маркович). Ныне этот угловой дом значится под номером 68 по Невскому проспекту и под номером 40 по набережной Фонтанки (а по тогдашней нумерации — Невский, 71; набережная Фонтанки, 41—43). В годы Великой Отечественной войны дом сильно пострадал от прямого попадания фашистской бомбы и при восстановлении подвергся значительной перестройке. Ныне в нем размещается Куйбышевский районный Совет народных депутатов.

В 1855 году закончилось домашнее воспитание Анатолия и его отдали в Анненшуле — школу при лютеранской церкви Святой Анны на Кирочной (ныне — улица Салтыкова-Щедрина, 8а*). Анненшуле, основанная в 1736 году, была одним из первых учебных заведений, появившихся в Петербурге, и пользовалась большим авторитетом. По сравнению с казенными гимназиями в этой школе, управлявшейся церковным советом, было меньше рутины, больше демократизма. Преподавание велось более продуманно, обучались там не только мальчики, но и девочки, правда раздельно. Однако следует помнить, что в то время женских гимназий в России вообще не существовало. Они появились позже.

«В отделении мальчиков,— сообщает один из документов прошлого века,— особенное внимание обращено было на научное изложение языков русского, латинского, немецкого и французского, истории и географии; курс математики распространен присоединением алгебры и геометрии и вместо естественной истории введены физика, греческий язык и логика».

Обучение было платное. Ученики вносили ежегодно по шестьдесят рублей, а пансионеры — по двести сорок (пансионерки — по триста).

Анатолию учеба давалась легко, учился он с большой охотой и усердием. «Хорошо», «очень хорошо», «довольно хорошо» — вот оценки, которые он постоянно получал. Немецкий язык был одним из ведущих предметов, и Кони с энтузиазмом занимался им, уже владея к тому времени французским. Увлекали его история и математика.

В Анненшуле в разное время учились многие известные впоследствии люди, среди которых путешественник и ученый Н. Миклухо-Маклай, педагог и врач П. Лесгафт, академик В. Струве, писатель А. Шеллер-Михай-

---

* Теперь там размещается физико-математический лицей; нынешнее здание построено в 1868 году на месте ранее существовавшего.

лов, народный артист СССР В. Честноков, народные артисты РСФСР Е. Грановская, С. Мартинсон.

В августе 1858 года, успешно выдержав вступительные экзамены, Анатолий Кони поступил в четвертый класс Второй петербургской (впоследствии Александровской) гимназии приходящим учеником. Она была не такой известной, как Анненшуле, однако тоже с традициями, сложившимися за полвека ее существования. За это время гимназия сменила несколько названий, но ее месторасположение оставалось неизменным — на углу Большой Мещанской (затем — Казанская, а ныне улица Плеханова) и Демидова переулка (ныне переулок Гривцова), хотя само здание перестраивалось. Теперь в нем тоже расположена гимназия, в которую преобразована 232-я средняя школа (улица Плеханова, 27).

О Второй гимназии А. Ф. Кони, по собственному его признанию, сохранил самые теплые воспоминания. Вероятно, не последнюю роль в этом сыграл факт, что именно в те годы там директорствовал Аникита Семенович Власов, человек передовых политических и педагогических взглядов. Ему чужды были начетничество и дисциплина розг, процветавшие в учебных заведениях той поры. Он взялся за их искоренение, чем вызвал недовольство вышестоящего начальства; в итоге был отстранен от должности.

Вот что говорится о нем в истории гимназии, написанной А. В. Кургановичем и А. О. Круглым. Курганович, преподаватель русского языка и словесности Второй гимназии, сокрушался со страниц этой книги о том, что Власову, на его «несчастье», «пришлось управлять гимназией в эпоху весьма беспокойную. Тогда и в обществе, и в среде учащейся молодежи усиливалось то брожение умов, которое сказалось в теориях Чернышевского и Писарева... Между учениками стали появляться личности, подбивавшие товарищей на разного рода выходы против требований заведения... Некоторые уче-

ники старших классов собирались вместе у одного из товарищей и читали «Колокол» и другие сочинения Герцена... Почтенный директор как-то терялся и не в силах был поддерживать свой авторитет, как бы следовало».

У этой официальной формулировки свой подтекст: дело не в «растерянности» Власова, а в том, что в силу своих демократических убеждений он с пониманием и сочувствием относился к исканиям молодежи, к ее протестам против рутины в школьном обучении и воспитании. А. С. Власов пользовался большим авторитетом среди учащихся. Он принадлежал к числу тех педагогов новой формации, которые выдвинулись на авансцену в период подготовки и проведения буржуазно-демократических реформ, в том числе и в сфере образования.

«Трагуюя с своих педагогических высот вопросы о воспитании,— писал тогда Н. А. Добролюбов на страницах «Современника» в статье «О значении авторитета в воспитании»,— мы до сих пор очень сильно напоминали басню, в которой поставили волков в начальники над овцами. Здесь все обстоятельства были прекрасно соображены, все голоса собраны, только одного недоставало: не спросили самих овец. Так точно бóльшая часть наших педагогических рассуждений, отлично разбирая вопросы высшей философии, представляя верные и полезные правила с точки зрения религиозной, государственной, нравственной, общепсихологической и т. п., упускают из виду одно важное обстоятельство — действительную жизнь и природу детей и вообще воспитываемых...»

Аникита Семенович Власов именно это важное обстоятельство и учитывал в своей педагогической деятельности, не упуская его из виду в противоположность большинству его коллег.

Вторая гимназия считалась по преимуществу математической. И эта ее слава поддерживалась талантли-

выми преподавателями, среди которых первое место по праву занимал Егор Христианович Рихтер, проработавший в гимназии два десятка лет. Это обстоятельство имело важное значение и для Кони: в гимназические годы он приобрел славу сильнейшего математика, что не только определило выбор им факультета при поступлении в университет, но и дало ему первый в жизни трудовой заработок. Анатолию пришлось взамен платы за учение взять репетиторство по алгебре и геометрии в младших классах своей же гимназии. А кроме того, готовить принятых инспектором к себе пансионеров к вступительному экзамену, делать переводы с немецкого и французского. Получил он также несколько уроков — истории и русской словесности — в частных домах. «...И я, начиная с шестого класса гимназии, стал жить своим трудом... упорно отказываясь от той скромной помощи, которую мне мог оказать отец», — писал позже А. Ф. Кони.

Этого принципа Анатолий строго придерживался и в дальнейшем, в свои студенческие годы, полагаясь только на себя, на свои силы и возможности. «Я уверен, — отмечал Кони, — что многие из моих сверстников, разделявшие мой взгляд, разделили в последующей жизни и мою благодарность судьбе, прихотившей нас довольствоваться в материальном отношении малым и ограничивать круг своих потребностей. Составляя, по справедливому мнению Толстого, одно из условий счастья, разумно понимаемого, это ограничение потребностей давало впоследствии силу спокойно смотреть в лицо житейским невзгодам и в трудные годы общественной деятельности не пугаться возможности умаления или лишения тех или других житейских удобств. С другой стороны, строгое соблюдение правила «не жить на чужой счет», столь редко соблюдаемого, к стыду наших дней, теперь, когда герои некоторых повествований считают, что родители должны «расплачиваться за то, что дали жизнь», под-

держивало в нас самоуважение и воздерживало нас от эгоистической и подчас безоглядной эксплуатации заботы любящих нас».

Не только математика и физика занимали Анатолия. «На нас,— вспоминал он,— имел большое влияние учитель истории, незабвенный Владимир Федорович Эвальд. Его доброе и отчасти насмешливое отношение к ученикам было соединено с увлекательным изложением предмета. Мы ждали его уроков и слушали его с радостным чувством». А следствием этого было углубленное изучение истории России, которому Анатолий отдавал все свободное время. К литературе он тоже был неравнодушен. Тем более что сам директор гимназии А. С. Власов всячески поощрял литературные занятия учеников, требовал от педагогов знакомить их на уроках словесности с произведениями уже завоевавших к тому времени признание и славу русских писателей — Гончарова, Тургенева, Григоровича, Писемского и других.

По-видимому, именно Анатолий стал инициатором создания рукописного журнала, который получил название «Заря». И хотя он был, по словам Кони, «самого невинного свойства и преимущественно наполнялся статьями по физике и математике», эпитафией к нему послужили прекрасные пушкинские строки (правда, слегка переделанные): «Поверь, мой друг, взойдет она, заря пленительного счастья,— Россия вспрянет ото сна...»

Директор проявил живой интерес к «Заре», поддерживал ее «издателей». Находили у Власова понимание и поддержку также те, кто нуждался. Аникита Семенович всегда готов был помочь: доставал им уроки как репетиторам или подготовителям для поступающих в гимназию. О его отзывчивости знали все гимназисты, и они глубоко уважали своего директора.

Вместе с Анатолием учился в одном классе велико-

возрастной юноша — Сергей Иванов, круглый сирота, живший из милости у дальнего родственника чиновника Прудникова. Иванов часто жаловался друзьям на свою судьбу, на то, что Прудниковы заставляют его исполнять самые черные работы по квартире, лишая возможности готовить уроки. И вот как-то Иванов, после двухдневного отсутствия, прибежал в класс до крайности расстроенный и со слезами рассказал, что «благодетели заперли его за какую-то неисправность по хозяйству на ночь в маленькую темную комнату, где был положен в ожидании погребения труп старухи бабушки. Иванов плакал, говорил, что скорее бросится в воду, чем вернется домой на новые моральные истязания, и был в полном отчаянии».

Одноклассники во главе с Анатолием Кони решили во что бы то ни стало поддержать товарища и помочь ему приготовиться к поступлению в Театральное училище, куда он давно стремился. Ребята поклялись отдавать Иванову все деньги, которые у них будут, и отправили делегацию к директору с просьбой о заступничестве за Сергея. Кони был избран оратором этой делегации.

Аникита Семенович внимательно выслушал посланцев и отнесся к их просьбе с полным пониманием. Он вызвал к себе Иванова, подробно расспросил обо всем его самом, а затем поехал к обер-полицеймейстеру, чтобы официально уладить дело. На первое время Власов приютил Иванова у себя. Через несколько дней Сергей был навсегда освобожден от своих благодетелей, получив право жить там, где он захочет. «Он поселился в Тарасовом переулке в Измайловском полку, в довольно большой комнате пятого этажа,— вспоминал Кони.— Раза два в месяц мы всем классом ходили его навещать и приносили ему нашу посильную лепту и разные гостинцы... Иванов поступил в Театральное училище, а лет через десять я его слышал в Александринском теат-

ре поющим в «Орфее в аду» куплеты про Аркадского принца»*.

Учась в пятом и шестом классах, Кони был, выражаясь современным языком, круглым отличником. Более того, по своим знаниям он опережал не только сверстников-одноклассников, но и гимназическую программу. Анатолию сделалось скучно в гимназии, и он, вместе с еще четырьмя своими товарищами, стал посещать лекции знаменитых профессоров Петербургского университета, в частности блестящие чтения известного историка и писателя Н. И. Костомарова. Расширился и круг его литературных интересов, чему в немалой степени способствовало то обстоятельство, что, как писал Кони, вступление его в юность совпало с удивительным расцветом русской литературы конца 50-х — начала 60-х годов.

И правда, ведь именно в те годы увидели свет многие новые произведения Тургенева, романы Гончарова, Достоевского, Писемского, Мельникова-Печерского, повести Льва Толстого, рассказы Салтыкова-Щедрина, стихи Некрасова, пьесы Островского, блестящая публицистика Добролюбова, Чернышевского, Михайлова, Елисеева, Слепцова...

Весной 1860 года шестнадцатилетнему Кони довелось стать участником примечательного события, о котором долго говорил потом весь Петербург и которое навсегда вошло в историю русской литературной и театральной жизни XIX века. 14 апреля в зале М. Руадзе (Невский проспект, 15, или набережная Мойки, 59, где теперь кинотеатр «Баррикада») состоялся любительский спектакль по пьесе Гоголя «Ревизор» в пользу Литературного фонда, незадолго перед тем созданного петербургскими писателями для оказания материальной помощи

---

* Имеется в виду оперетта Ж. Оффенбаха «Орфей в аду», поставленная на петербургской сцене в сезон 1865/66 года.

нуждающимся литераторам, ученым и их семьям. Роль городничего исполнял Алексей Феофилактович Писемский, Шпекина — Федор Михайлович Достоевский. Хлестакова играл известный поэт и переводчик Петр Исаевич Вейнберг, Анну Андреевну — Ирина Семеновна Кони. Купцов — «самоварников, аршинников», явившихся с жалобой к «ревизору», — изображали И. С. Тургенев, Д. В. Григорович, Н. А. Некрасов, А. Н. Майков, В. С. Курочкин, И. И. Панаев, А. В. Дружинин, А. А. Краевский. Одним из купцов был и Федор Алексеевич Кони. Таким образом, Анатолию посчастливилось увидеть одновременно на сцене не только выдающихся писателей, цвет русской литературы, но также отца и мать!

А несколько позже в том же зале дано было представление гоголевской «Женитьбы», в котором участвовали И. С. Кони (сваха) и П. И. Вейнберг (Кочкарев). Главную роль — Подколесина — снова сыграл Писемский. «Он был превосходен в обеих ролях, — писал впоследствии А. Ф. Кони. — Чувствовалось, что он воспринял и воплотил бессмертные гоголевские типы не с книжным лишь пониманием, а на основании личных наблюдений и житейских встреч. Особенно удался ему в этом отношении Сквозник-Дмухановский. До сих пор мне с особенной яркостью вспоминается городничий — Писемский в его разговоре с Осипом, которого с удивительным талантом играл студент Ловягин, чья ранняя смерть лишила русскую сцену будущего несомненного украшения».

Той же весной произошло еще одно событие, вызвавшее огромное стечение публики, — диспут профессора Петербургского университета историка Н. И. Костомарова с профессором Московского университета, тоже известным историком и писателем, М. П. Погодиным. Присутствовал на этом захватывающем поединке и Кони.

Диспут проходил в концертно-театральном зале Пассажа. Непосредственным поводом для него послужила статья Костомарова «О начале Руси» во второй книжке «Современника» за 1860 год. Он обрушился в ней с резкой критикой на теорию происхождения Русского государства, изложенную в книге Погодина «Норманнский период русской истории». Публичный спор двух выдающихся ученых был жарким. Все присутствовавшие следили за ним затаив дыхание, тем более что подобные диспуты были в России еще в новинку (если не сказать — в диковинку), но они свидетельствовали о значительно усилившемся в конце 50-х годов натиске демократических сил, все увереннее заявлявших о себе.

По свидетельству известного публициста и мемуариста, участника революционного движения 60-х годов Л. Ф. Пантелеева, диспут Костомарова с Погодиным завершился так. После того как Погодин в своем заключительном слове сказал: «Каковы бы ни были научные результаты сегодняшнего диспута, он во всяком случае доказал, что мы созрели для публичных прений», — раздался гром рукоплесканий и старика вместе с Костомаровым вынесли из зала на руках.

В концертном зале Пассажа проходили тогда, и тоже с большим успехом, литературно-художественные вечера, на которых с чтением своих произведений выступали И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, А. Ф. Писемский, В. Г. Бенедиктов, Я. П. Полонский, А. Н. Майков.

Все это говорило о небывалом общественном подъеме, знаменовавшем крутую ломку старого, феодально-крепостнического уклада и неизбежность социально-экономических преобразований, на пороге которых оказалась Россия после поражения в Крымской войне. Начинаясь новый этап в историческом развитии России — буржуазно-демократический. Страна вступила в эпоху ре-

форм, начало которым положила крестьянская реформа, отменившая самое страшное зло российской действительности — крепостное право.

«Под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян,— писал В. И. Ленин,— правительство прямо-таки *вынуждено* было освободить их. Сам царь признался, что надо освобождать сверху, пока не стали освобождать снизу».

И хотя подготовка крестьянской реформы затянулась на несколько лет, хотя проводилась она так, чтобы максимально соблюсти выгоды и интересы помещиков, а не крестьян, тем не менее свою важную историческую роль она сыграла. Падение крепостного права привело к довольно быстрому развитию капитализма в России, особенно в промышленности, но остатки крепостничества в общественной и политической жизни страны еще долго давали о себе знать, несмотря на все последующие буржуазно-демократические реформы, ибо Россия по-прежнему оставалась неограниченной монархией, а народ, то есть подавляющее большинство населения, все так же не имел фактически никаких политических прав.

Заканчивая весной 1861 года шестой класс — а полный гимназический курс состоял из семи классов,— Анатолий Кони решил выйти из гимназии и поступить прямо в университет. Однако для этого нужно было держать экзамены в качестве лица, получившего домашнее образование и не имеющего на руках аттестата зрелости. Такие экзамены принимала особая комиссия при университете, заседавшая с 19 по 26 мая. В течение недели надобно было выдержать экзамены по всем предметам гимназического курса, выбирая для этого любые дни и любые предметы. Экзамены производились учителями гимназии под председательством профессоров и были весьма строги.

Анатолий подал заявление на физико-математический факультет. «Я много занимался математикой,— вспоминал он впоследствии,— и *уверил себя*, что люблю ее, смешивая трудолюбие со способностью... Вступительные экзамены в университете шли у меня успешно, а мои ответы из тригонометрии доставили мне даже маленький триумф несколько комического характера. Я был очень молоджав, имея на вид не более 14 лет, был сухощав и маленького роста, так что обращал на себя внимание собравшихся на экзамен своим почти детским видом. Знаменитый профессор и академик Сомов, вслушавшись в мои ответы на экзамене, предложил мне несколько вопросов вне программы, на которые мне удалось ответить довольно удовлетворительно. Сомов почему-то пришел в великий восторг и, сказав мне: «Нет, вас надо показать ректору», подошел ко мне сзади, крепко охватил меня руками за локти и, подняв на воздух, воскликнул: «Я вас снесу!» Это мне — будущему студенту — показалось чрезвычайно неуместным, и, увидев мое обиженное лицо, он оставил меня в покое. С тех пор между экзаменующимися прошла обо мне слава как о человеке, который на математике „собаку съел“».

Прекрасно сдав все экзамены, Кони был принят в университет, однако учиться пришлось там недолго.

Еще весной, когда он сдавал вступительные экзамены, начались студенческие волнения, или «беспорядки», как они официально именовались. В общественно-политическую манифестацию огромной силы вылились, например, похороны Т. Г. Шевченко — великого украинского поэта-демократа, непримиримого борца с самодержавием. «За гробом поэта шло много студентов,— вспоминал впоследствии писатель С. Н. Терпигорев (Атава), который в те дни сам был студентом Петербургского университета,— почти весь университет, вся академия (художеств.— В. С.), все профессора и масса публики.

Вся университетская набережная от Дворцового до Николаевского моста была буквально запружена народом».

В мае правительство ввело «новые правила», значительно ущемлявшие права студентов. Запрещались сходки, упразднялась студенческая корпорация, отменялась студенческая форма, вводились специальные тетрадки — матрикулы, чтобы отмечать в них пропущенные лекционные и семинарские занятия, запрещалось неимущим студентам бесплатно посещать лекции, а от платы за обучение «новыми правилами» предписывалось освобождать только по два студента от каждой из губерний, составлявших учебный округ, и т. д. Это последнее запрещение вызывало особенное негодование учащейся молодежи. И осенью она вновь забурлила. Произошли открытые столкновения студентов университета с полицией — впервые за всю его историю. К университету были направлены жандармы и войска. Многих студентов арестовали и заключили в Петропавловскую крепость, в том числе несколько раненых. Около трехсот «бунтовщиков» парходом отправили в Кронштадт — за недостатком места для них в Петропавловке. Лишь в декабре арестованных освободили. Пятерых выслали из столицы, свыше тридцати студентов были исключены из университета, а сам университет «по высочайшему повелению» закрыт на неопределенное время.

В знак протеста против полицейских репрессий ряд профессоров подали в отставку и покинули университет, в том числе и ректор П. А. Плетнев. Однако вскоре по инициативе студенческого комитета (в его состав вошли члены революционной организации «Земля и воля» Н. И. Утин, Л. Ф. Пантелеев, студенты П. П. Фан-дер-Флит, Е. П. Печаткин и другие участники студенческих волнений), а также прогрессивной профессуры возник так называемый «вольный университет». Дневные публичные лекции по предметам университетского курса чи-

тали в залах Городской думы (Невский проспект, 33) и в зале Петершуле — немецкой школы Святого Петра (Невский проспект, 22) — профессора Н. И. Костомаров, П. В. Павлов, М. М. Стасюлевич, И. Е. Андреевский, К. Д. Кавелин, Д. И. Менделеев и другие.

Кони с большим воодушевлением отнесся к «вольному», или, как его еще называли, «думскому» университету. «Это был первый свободный русский университет, доступный молодежи обоего пола за весьма скромную плату,— писал он.— Много раз с тех пор приходилось мне бывать в большой Александровской зале петербургской Городской думы, участвовать в заседаниях, делать доклады и говорить речи при открытии некоторых ученых съездов. И каждый раз предо мной с силой яркой действительности возникала картина этой залы в то незабываемое время. Моему внутреннему взору представлялся яркий день ранней весны, когда солнце уже грело и заливало своим светом и залу думы, и молодые, полные надежд лица и когда за окнами блистали, падая с крыши, золотые капли быстро таявшего снега... Так же таял в те дни снег, долго державший под своею мертвой пеленою нашу родину, и грело только что взошедшее солнце плодотворных шестидесятих годов».

В начале марта 1862 года чтение лекций в «вольном университете» прекратилось — в знак протеста против ареста и административной высылки под надзор полиции профессора истории П. В. Павлова, закончившего свою лекцию о тысячелетии России резкой тирадой по адресу «имеющих уши, чтобы слышать»,— дабы они не вздумали пойти назад в начатых преобразованиях. Слова эти были признаны властями как неуместная и недопустимая угроза. На третий день после лекции Павлов очутился за решеткой и затем был выслан в город Ветлугу Костромской губернии.

Итак, перед Анатолием Кони встал вопрос — что делать дальше?

Заниматься математикой на дому было крайне трудно, а в некоторых случаях и совершенно невозможно. К тому же летом 1862 года Министерство народного просвещения объявило, что Петербургский университет не будет открыт и в следующие учебные годы. Действиями правительства руководил страх перед молодежью, перед ее пробудившейся активностью.

К этому же периоду относится разлад в семье Кони. Юноша тяжело переживал разрыв между родителями — он одинаково горячо любил обоих и пронес эту любовь через всю свою жизнь.

В кратких, весьма схематичных «Биографических заметках», написанных Кони на склоне лет и хранящихся в его архиве, есть такие строки: «1861 г. ...Поступление в университет... Домашняя разруха... 1864—1865 г. ...*Душевная болезнь весной* (курсив мой.— В. С.)... Переезд матери в Москву...»

Несмотря на всю скудость записи, она говорит о многом.

У Федора Алексеевича, продолжавшего литературную и издательскую деятельность в столице, от гражданского брака с журналисткой А. В. Каировой, которая была намного его моложе, родились две дочери — Ольга и Людмила, сводные сестры Анатолия.

В это трудное для него время, время семейной драмы, Анатолий решил уехать из Петербурга и поступить в какой-нибудь другой университет. Выбор пал на Московский, причем не на математический, а на юридический факультет. Этот свой шаг сам Кони объяснял следующим образом: «Случайная встреча решила мою судьбу. В одном знакомом семействе я провел вечер с двумя образованными юристами, служившими по Министерству внутренних дел... Оба были, в духе времени, весьма либеральных взглядов. Их удивило, что, «когда... в воздухе носилась судебная реформа», я избрал математический факультет... Расставшись с ними, я не-

волью сознавал, как на меня подействовали их широкие и светлые взгляды на задачи правоведения... Эта встреча, глубоко засевавшая в мою душу, заставила меня... решиться самому ознакомиться с какой-либо юридической книгой».

Такой книгой оказалось «Русское гражданское право» Д. И. Мейера. Анатолий взял ее на просмотр в маленькой книжной лавке Попова, которая размещалась в нижнем этаже Пассажа. «Вот-с,— сказал Попов, вручая ему книгу, выбранную из ряда других,— извольте посмотреть: очень одобряют».

Мастерски написанная, книга Мейера произвела на Кони большое впечатление. Не отрываясь от чтения до утра, он буквально проглотил ее за одну ночь... Выбор был сделан окончательно и бесповоротно. Владелец маленькой книжной лавки стал бессознательным виновником того, что в лице Анатолия Кони Россия обрела одного из самых выдающихся в ее истории юристов.

Следует заметить, что профессор Казанского университета, а затем Петербургского императорского училища правоведения Д. И. Мейер (1819—1856) был, по словам Чернышевского, одним из тех героев гражданской жизни, все силы которых посвящены осуществлению идей правды и добра. По-видимому, эти свойства, присущие личности Д. И. Мейера, нашли отражение и в его книге, которая произвела такое впечатление на молодого А. Ф. Кони. Впоследствии она станет для него в период университетской учебы одним из главных пособий по гражданскому праву.

Кстати, очень тепло написал о профессоре Д. И. Мейере в своих воспоминаниях П. Д. Боборькин, назвав его знаменитым цивилистом (т. е. специалистом по гражданскому праву).

В августе 1862 года Анатолий Кони уехал из Петербурга и «записался в число студентов второго курса юридического факультета» Московского университета.

«ЭТО ТОЖЕ ТЫ...»

Весной 1871 года титулярный советник А. Ф. Кони, назначенный прокурором Санкт-Петербургского окружного суда, прибыл в столицу из Казани (где он последний год тоже служил прокурором окружного суда), а несколько месяцев спустя был произведен в чин коллежского асессора, соответствовавший восьмому классу. Возвратился Анатолий Федорович в Петербург уже опытным, отлично зарекомендовавшим себя юристом, хотя после окончания Московского университета прошло всего шесть лет. За эти годы он приобрел большой авторитет, проводя в жизнь новые правовые принципы, введенные в юридическую практику реформой 1864 года.

Дорогу к юридическому поприщу открыл Кони Московский университет, который он закончил блестяще. Круг его интересов в студенческие годы был необычайно широк. Помимо основных дисциплин, к изучению которых Кони относился со всей серьезностью, его постоянно привлекали к себе литература и философия, история и искусство. Им он тоже отдавал много сил и молодого энтузиазма.

Через двоюродного деда Александра Фомича Вельмана, супруга которого, Елена Ивановна, также была писательницей (главное ее произведение — большой исторический роман «Приключения Густава Ириковича,

королевича Шведского, жениха царевны Ксении Годуновой»), Кони вошел в круг московских литераторов и прежних военных сослуживцев Александра Фомича, собиравшихся в его обширном домашнем кабинете раз в неделю. Там Анатолий встречал, в частности, Михаила Петровича Погодина и Владимира Ивановича Даля (Казака Луганского), уже убеленных сединами, известных всей России писателей и ученых. Он посещал заседания Общества любителей российской словесности, где слушал выступления того же М. П. Погодина, а также В. Ф. Одоевского, А. Ф. Писемского. Кони стал завсегдатаем московских театров, сблизился с артистическим миром.

В студенческие годы Кони тянулся и к медицине. Вспоминая о своих университетских профессорах, Анатолий Федорович писал, что одному из них он обязан любовью к медицинским наукам и некоторому с ними знакомству, что дало впоследствии основание врачебному миру смотреть на него не как на чужого. Это был профессор судебной медицины В. А. Легонин, читавший юристам свой курс по очень широкой и разносторонней программе. Однако его лекциям все же не хватало наглядности, что снижало их значение для будущих юристов-практиков. И тогда Кони стал посещать лекции по анатомии и судебной медицине на медицинском факультете университета, присутствовать при судебно-медицинских вскрытиях и хирургических операциях.

С молодости, как видим, Анатолий Федорович умел ценить время и разумно, истинно по-хозяйски им распоряжаться. И еще одна характерная черта: он принципиально отказывался от какой бы то ни было материальной помощи со стороны родителей, сам обеспечивая себя средствами на жизнь и учебу, давая частные уроки в зажиточных семьях. Взрослый здоровый человек должен жить только своим собственным трудом — таково было его кредо.

Завершением университетской учебы Кони весной 1865 года стала кандидатская диссертация «О праве необходимой обороны» — его первый и весьма обстоятельный научный труд, который явился также первым и единственным тогда в русской литературе историко-критическим и догматическим изложением учения об этом праве.

По решению совета университета диссертацию Анатолия Кони в конце того же 1865 года опубликовали в первом томе «Приложения к Московским университетским известиям». Ей были присущи уже все те черты, которые в дальнейшем будут отличать Кони как ученого — большая эрудиция и умение разбираться в сложных юридических проблемах, непосредственно затрагивающих политические вопросы.

Окончив университет, А. Ф. Кони оказался перед выбором: посвятить себя научно-преподавательской деятельности — а ему предложили остаться в университете на кафедре уголовного права — или стать юристом-практиком. Несмотря на весьма заманчивую перспективу сделаться профессором старейшего русского университета, он предпочел ученой карьере практическую деятельность на поприще правосудия.

Итак, молодой юрист со степенью кандидата прав* возвратился в Петербург. Его причислили к Государственному контролю в качестве счетного чиновника Временной ревизионной комиссии, и вот 30 сентября 1865 года Кони, только что произведенный в чин коллежского секретаря, начал свою государственную службу. Однако во Временной ревизионной комиссии прора-

---

* В те времена выпускникам университета присваивалось звание (степень) или действительного студента, или кандидата. При поступлении на гражданскую службу кандидаты получали чин десятого класса (то есть коллежского секретаря), тогда как действительные студенты — лишь двенадцатого класса (то есть губернского секретаря).

ботал он недолго — всего три с половиной месяца. Неожиданно для него самого Анатолию Федоровичу предложили перейти в военное министерство. Оказалось, министр Д. А. Милютин, который в связи с проведением военной реформы нуждался в специалистах по юриспруденции, незадолго перед тем направил соответствующий запрос в Московский университет и получил оттуда рекомендацию привлечь Кони как талантливого юриста к работе по военно-судебной части. Поразмыслив, Кони принял предложение. Из Государственного контроля его откомандировали в распоряжение начальника Главного штаба генерала Ф. Л. Гейдена. Генерал, отнесясь к Кони весьма доброжелательно, разрешил ему не носить форменного платья и представлять результаты проведенных им изысканий непосредственно ему, минуя все канцелярские инстанции.

«Мне поручались графом Гейденом специальные историко-юридические работы, необходимые для разных преобразований, назревших в военном министерстве,— писал Кони в очерке «Граф Дмитрий Алексеевич Милютин», опубликованном по случаю его кончины в литературном приложении к журналу «Нива» за 1912 год.— Приходилось посещать архив и читать иностранные источники по вопросам военной администрации и юстиции. Вместе с тем мне было поручено состоять в распоряжении генерал-аудитора В. Д. Философова (так именовалась должность главного военного прокурора и начальника военно-судебного ведомства, которое помещалось в том же здании, что и военное министерство,— в доме № 12 по Адмиралтейскому проспекту.— В. С.) и по его указаниям участвовать в различных работах по выработке военно-судебных уставов. Последние работы были мне особенно по душе, по представляемому ими интересу и по возможности ближе ознакомиться с благородною личностью Философова, под суровой наружностью которого билось доброе и правдивое сердце. Раза два

мне пришлось представлять, по поручению Гейдена, различные справки и выписки из моих работ и военному министру и удивляться его способности быстро и точно ориентироваться в вопросах юридического характера».

И все же в военном министерстве Кони задержался тоже недолго. Он оставил его по причинам, имевшим для него принципиальное значение. Дело в том, что 17 апреля 1866 года в Петербурге должны были официально открыться новые судебные учреждения. Как и многие другие молодые юристы, Кони стремился перейти на службу непосредственно в судебное ведомство, а когда такой случай представился, без колебаний оставил свою должность в военном министерстве и занял место помощника секретаря Петербургской судебной палаты (по уголовному департаменту). Хотя он терял жалованье почти вдвое, упускал предоставившуюся ему возможность быстрого продвижения по военно-судебному ведомству — это не остановило его. Страстное желание поскорее приобщиться к настоящей юридической деятельности заставило Кони хлопотать о том, чтобы «стать хотя бы малым винтиком в заманчивом механизме нового судебного устройства, о котором так мечталось еще на университетской скамье». Д. А. Милютин понял, какие побуждения двигают молодым человеком, и на адресованный военному министру запрос, нет ли препятствий к перемещению коллежского секретаря Кони, наложил резолюцию: «Очень желал бы удержаться, но не считаю себя вправе».

16 апреля Анатолий Федорович, в самом радужном настроении, явился к своему новому начальнику — старшему председателю палаты сенатору М. Ф. Гольтгоеру в его домашний кабинет и был принят им не как подчиненный, а как младший товарищ по службе. В словах сенатора, вспоминая позднее Кони, прозвучало не только одобрение молодому человеку, вступающему в исполнение новых для него обязанностей, но и уверенность в

большой и светлой будущности преобразованного суда как школы развития народного правосознания. Весеннее солнце, ярко освещавшее кабинет, и сам сенатор с приветливым лицом показались Анатолию Федоровичу «светлым символом предстоящей деятельности».

А на другой день сановный Петербург устремился к старинному трехэтажному зданию Старого арсенала (Литейный проспект, 4), выходящему сразу на три улицы — Шпалерную (ныне — улица Воинова), Литейную и Захарьевскую (ныне — улица Каляева). Сооруженное еще в начале 70-х годов XVIII века «собственным изданием» князя Григория Орлова по проекту архитектора Баженова, здание это, «огромной величины и знатной архитектуры», в котором были собраны многочисленные образцы русской и иностранной артиллерии, принадлежало военному ведомству. Затем, после судебной реформы 1864 года, его передали Министерству юстиции, основательно переоборудовали и приспособили для размещения в нем новых учреждений — Петербургского окружного суда и Петербургской судебной палаты.

В час дня упало белое покрывало с горельефа над воротами, который изображал суд Соломона. «Правда и милость да царствуют в судах» — значилось на горельефе. Ворота растворились. По обширному двору бывшего арсенала к главному крыльцу стали подъезжать экипажи с сановниками. Прибыл митрополит. Приехали английский и французский послы и все те, кто благодаря служебному положению смог попасть на открытие. Был среди них и Кони.

Последними прибыли министр юстиции Д. Н. Замятин и принц П. Г. Ольденбургский — основатель Училища правоведения, воспитанники которого накануне этого торжественного дня повесили дорогую лампаду перед образом Спасителя в зале заседаний суда с присяжными заседателями.

«Все помещения суда были открыты,— вспоминал Кони,— и в них двигалась оживленная и празднично настроенная толпа посетителей. У всех было, по-видимому, чувство душевного подъема и сознание исторического значения переживаемых впечатлений дня, когда исполненное горечи признание глубокого поэта и патриота Хомякова о том, что родина его «в судах черна неправдой черной» *, из тягостной действительности уходило в область печального прошлого».

С прочувствованной речью к новым судебным деятелям обратился министр Замятнин. «Никому уже,— сказал он,— не будет права ссылаться, в оправдание своих действий и решений, ни на несовершенство порядка судопроизводства, потому что каждому даются в руководство новые уставы, составляющие последнее слово юридической науки, ни на недостатки законов о доказательствах, потому что определение силы их предоставляется голосу совести».

«Во всех углах Старого арсенала, как в огромном улье, закипела работа,— писал Кони.— Это не было обычным выполнением давно налаженных служебных занятий. Всем, от мала до велика, от составителя протокола судебного заседания до руководителя присяжных заседателей, от докладчика в гражданском отделении до прокурора Судебной палаты, от судебного пристава до присяжного поверенного, приходилось учиться новому делу и, так сказать, держать перед самим собою и своими сослуживцами экзамен в умении приложить свои теоретические взгляды на указания закона к прак-

---

* А. С. Хомяков (1804—1860) — известный поэт, идеолог славянофильства. Имеются в виду следующие строки из его стихотворения «Росния» (1854):

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И всякой мерзости полна...

тическому его осуществлению. Первые шаги нового суда возбуждали чрезвычайный интерес в обществе».

Интерес этот был вполне закономерен, ибо из всех реформ 60-х годов судебная реформа явилась наиболее последовательной и демократичной, по тем временам, можно даже сказать, «республиканской».

Едва ли не главной характерной особенностью до-реформенного суда была его сословность, а всей судебной системы — ее сложность, запутанность и недоступность для народа. Имелось множество ведомственных судов, но четкого разграничения их компетенции не существовало. Крестьяне, составлявшие большинство населения, лишены были права обращаться в государственные суды. Для них судьей был их барин. Барин же чаще всего чинил над принадлежавшими ему крепостными расправу, а не суд. На государственный суд оказывали постоянное давление административные власти, они нередко отменяли судебные решения без всяких обоснований.

Для городских жителей — недворян ближайшей судебной инстанцией был квартальный надзиратель, ибо по большинству дел, считавшихся маловажными, суд вершила сама полиция. Квартальный надзиратель пользовался узаконенным правом наказывать провинившихся розгами и арестом до трех месяцев. *Розгословие, брадоиздрание, власоисхищение* — эти смешные слова, придуманные известным актером и писателем И. Ф. Горбуновым, метко определяли характерные черты тогдашнего суда Российской империи. Торговые иски рассматривались специальными коммерческими судами, для духовенства тоже существовал свой особый суд.

Реформа 1864 года решительно порвала со старыми судебными порядками. Прежде всего были отменены особые суды для каждого сословия, провозглашено отделение суда от органов законодательной и административной власти. Устанавливались публичность судеб-

ных заседаний (то есть их гласность), независимость и несменяемость судей, их ответственность только перед судом, несовместимость судебной службы с другими профессиями. Число судебных инстанций было ограничено двумя. На полицию возлагалась теперь обязанность производить только розыск и дознание, а не следствие, и к тому же непременно под контролем прокурора, а вести следствие должны были исключительно судебные следователи, но также под наблюдением прокурора.

Реформа 1864 года учреждала также присяжную адвокатуру и обязательную систему прений между обвинением и защитой, причем прокурор выступал как представитель особой обвинительной власти, отделенной от судебной. И наконец, вводился суд присяжных. Это был особенно важный шаг, которым устанавливалась коллегиальность суда, его известная демократичность.

«Присяжные заседатели, как форма суда, составляли одно из драгоценнейших приобретений для бесправного и безгласного русского общества,— писал Кони в книге «На жизненном пути (Из записок судебного деятеля)»,— а в суде шла творческая работа по созиданию согласных с народным характером и требованиями истинного правосудия типов судебных деятелей — прокурора, защитника и судьи».

В. И. Ленин отмечал, что в условиях буржуазного государства суд присяжных в самом деле имел определенные преимущества по сравнению с судом сословных представителей. «Суд улицы,— писал он,— ценен именно тем, что он вносит живую струю в тот дух канцелярского формализма, которым насквозь пропитаны наши правительственные учреждения... Улица своим чутьем, под давлением практики общественной жизни и роста политического сознания, доходит до той истины, до которой с таким трудом и с такой робостью добирается сквозь свои схоластические пути наша официально-профессорская юриспруденция: именно, что в борьбе с пре-

ступлением неизмеримо большее значение, чем применение отдельных наказаний, имеет изменение общественных и политических учреждений. По этой причине и ненавидят — да и не могут не ненавидеть — суд улицы реакционные публицисты и реакционное правительство».

Вместе с тем у суда присяжных была и своя ахиллессова пята: от участия в нем отстранялись, например, рабочие, на что также обращал внимание Ленин; среди присяжных было немало представителей мещанства, нередко людей ограниченных, а порой и реакционных.

Таким образом, судебная реформа призвана была «нанести удар худшему из видов произвола, произволу судебному, прикрываемому маской формальной справедливости. Она имела своим последствием оживление в обществе умственных интересов и научных трудов. Со старой судебной практикой науке было нечего делать». Так писал А. Ф. Кони в своей книге «Отцы и дети судебной реформы» полвека спустя — в 1914 году. Себя и своих товарищей по службе правосудию он, естественно, причислял к «детям». «Отцами» же судебной реформы, у которых они приняли эстафету, ее главными деятелями, разрабатывавшими принципы и основные положения новой, прогрессивной по тому времени судебной системы, были выдающиеся русские юристы середины прошлого века: Д. Н. Замятин, в течение пяти лет, как раз в период подготовки и проведения реформы (1862—1867), занимавший пост министра юстиции, Н. И. Стояновский, товарищ министра юстиции (в те же годы), впоследствии сенатор и член Государственного совета, С. И. Зарудный, автор многочисленных юридических трудов, в том числе принципиально важной книги «Судебные уставы с рассуждениями, на коих они основаны» (1866); и Д. А. Ровинский, член комиссии по пересмотру судебных уставов, затем председатель уголовного департамента Московской судебной палаты, впоследствии сена-

тор; он же — историк искусств, автор нескольких капитальных трудов по истории гравюры и русской народной картинки, не потерявших свое научное значение и в наши дни.

Судебная реформа проводилась в жизнь не сразу, а постепенно. Новые судебные учреждения раньше других были открыты в столицах — Петербурге и Москве.

В системе российского правосудия, в самом его низшем звене, появилась новая фигура — мировой судья, в компетенцию которого входил разбор мелких уголовных и гражданских дел. Он рассматривал их единолично. Шкала наказаний, к которым мог приговорить мировой судья виновного, была довольно широкой — от замечания до денежного штрафа (не свыше трехсот рублей) и заключения в тюрьму на срок до одного года. На каждый участок приходился один участковый мировой судья и один почетный, который замещал участкового в случае болезни или отсутствия по какой-либо иной причине. И тот и другой избирались сроком на три года местными органами самоуправления из числа лиц, проживавших в данной местности и имевших определенный возрастной, образовательный и имущественный ценз.

Земские и городские органы самоуправления — как всеобщие представительные органы — тоже появились в результате реформ 60—70-х годов. Это уездные и губернские земские собрания (с их исполнительными органами — уездными и губернскими земскими управами) и городские думы (с их управами в качестве исполнительных органов). Они были наделены некоторыми немаловажными административными и хозяйственными функциями (строительство дорог, школ, местных больниц и управление ими, улучшение кустарной промышленности, пропаганда агрономических знаний и т. п. — это в сельской местности, а в городе — попечительство над транспортом, освещением, отоплением, водо-

проводом, набережными и мостами, заведование школьным и медицинским делом, торговлей и т. п.).

Однако все это местное самоуправление порою носило эфемерный характер, ибо основные позиции управления сохраняло за собою правительство. Оно лишь частично разгрузило свой административно-полицейский аппарат на местах, укрепив его тем самым для выполнения главных задач.

Мировые судьи (участковые и почетные) собирались на уездные съезды мировых судей (или, по-иному, мировые съезды), которые были высшей инстанцией — апелляционной — по делам, рассматривавшимся мировыми судьями.

Первой судебной инстанцией после мирового судьи стал окружной суд. (Судебные округа не всегда совпадали с существовавшим административным делением, и в некоторых губерниях было по нескольку окружных судов.) Каждый из них учреждался для рассмотрения гражданских и уголовных дел, выходящих за рамки подсудности мирового судьи, и при каждом состоял прокурор со своими помощниками («товарищами прокурора») и канцелярией. Приговоры окружного суда с участием присяжных заседателей считались окончательными, и обжаловать их можно было только в Сенате, в кассационном порядке. Однако по делам, решенным окружным судом без участия присяжных заседателей — а такая возможность допускалась законом, — разрешалось апеллировать во вторую инстанцию — судебную палату.

Судебная палата была одна на несколько губерний (в 1909 году их было во всей России 14). Она состояла из двух департаментов — уголовного и гражданского. При рассмотрении должностных преступлений крупных чиновников, председателей и членов уездных земских управ и собраний, а также присяжных заседателей и мировых судей судебная палата являлась судом первой

инстанции. Она рассматривала дела в составе четырех судей и трех сословных представителей (предводитель дворянства, городской голова и волостной старшина).

Как и до реформы, высшей судебной инстанцией в России оставался Сенат, осуществлявший также высший надзор за выполнением законов органами административной власти. Поэтому генерал-прокурор Сената являлся одновременно и министром юстиции. Сенат был второй судебной инстанцией (апелляционной) по делам о должностных преступлениях, решавшихся в судебной палате, и первой судебной инстанцией для высших сановников империи. На него возлагались также функции высшей кассационной инстанции.

Вот в этом-то новом судебном аппарате и занял свое место молодой кандидат прав Анатолий Кони, переступив в апреле 1866 года порог дома 4 на Литейном проспекте. Однако в декабре того же года он вынужден был покинуть Петербург в связи с назначением его секретарем прокуратуры Московской судебной палаты, где он проработал около года, после чего уехал в Харьков, чтобы занять должность товарища прокурора окружного суда. Для Кони началась, по собственному его выражению, «боевая судебная жизнь в только что открытом судебном округе». Уже там, в Харькове, он обратил на себя внимание как смелый, независимо мыслящий и одержимый своим делом юрист. А после Харькова был снова Петербург, правда совсем недолго, всего пять месяцев, когда он исправлял должность товарища прокурора окружного суда, затем Самара (губернский прокурор) и Казань (прокурор окружного суда). И вот в 1871 году — вновь столица. Теперь уже навсегда. До последнего дня службы и жизни.

Сняв скромную квартиру в Басковом переулке (в каком именно доме, установить не удалось, предположительно — в доме 4/34, на углу Надеждинской), Анатолий Федорович приступил к исполнению новых обязан-

ностей — прокурора окружного суда — в уже знакомом нам здании на Литейном проспекте.

Своим назначением на этот пост Кони был обязан самому министру юстиции графу К. И. Палену, с которым Анатолий Федорович лично познакомился во время пребывания на лечении в Карлсбаде (Карловы Вары). Молодой, энергичный, блестяще образованный юрист произвел на министра сильное впечатление, и граф Пален стал продвигать его по служебной лестнице.

Прокурором Петербургской судебной палаты в то время был В. А. Половцов, один из благороднейших, по словам Кони, представителей судебного ведомства. Он выбирал обвинителей на процессы в соответствии с их способностями и с характером дел, а также имел обычай назначать новичков, только что переведенных в Петербург, обвинителями по делам, в которых защитниками выступали сильные противники. Лишь после успешной сдачи такого «экзамена» (успешной не в смысле неперемогенного обвинительного приговора) новоприбывший получал, так сказать, полное признание со стороны коллег.

Такой «экзамен» выдержал и Кони. Половцов назначил его обвинителем по делу некоего Флора Францева, обвинявшегося в приготовлении к убийству. Однако все обвинение строилось на косвенных уликах и отчасти на сознании самого Францева, от которого на суде он отказался. Кони произнес положенную речь, «которая на уровне харьковских требований, предъявляемых в то время к оратору, могла бы сама по себе, независимо от исхода, считаться сильной и, пожалуй, яркой», как он сам иронично заметил. Но противником его на суде был Константин Константинович Арсеньев, крупнейший русский адвокат, известный литературный критик и либеральный публицист. Тончайшим разбором улик, иным их освещением и сочетанием Арсеньев разбил доводы обвинителя в пух и прах. «Урок был чувствителен и по-

учителен,— писал потом Кони в своей работе «Приемы и задачи прокуратуры (Из воспоминаний судебного деятеля)».— Оставалось опустить руки и зачислить себя в рядовые исполнители обвинительных функций или начать переучиваться и постараться воспринять новые для меня приемы и систему судебного состязания... Я избрал второе».

И все четыре года, проведенные Кони в должности прокурора столичного окружного суда, прошли под знаком непрерывного самосовершенствования. Он разрабатывал отдельные юридические вопросы на основе практики и выносил их на страницы специальных периодических изданий, печататься в которых начал еще в студенческие годы («Журнал министерства юстиции», «Вестник права» и другие).

Надобно заметить, что, когда в 1869 году А. Ф. Кони три с половиной месяца находился на лечении за границей, он широко использовал представившуюся ему возможность для ознакомления с деятельностью судебных учреждений Германии, Франции, Бельгии. Целые дни проводил он в залах заседаний судов, вел долгие беседы с прокурорами, адвокатами, изучал юридическую литературу этих стран, анализировал существующие в них тенденции развития судебной практики по уголовным делам. Все это, в сопоставлении с тем, что открывалось перед российским правосудием судебной реформой, помогало Кони выработать собственную твердую позицию по всем главным вопросам, связанным с воплощением в жизнь новых судебных уставов. Анатолий Федорович высоко ценил эти уставы за те прогрессивные идеи, что были заложены в них «отцами судебной реформы».

Слов нет, новая судебная система, особенно при сопоставлении ее с той, которая существовала в дореформенной России, была значительным шагом вперед, и вполне понятен тот энтузиазм, с которым встретила его значительная часть молодых юристов поколения 60-х го-

дов, в том числе и Кони, чье идейное становление проходило под знаком буржуазно-демократических реформ в годы первой революционной ситуации, открывавшей новый, разночинский этап освободительного движения в России. И хотя сам Анатолий Федорович был весьма далек от кругов революционеров-демократов, от их политических доктрин, от их практической деятельности, однако демократические идеалы, в которые верил Кони и которые он исповедовал, его либерализм родились не на пустом месте. Все в нашем мире взаимосвязано. Даже если такие связи не всегда отчетливо видны, это еще не значит, что их вовсе нет.

Однако демократическая судебная система, демократические начала правосудия, неколебимую преданность которым Кони пронес через всю жизнь, в условиях самодержавного государства имели характер весьма относительный, неустойчивый, они постоянно подвергались давлению со стороны реакционных и консервативных сил. Вынужденное в обстановке революционной ситуации конца 50 — начала 60-х годов пойти на определенные уступки, самодержавие не собиралось полностью сдавать своих позиций. Более того, при первой же возможности оно переходило в контраступление, глуша и давя то, чему само же дало жизнь.

А. Ф. Кони, несмотря на весь свой энтузиазм в отношении судебной реформы, как человек исключительно трезвого образа мыслей, все же, по-видимому, в глубине души понимал это. Не случайно, например, придавая большое значение нравственным аспектам осуществления правосудия, он говорил, что им «принадлежит в будущем первенствующая роль в исследовании условий и обстановки уголовного процесса». Как видим, Кони уповал на будущее (хотя и расплывчато-неопределенное, но явно — лучшее), а не настоящее, не на современную ему действительность. Он мог лишь мечтать и о том, чтобы в курс уголовного судопроизводства, читаемый студен-

там юридических факультетов, был включен специальный курс судебной этики. Самому ему провести это в жизнь так и не удалось, хотя подобные попытки он принимал не раз.

Отдавал себе Кони отчет и в том, что для успешного проведения судебной реформы нужны не только преданные ей люди, но и соответствующие условия для их деятельности. Он, однако, не сразу понял, что именно условий-то и нет, ибо самодержавие никак не заинтересовано в дальнейшем развитии демократических начал государственной и общественной жизни, а потому оно станет чинить этому процессу всяческие препятствия, тормозить его, пока это будет в его силах. И даже пойдет на попятную. Но все же понял. «У нас часто жалуются, что «нет людей»,— скажет он в январе 1892 года, выступая на годовом собрании Юридического общества при Петербургском университете,— когда в сущности нет не людей, а *условий* для их деятельности».

Но к такому выводу Анатолий Федорович пришел, уже имея за плечами четвертьвековой опыт деятельности на поприще юриста. Это были годы, заполненные напряженным трудом, испытаниями, разочарованиями, но они принесли Анатолию Федоровичу глубокое моральное удовлетворение, сознание верности избранного пути и его общественной значимости.

Став прокурором Петербургского окружного суда, Кони весь отдался любимому делу. Под его руководством проходит расследование сложных, запутанных уголовных дел, по наиболее крупным из них он сам выступает обвинителем. Его судебные речи, его ораторский талант привлекают к нему внимание широкой общественности, тем более что эти речи охотно публикуют газеты.

«Речей своих я никогда не писал,— признаёт Кони в «Приемах и задачах прокуратуры», написанных в 1911 году, то есть сорок лет спустя.— Раза два пробо-

вал я набросать вступление, но убедился, что судебное следствие дает такие житейские краски и так перемещает иногда центр тяжести изложения, что даже несколько слов вступления, заготовленного заранее, оказываются вовсе не той *увертюрой*, выражаясь музыкальным языком, с которой должна бы начинаться речь... Я всегда чувствовал, что заранее написанная речь должна стеснять оратора, связывать свободу распоряжения материалом и смущать мыслью, что что-то им забыто или пропущено».

Интересны также другие рассуждения Кони об ораторском искусстве вообще и об ораторском искусстве обвинителя на судебном процессе в частности — суждения, ярко характеризующие и его самого, и ту школу, которую он создал. Например, такое: «Еще до вступления в ряды прокуратуры я интересовался судебными прениями и читал речи выдающихся западных судебных ораторов, преимущественно французских, но должен сознаться, что мало вынес из них поучительного. Их приемы не подходят к природе русского человека, которой чужда приподнятая фразеология и полемический задор... Речь обвинителя должна быть сжата и направлена на то, чтобы приковать внимание слушателей, но не утомлять их. Судебный оратор должен избегать того, что еще Аристофан в своих «Облаках» называл «словесным поносом», замечая, что „у человека с коротким умом язык обыкновенно бывает слишком долгий”».

Кони справедливо отмечал, что во времена, когда он вступал на прокурорское поприще, не существовало сборников судебных речей, по которым можно было бы учиться ораторским приемам. Готовясь к каждому выступлению в суде, приходилось полагаться только на собственный опыт.

Ознакомясь с делом, Кони приступал прежде всего к мысленной постройке защиты (уроки В. А. Половцова не прошли даром!), выдвигая перед собою все могу-

шие возникнуть по делу сомнения. Закончив эту работу, он посвящал вечер накануне заседания исключительно размышлениям о предстоящем деле, стараясь представить себе, как именно было совершено преступление и в какой обстановке. После того как он приходил путем логических, житейских и психологических соображений к убеждению в виновности обвиняемого, Кони начинал, по его словам, мыслить образами, которые иногда возникали перед ним с такой очевидностью, что ему казалось, будто он присутствовал невидимым свидетелем при совершении преступления. И это, считал Кони, невольно отражалось на убедительности его речи, обращенной к присяжным.

Анатолий Федорович особенно подчеркивал мысль о том, что наряду со служебным долгом перед судебным деятелем стоит и его нравственный долг. Он, этот долг, предписывает никогда не забывать, что объектом действия судебного деятеля является прежде всего человек. А каждый человек имеет право на уважение к своему человеческому достоинству.

«Забвение про живого человека, про товарища в общем мировом существовании, способного на чувство страдания,— вменяет в ничто и ум, и талант судебного деятеля, и *внешнюю* предполагаемую полезность его работы! — писал Кони в статье «Приемы и задачи прокуратуры». — Как бы ни было различно его общественное положение сравнительно с положением тех, кого он призывает пред свой суд, как бы ни считал он себя безупречным не только в формальном, но и в нравственном отношении, в его душе должно, как живое напоминание о связи со всем окружающим миром, звучать прекрасное выражение браминов: «tat twam asi!» — *это тоже ты*, — но ты в падении, ты в несчастии, ты в невежестве, нищете и заблуждении, ты в руках страсти!»

Высказав эти очень мудрые и гуманные мысли, а точнее — принцип, которому сам он как юрист неукос-

нительно следовал, Кони тем не менее посчитал необходимым сделать важную оговорку о том, что он, однако, никогда не впадал в ту чувствительность, благодаря которой нередко совершенно исчезает из виду обвиняемый и дурное дело, им совершенное. А это жестоко по отношению к потерпевшему, поскольку к нравственному и материальному ущербу, который причинен пострадавшему, прибавится еще и обидное сознание, что преступление ничего не значит, что за него ни кары, ни порицания не последует.

Вот, пожалуй, те два важнейших постулата, которые выработал А. Ф. Кони, будучи прокурором окружного суда, и которые он реализовал во всей своей практической деятельности. Они принесли ему заслуженный авторитет и славу справедливого и гуманного жреца Немезиды.

Как в любом новом деле, так и в претворении в жизнь новых судебных уставов появлялись неясности, возникали вопросы, которые требовали всестороннего обсуждения и разрешения.

Став во главе прокуратуры Петербургского суда, Кони организовал общие собрания товарищей прокурора под своим председательством, на которых и обсуждались эти вопросы, причем по каждому из них представлялся подробный доклад. После обмена мнениями производилось голосование. Его результат облекался в форму краткого определения, которое, в свою очередь, становилось затем циркуляром и сообщалось для руководства по линии прокурорского надзора.

Вот как вспоминал об этом четверть века спустя один из товарищей прокурора — В. Г. Вильямсон — в некрологе, написанном им по случаю кончины другого бывшего товарища прокурора, а затем выдающегося адвоката В. И. Жуковского: «Я сошелся с Владимиром Ивановичем [Жуковским] в период незабвенных дней 1871—75 гг., когда во главе петербургской прокуратуры стоял А. Ф. Кони. Не могу без слез вспоминать это вре-

мя, когда судебные уставы, не вызывавшие тогда подчисток и помарок, служили всем нам путеводной звездой... По инициативе прокурора были устроены в его камере (т. е. в кабинете.— В. С.) вечерние заседания. На первых порах они вызвали протест со стороны некоторых товарищей прокурора и главным образом В. И. Жуковского, находившего бесцельным тратить время там, где все служебные вопросы могут, в конце концов, разрешаться единолично властью прокурора, но затем неудовольствие улеглось, заседания возбудили во всех живейший интерес, и о них у всех сохранилось самое светлое воспоминание. На одном из них Жуковский прочел свой реферат, и я забыть не могу, как до поздней ночи, не проронив словечка, слушали мы его лекцию, которой мог бы позавидовать любой юридический факультет».

Таким образом, «опираясь на положения, выработанные общим собранием, товарищи прокурора предъявляли единообразные заключения в судебных заседаниях». А. Ф. Кони, обосновывая то или иное мнение в общем собрании отделений суда, не раз заявлял, что руководствуется при этом постановлением общего собрания своих товарищей (т. е. заместителей прокурора). «Это не всегда и не всем нравилось...— замечает Кони в одной из своих позднейших работ.— «Вы дали у себя конституцию»,— говорили мне, употребляя, быть может не без задней мысли, запретное в то время слово. «Да! Дал»,— отвечал я спокойно, в сознании, что ни обвинительная власть, ни правосудие ничего не проигрывают от обращения товарищей прокурора из механических исполнителей распоряжений и циркуляров своего начальника в связанных обсуждением и соглашением деятелей единого по целям учреждения».

Вечерние бдения в камере прокурора были отличной школой для всех участников — и для самого Кони, и для его подчиненных. В этой «школе Кони» совершенст-

вовался профессионализм, выстраивались демократические начала отправления правосудия, его гуманистические аспекты. Будучи по должности прокурором-обвинителем, Анатолий Федорович являлся в то же время и защитником — защитником справедливого правосудия.

Отсюда постоянный, до конца жизни, интерес А. Ф. Кони к проблемам судебной этики, к вопросам ее содержания и применения. Придавая большое значение этическому началу в уголовном процессе, он в течение ряда лет подготовлял курс «Общие черты судебной этики», который, как уже отмечалось выше, считал необходимым ввести в юридических учебных заведениях с целью нравственного совершенствования будущих юристов.

Как прокурору окружного суда А. Ф. Кони довелось участвовать в крупнейших процессах своего времени. Во многих обвинительных речах (к примеру, по делу об убийстве почетного мирового судьи, коллежского асессора Чихачева, по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем и другим) он дал блестящий юридический и психологический анализ человеческих страстей, а силой своего ораторского искусства сумел показать не только суть преступления, но и что его вызвало, что стало его причиной. По справедливому замечанию К. К. Арсеньева, дар психологического анализа соединялся у Кони-оратора с темпераментом художника.

Некоторые уголовные процессы, в которых обвинение поддерживал Кони, имели особенно большой общественный резонанс. Так, дело о подлоге завещания купца Козьмы Беляева, слушавшееся в окружном суде с 17 по 23 февраля 1872 года, привлекло к себе внимание прежде всего тем, что между днем совершения преступления и днем рассмотрения его в суде прошло почти полтора десятилетия. К моменту вынесения приговора один из обвиняемых был разбит параличом, а многие свидетели уже умерли. Один из 114 свидетелей, вызванных в суд,

скончался во время процесса. Заканчивая свою много- часовую обвинительную речь, Кони, в частности, ска- зал, обращаясь к присяжным:

— Приговор ваш будет иметь большое значение. Де- ло это тянется четырнадцать лет и возбудило целую массу толков. Общественное мнение клонилось по отно- шению к нему то в одну, то в другую сторону. Но суд общественного мнения не есть суд правильный, не есть суд, свободный от увлечений. Поэтому приговоры об- щественного мнения по этому делу не могут и не долж- ны иметь значения для вас. Есть другой, высший суд — суд общественной совести. Это — ваш суд, господа при- сяжные. Произнеся ваш приговор, вы или снимите с подсудимых ярмо подозрений и слухов, которое над ни- ми тяготеет издавна, или скрепите его вашим спокойным и решительным словом.

Присяжные заседатели, просоветовавшись пять часов, вынесли решение о том, что завещание не подложно. Это означало оправдательный приговор в отношении троих подсудимых.

Однако такой исход дела еще более взбудоражил об- щественное мнение: и на обвинение, и на защиту обру- шился шквал нападок. «„Мясниковых оправдали!“ — возмущалась газета «Новое время». — Вот какой крик разнесся по всему Петербургу. Крик этот обозначает общее недовольство». Другие столичные газеты посвя- тили этому делу передовые статьи. О нем писали веду- щие журналы — «Отечественные записки» и «Вестник Европы». Оправдательный приговор дал повод для об- винения судей, адвокатов и прокурора в серьезных зло- употреблениях. «С.-Петербургские ведомости» даже ут- верждали, что «присяжные подкуплены», они, «как и адвокаты, получили по 300 тысяч рублей».

Раздавались упреки даже в адрес обвинителя, кото- рый-де произнес «слишком объективную» (!) речь. Пере- довая статья газеты «Московские ведомости» винила

Кони в том, что он излагал до мелочей соображения, по которым прокуратура предала Мясниковых суду, словно имел целью отвести от нее подозрения в несостоятельности обвинений. «Он шел словно ощупью, как будто стараясь убедить самого себя, медленно ступая, как бы не уверенный в твердости почвы под ногами, он как будто говорил присяжным: „Вы видите, господа, обвинительная власть имела много оснований привлечь Мясниковых к суду, она была вправе начать расследование, ибо посмотрите, сколько тут возникло сомнений”».

Зато «С.-Петербургские ведомости», писавшие о покупке присяжных и адвокатов, к обвинению отнесли по-другому, отметив, что роль прокурора была необыкновенно трудной. Они назвали ее адской. На страницах газеты была опубликована также статья А. С. Суворина, уже тогда журналиста влиятельного и авторитетного и находившегося еще в лагере либералов. О речи А. Ф. Кони он написал следующее: «Я слышал его обвинительную речь, и никогда, ни после одной речи, не выходил я из зала заседания суда с таким удовлетворенным чувством, с таким уважением к представителю судебной власти, как после речи Кони. Я считаю ее образцовой и по форме, и по содержанию... Превосходный критический разбор преступления, темного, запутанного, все нити которого порваны временем».

Весьма любопытную запись сделал в своем дневнике А. В. Никитенко, известный литературный критик, профессор русской словесности Петербургского университета: «Неудовольствие в публике на присяжных за оправдание Мясниковых. В деле не оказалось достаточных поводов к их обвинению, то есть улики, которые юридически могли бы быть этим поводом. Но присяжные, говорят, должны были бы основаться на совести, потому что нравственное убеждение в виновности Мясниковых общее. Но, может быть, присяжные по этому самому и не могли вынести обвинительного вердикта, опасаясь, по

справедливости, быть орудием чужих толков и слухов, давно уже ходивших в городе».

Никитенко чутко уловил и понял то, чего не смогли или не пожелали понять в своем предубеждении либо ослеплении многие газеты и определенная часть общественности, которая совершенно не чувствовала разницы между пересудами и правосудием, между «нравственным убеждением» в виновности и убедительным доказательством таковой.

«Приговор этот был понятен,— писал впоследствии Қони.— Если с ним трудно было согласиться с точки зрения тяжести и доказательности улик, собранных по делу, совокупность которых должна бы привести присяжных к обвинительному ответу, согласному с логикой фактов, то, с другой стороны, с точки зрения житейской, решение присяжных было легко объяснимо. Перед ними были люди, выстрадавшие четырнадцать лет мучительного состояния под подозрением; один из них лежал перед ними бессильный и разрушенный физически, другой... стоял полуразрушенный духовно, собирая последние силы своего мерцающего ума...»

По протесту прокурора судебной палаты Сенат отменил оправдательный приговор. Дело было направлено в Московский окружной суд для вторичного рассмотрения. Но и Московский окружной суд вновь вынес оправдательный приговор!

Буквально взбудоражил все общество процесс пользовавшейся широкой известностью в Петербурге и Москве игуменьи Митрофании, которая обвинялась в подлоге векселей от имени петербургского купца Лебедева на сумму 22 тысячи рублей.

Игуменья Митрофания, в миру баронесса П. Г. Розен, была дочерью командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала Г. В. Розена, фрейлиной императорского двора. Приняв монашество, она не ушла от мирских забот. Митрофания стояла во главе различных

духовных и благотворительных учреждений, поддерживала связи в высших сферах, во время частых своих приездов в Петербург из Серпухова, где находился ее монастырь, проживала в одном из великокняжеских дворцов и появлялась на улицах в карете с придворным лакеем. Игуменья Митрофания была личностью незаурядной. Умная, энергичная, деловая, она умела подчинять своему влиянию других, нередко превращая их в слепое орудие, в ревностных исполнителей ее воли и желаний.

Весьма любопытен и красноречив также тот факт, что «самые ее преступления — мошенническое присвоение денег и вещей Медынцевой, подлог завещания богатого скопца Солодовникова и векселей Лебедева, — несмотря на всю предосудительность ее образа действий, не содержали, однако, в себе элемента *личной корысти*, а являлись результатом страстного и неразборчивого на средства желания ее поддержать, укрепить и расширить созданную ею трудовую религиозную общину», — писал Кони в своем мемуарном цикле «Из заметок и воспоминаний судебного деятеля».

Как видим, дело игуменьи Митрофании, следствие по которому велось в Петербурге под наблюдением Анатолия Федоровича, и впрямь было неординарным. До введения новых судебных уставов подобный процесс был бы просто невозможен. Исполнение правосудия «невзирая на лица», на чины и звания, а тем более на высокий духовный сан было для России внове. И далеко не все принимали и признавали это, о чем можно судить, в частности, по тогдашним газетам и журналам, которые разделились на два лагеря. В одном были те, кто приветствовал процесс игуменьи Митрофании именно как событие, знаменующее все то новое и прогрессивное, что принесла с собою судебная реформа, и прежде всего — равную ответственность перед законом и полную гласность в отправлении правосудия. Журнал «Отечествен-

ные записки», например, писал, что нечасто «подобные факты, хотя бы существование их ни для кого не составляло тайны, приобретают такую огласку». Либерально-народническая «Неделя» находила, что процесс игуменьи Митрофании «интересен главным образом как характеристика нравов, как обличение многих темных сторон нашей общественной жизни».

Умеренно-либеральный, «профессорский», как его называли, «Вестник Европы» отнесся к процессу более сдержанно. «Во всем этом деле,— писал он,— не было ничего духовного, кроме сана, в котором случайно состояла обвиняемая, но из того, что одно лицо духовного сословия подверглось такому обвинению, само собой разумеется, решительно ничего не следует по отношению ко всему сословию».

Некоторые газеты и журналы, не отрицая факта подлогов, оправдывали действия Митрофании «высокими» соображениями и всячески подчеркивали, что цели, которыми она руководствовалась, извиняют те средства, к которым она вынуждена была прибегать.

Зато газеты крайне правого толка, усиленно выгораживая Митрофанию, вознося ее до небес как личность необычайную, одновременно шельмовали новое правосудие, сетовали на суд присяжных, который признал игуменью виновной и приговорил ее к ссылке на поселение в Енисейскую губернию сроком на три с половиной года с воспрещением выезда за пределы Сибири в течение одиннадцати лет. По мнению этих газет, суд присяжных относился-де гуманно к мошенникам и убийцам, если только они в сермягах, но не захотел проявить гуманности к мошеннице в рясе — «мошеннице поневоле». Газета «Гражданин», которую издавал известный реакционер князь В. П. Мещерский, назвала осуждение игуменьи Митрофании «праздником нигилистов», а другая реакционная газета — «Русский мир», редактировавшаяся В. В. Комаровым (обе выходили в Петербурге),

предприняла публикацию многочисленных писем и заявлений «о кознях» обвинительной власти по отношению к «несчастной жертве».

«Процесс игуменьи Митрофании кончился,— занес в свой дневник А. В. Никитенко,— [Он] имеет весьма серьезное значение как по сану лица, подвергшегося гласному суду и уголовной каре, так и по ведению его, делающему честь нашим судам. Тут никакая протекция не была принята в уважение, а на нее-то, видимо, рассчитывала игуменья в незаконном приобретении денег будто бы для благоугодных дел. Вообще этот процесс обнаружил во многом скверное состояние наших нравов».

Однако этот процесс обнаружил и еще одно весьма важное обстоятельство, а именно что суд «невзирая на лица», «суд улицы» отныне и надолго станет объектом год от года усиливающихся нападков и гонений не только со стороны определенной части общества, но также и правительства. Не пройдет полугода, как тот же Никитенко, добросовестный и обстоятельный летописец эпохи, занесет в свой дневник 30 марта 1875 года: «Всеобщие толки об опасности, грозящей нашей судебной части, едва успевшей явиться на свет: о подрыве ее несусыпно хлопочет министр юстиции, граф [К. И.] Пален. Он хочет опрокинуть суд присяжных, гласность и несменяемость судей, к чему и делает уже некоторые приступы. «Это всё теория»,— говорит он ломаным русским языком».

В связи с этим интересно сравнить приведенную выше запись Никитенко с его же записью в дневнике, сделанной пятью годами раньше, 26 октября 1870 года: «Деспоты думают, что людьми нельзя управлять посредством благодати и правосудия. Оставим в стороне благодать, которая в глазах многих слывет за качество, годное для устройства царства божьего, а не человеческого; но правосудие — это такое условие, без которого немислимо человеческое общество. Правосудие, огражденное за-

коном, есть главное основание общественных отношений».

Именно так рассуждали передовые люди эпохи, и прежде всего сами «отцы судебной реформы» и первые ее слуги, среди которых все более заметным становится А. Ф. Кони. Участие в нашумевших уголовных процессах снискало ему не только заслуженную славу выдающегося юриста, но и много врагов, которые не стеснялись себя в выборе средств. Однако горячая преданность делу, безупречная честность и поразительная работоспособность Анатолия Федоровича служили ему надежным щитом. Поэтому враги его вынуждены были прибегать к всевозможным инсинуациям и клевете, чтобы как-то замарать Кони, а главное, изобразить его таким якобинцем, который способен на все, чуть не на царевубийство.

Работа Анатолия Федоровича в прокуратуре Петербургского окружного суда не ограничивалась, разумеется, его выступлениями в качестве обвинителя. Осуществление прокурорского надзора, проведение расследований, руководство деятельностью своих помощников и всего аппарата прокуратуры, рассмотрение многочисленных ходатайств отдельных лиц, требовавшее проникновения в самую их суть,— все это тоже составляло его повседневные и весьма хлопотные обязанности. А обвинительные речи А. Ф. Кони, на многие десятилетия ставшие для русских юристов образцом,— это, по сути дела, глубокие психологические этюды, очерки о «героях» тех или иных уголовных дел. Очерки, которые в равной мере стали достоянием не только юстиции, но и литературы. Этой двуединой ценности они не утратили и в наши дни; сегодня, как век назад, по ним можно учиться глубине и точности юридического анализа, судебному красноречию, поразительному знанию человеческой психологии.

Казалось бы, трудно и чуть ли не противоестественно представить себе прокурора, о котором бы те, кого он от имени государства обвинял в ходе судебного раз-

бирательства, сохранили теплые воспоминания. И тем не менее, говоря о Кони, убеждаешься, что может — может! — быть и такое или, во всяком случае, нечто очень близкое. Нельзя ни на минуту сомневаться в искренности Анатолия Федоровича, тем более что и его современники свидетельствуют о том же, когда он, уже старческой рукой, вывел на бумаге такие трогательные слова: «...Через 48 лет по оставлении мною прокурорской деятельности я спокойно вспоминаю свой труд обвинителя и думаю, что едва ли между моими подсудимыми были люди, уносившие с собою, будучи поражены судебным приговором, чувство злобы, негодования или озлобления против меня лично. В речах моих я не мог, конечно, оправдывать их преступного дела и разделять взгляд, по которому tout comprendre — c'est tout pardonner *, или безразлично «зреть на правых и виновных». Но я старался понять, как дошел подсудимый до своего злого дела, и в анализ совершенного им пути избегал вносить надменное самодовольство официальной безупречности. Я не забывал русской поговорки: «Чужими грехами свят не будешь» или слышанного мною однажды на улице возгласа: «святим-то кулаком да по окаянной шее»...»

Да, будучи прокурором, Кони не давил на судьбу, не громил подсудимого, а лишь умело группировал улики, анализировал и сопоставлял их, устраняя возможные сомнения. Из его речей как бы сама собой вытекала очевидность и бесспорность вины подсудимого. На эту их характерную особенность обращает внимание и первый биограф Кони В. И. Смоларчук, автор книги, упомянутой во вступлении.

Кони решительно восставал против механического, бездумного приложения статей закона, против поверхностного скольжения по рассматриваемым уголовным

---

* Все понять — значит все простить (франц.).

делам, против подгонки доказательств под заданную ранее схему.

Судебные процессы, особенно те, на которых обвинителем выступал А. Ф. Кони, проходили, как правило, при огромном стечении публики. Любопытство вызывал не только сам процесс, но и все сопровождавшие его внешне обстоятельства, зрелищная сторона процесса, поскольку гласность судопроизводства была в новинку, равно как и состязательность сторон.

К зданию Петербургского окружного суда на Литейном в дни процессов устремлялись буквально все, независимо от рангов и социального положения, — от самых высокопоставленных сановников империи и титулованных особ до мелких чиновников, полуграмотных приказчиков и рядовых обывателей. И это тоже было внове для России — чтобы столь разные люди встречались в одном зале, под одной крышей, можно сказать, на равных. Такого демократизма Россия еще не знала.

А. Ф. Кони писал: «Отсутствие здоровой политической жизни в тогдашнем петербургском обществе сказывалось в том страстном отношении, которое проявляли различные круги к процессам, выдающимся или по свойству преступления, или по общественному положению обвиняемых. При всякого рода стеснительных и запретительных мерах по отношению к публичным чтениям — сравнительно свободная речь могла быть услышана, за исключением редких публичных заседаний ученых обществ, лишь из проповеднических уст духовных ораторов, на официальных торжествах и, наконец, в суде. Но на духовном витийстве лежала мертвящая рука, втискивавшая живое слово в узкие рамки предвзятых и не связанных с вопросами жизни текстов».

Далее Кони говорит о том, что так же мало удовлетворения доставляли и разные торжественные застольные речи, да и торжества эти бывали доступны не многим. Оставались судебные заседания. Там слово тоже

было ограничено конкретными обстоятельствами рассматриваемого дела, но оно вырабатывалось в свободной и наглядной борьбе сторон, и в содержание его вкладывалась неподдельная, настоящая жизнь с ее скорбями, падениями и роковыми осложнениями, причем толкование закона открывало путь критике различных общественных отношений. Это заставляло при каждом выходящем из ряда деле волноваться всех тех, кто, не будучи призван судить, приходил, однако, в соприкосновение с судом.

К многочисленным обязанностям, возлагавшимся на прокурора окружного суда, принадлежала в те годы и одна весьма своеобразная функция, которая требовала не столько юридических, сколько медицинских познаний, относящихся к области человеческой психики. А именно: лица прокурорского надзора и председатели суда непременно должны были участвовать в освидетельствовании душевнобольных. Освидетельствования проводились с целью учреждения опеки над лицами, не могущими распоряжаться самостоятельно своим имуществом, так что оно легко могло бы сделаться добычей всякого рода хищников. Освидетельствование необходимо было также для охранения общества от насильственных действий помешанных и их самих от поступков, которые могли бы иметь роковой характер. И наконец, такое официальное освидетельствование требовалось для ограждения здоровых лиц от предумышленного заключения их в дома умалишенных. Местом производства освидетельствования, за редкими исключениями, когда оно проводилось на дому или в больнице, бывало губернское правление, где собиралось так называемое Особое присутствие.

Решающая роль в этих освидетельствованиях, естественно, должна была принадлежать врачам — членам врачебного отделения губернского правления. Остальным членам Особого присутствия — губернатору, вице-губернатору, председателю и прокурору окружного су-

да, мировому судье и сословным депутатам отводилась роль свидетелей. На практике, однако, эти роли смешивались, на что сразу обратил внимание Кони. С присущей ему прямою и убежденностью он стал доказывать неправильность этого порядка, благодаря которому научно обоснованное мнение врачей нередко подавлялось «большинством голосов несведущей коллегии чиновников» и люди, несомненно сумасшедшие и опасные, выпускались на свободу. Но к протестам Кони прислушиваться не желали, и все оставалось по-прежнему. Особенно тревожно было то, что подчас привлекали к медицинскому обследованию людей вполне здоровых, но с дурным характером либо же нервно-восприимчивых, но далеко не сумасшедших. При этом основания были столь слабо мотивированы, что это сразу бросалось в глаза, особенно когда в Особое присутствие доставляли «умалишенных» по просьбе родственников.

«Раза два,— вспоминал Кони,— мне пришлось грозить судебным преследованием содержателю одной из частных лечебниц в Петербурге при обнаружении в губернском правлении явных признаков содержания в доме умалишенных здоровых людей по пропискам родственников, вносивших большую ежемесячную плату за содержание неугодного или ненавистного им человека... К сожалению, ни один из этих возмутительных случаев не мог дойти до суда, так как на чувства потерпевших немедленно оказывалось искусное давление, побуждавшее их к примирению или к отказу от жалобы. Я не хочу этим сказать, чтобы все, казавшиеся *на неопытный в психиатрии* взгляд (курсив мой.— В. С.) здоровыми, были такими в действительности...»

Обратим внимание на то, что неопытность в психиатрии Кони относил и к себе самому. Это обстоятельство, по всей видимости, побудило его всерьез заняться изучением душевных болезней. И он стал исправно посещать клинические лекции известного в то время психи-

атра И. М. Балинского «в маленьком, убогом деревянном здании на одном из дворов тогдашней Медико-хирургической академии» (ныне — Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова).

Это в соединении с приобретенными еще в университете медицинскими познаниями принесло свои ощутимые результаты. «...Я впоследствии, — писал Кони, — мог сознательно участвовать в течение многих лет в освидетельствовании сумасшедших, разрабатывать в своей практике судебно-медицинские вопросы, принимать участие в заседаниях медицинского совета и различных ученых обществ и сообщать моим слушателям в Училище правоведения и Лицее некоторое знакомство с судебной медициной в ее применении к судебно-уголовной деятельности».

Медико-хирургическая академия впоследствии избрала Кони своим почетным членом, и Анатолий Федорович с гордостью носил это звание.

У А. Ф. Кони в бытность его прокурором Петербургского окружного суда был двадцать один товарищ (заместитель), и все они, как и сам Анатолий Федорович, состояли директорами Общества попечительства о тюрьмах. Не входя по закону в состав управления местами заключения, они, однако, имели право беспрепятственного посещения тюрем гражданского ведомства во всякое время — для осуществления надзора за размещением подсудимых арестантов и ходом их дел, за соблюдением смотрителями порядка в отношении содержания арестантов и управления местами заключения. Забота об удовлетворении материальных и нравственных потребностей лиц, лишенных свободы, тоже входила в их обязанности.

Как и все, за что он брался, Анатолий Федорович и эту свою обязанность выполнял добросовестно, заинтересованно. Он обстоятельно познакомился с положением дел во всех петербургских тюрьмах, которые произ-

вели на него удручающее впечатление. Министр юстиции граф Пален, исполняя волю императора, поручил Кони, как наиболее сведущему в этих делах юристу, ознакомиться с устройством и содержанием тюремных помещений столицы одного из младших сыновей Александра II — великого князя Сергея Александровича*.

«Предпослав обзору продолжительную и подробную беседу об общих задачах тюремоведения,— вспоминает Кони,— о системах тюремного заключения и о типах тюрем в Западной Европе и Америке, я условился с великим князем о днях, когда он будет заезжать за мною, чтобы ехать на осмотр, о котором я решил никого не предупреждать. Мы выезжали от меня обыкновенно в десять утра и успели в течение недели осмотреть все разнообразные тюремные помещения Петербурга, за исключением военной и военно-морской тюрем. Оставив экипаж где-нибудь за ближайшим углом, мы шли пешком, и великий князь являлся в эти помещения как частный человек. Как нарочно, я посетил многие петербургские тюрьмы незадолго перед этим... Поэтому мой приход в сопровождении молодого офицера не возбуждал никаких вопросов... Я мог показать [великому князю] наши тюремные помещения во всей их неприглядной действительности».

Побывали они в Литовском замке, на углу Офицерской улицы (ныне — улица Декабристов) и Крюкова канала**, и в доме предварительного заключения, незадолго перед тем открытом за зданием Петербургского окружного суда и связанном с ним переходами, а также в пересыльной тюрьме, которая размещалась в ста-

---

* Впоследствии — московский генерал-губернатор. Убит 4 февраля 1905 года членом боевой организации социалистов-революционеров И. П. Каляевым.

** Здание было сожжено восставшими в дни Февральской революции 1917 года. Ныне на его месте — жилые дома, построенные в 1930—1950-х годах.

ром полуразвалившемся доме в Демидовом переулке (ныне — переулок Гривцова), где стали свидетелями тяжелых сцен расставания близких с уходившими в тот день на сибирскую каторгу «по Владимирке». Когда этапная партия выстроилась, Кони пересмотрел списки и показал их великому князю. В одной и той же партии были убийцы, разбойники, фальшивомонетчики, а также высылаемые на родину за... бесписьменность (то есть беспаспортность). Анатолий Федорович расспросил некоторых из них. И выяснилось: причиной невысылки им, находившимся в Петербурге и честным путем зарабатывавшим на хлеб, п^аспортов из волости (то есть с места их постоянного проживания) было то, что эти люди не дали взятку волостному писарю.

— Вот посмотрите,— сказал Кони, обращаясь к великому князю,— что такое наша паспортная система. Ведь это, по всей вероятности, вполне порядочные люди, но вследствие невольного, может быть, нарушения «паспортной системы», дающей столько поводов для разных злоупотреблений, они обречены многие дни провести в компании настоящих злодеев и прийти к себе домой разоренными, оторванными от честного труда и напитавшимися ядом насильственного и безнравственного сообщества.

Этапная партия при Кони и великом князе двинулась в путь на железную дорогу, звеня цепями, сопровождаемая плачущими женщинами с детьми на руках,— серая движущаяся масса, под серым петербургским небом, среди серых домов императорской столицы...

Несколько дней спустя после поездок с великим князем по тюрьмам граф Пален спросил Анатолия Федоровича, что именно показал он своему высокопоставленному спутнику. Кони ответил. «Оказалось,— читаем в его книге «На жизненном пути»,— что некоторыми высокопоставленными лицами, осведомившимися у Сергея Александровича о тяжелом впечатлении, произведенном

на него многим из виденного, было выражено мнение, что я поступил неправильно, упустив из виду, что надо щадить нервы великого князя и не подвергать испытанию его молодую восприимчивость. Я мог только подивиться на такую ретроспективную программу моих действий в качестве руководителя в ознакомлении с тюрьмами в их действительном виде. Для получения же приятных ощущений при взгляде на эти учреждения я, шутя, предложил бы недовольным мною обратиться в дирекцию императорских театров, которая поставила бы последний акт оперы «Фауст». Там пребывание несчастной Гретхен в тюрьме имеет вокально-инструментальный характер и в конце концов, особенно после апофеоза, тяжелого впечатления оставлять не может».

Решительный и принципиальный противник всех и всяческих официальных декораций, Кони твердо стоял за правду и доступными ему средствами отстаивал ее, и только ее.

«Быть слугою, а не лакеем правосудия, судебным деятелем, а не судебным чиновником» — под этим девизом, сформулированным им с первых же самостоятельных шагов на ниве правосудия, А. Ф. Кони прожил всю свою жизнь.

До Анатолия Федоровича стали доходить слухи, что в Особом присутствии по городским делам Кронштадта не все благополучно из-за самодурства военного губернатора вице-адмирала Казакевича, нелепого тщеславия городского головы Коргуева и услужливого попустительства обоим со стороны товарища прокурора Шаланина. Военный губернатор грубо и надменно обращался с городским головой, презрительно относясь к его штурманскому званию и делая его предметом осмеяния в публичных — вопреки закону — заседаниях Особого присутствия. А городской голова, одержимый манией величия, устроил себе в городской думе нечто вроде трона под балдахином и постоянно закрывал публике доступ в зал

заседаний в тех случаях, когда не имел на то ни права, ни оснований. И наконец, секретарь думы и Особого присутствия, человек весьма нервный и впечатлительный, тоже отличался. Он постоянно вмешивался в прения, а затем отказывался скрепить своей подписью журналы (протоколы) с теми постановлениями, с которыми лично он, секретарь, не был согласен. Получалось совсем по Крылову — «однажды Лебедь, Рак да Щука»...

Кони решил проверить все это на месте и выехал в Кронштадт. То, что он увидел там воочию, превзошло все ожидания и возмутило его до крайности.

Зал обширного помещения, где проходили заседания Особого присутствия, был переполнен публикой, она смеялась и громко выражала свое одобрение разным выходкам председателя — вице-адмирала Казакевича против городского головы, с которым военный губернатор говорил, повернувшись к нему спиной и презрительно пожимая плечами. На секретаря, который то и дело вмешивался в рассуждения, он громко покрикивал и вступал с ним в пререкания по существу обсуждаемых вопросов. «Все носило характер не рассмотрения спорных городских дел, а какой-то недостойной травли городского управления со стороны военного губернатора и лакействующего перед ним товарища прокурора».

По окончании заседания, взбешенный всем, что он увидел, Кони вызвал Шаланина и объявил ему, что переводит его в Новую Ладогу, которая была чем-то вроде ссылочного места для уездных товарищей прокурора, а почтенному адмиралу, пожелавшему узнать его мнение, высказал в резкой форме свое удивление всем увиденным, и особенно его отношением к городскому голове.

— Отныне я буду ездить лично на каждое заседание присутствия! — добавил Кони.

Адмирал был несколько сконфужен, однако заметил:

— Вот вы говорите о том, что не надо допускать публику. Если бы вы знали, какое у меня множество

людей пьянствует по трактирам! А тут, глядишь, по крайней мере хоть часок-другой пробудут, послушают, поглядят. Им ведь в Кронштадте скука смертная. А что до этого штурмана, то он другого обращения и не стоит. С тех пор, как он городской голова, он вообразил, что си китайская богородица, так я должен с него спесь по-сбить. Да и что такого нашли вы в моем с ним обращении? Я вам скажу,—добродушно прибавил адмирал,—что ведь нынче мы все знали, что вы — прокурор — в зале, так у нас было еще тихо, а то обыкновенно я их ругаю, они отругиваются, а ластовые мои * смеются. А что вы Шаланина взять хотите, так это напрасно! Он человек душевный и меня поддерживает. Без него мне с думой сладу не будет... Пожалуйте ко мне сегодня откусать — очень обяжете.

«Откушивать» у военного губернатора прокурор, естественно, не стал, а вот свой голос в защиту городской думы как учреждения выборного, демократического против самодурства флотского администратора поднял, видя в этом свой не только служебный, но и гражданский долг.

Через год после приезда Кони в Петербург и вступления в должность прокурора окружного суда молодой, способный юрист был приглашен читать лекции по законоведению особе царской фамилии — великому князю Николаю Николаевичу младшему**. Курс лекций, подготовленный Анатолием Федоровичем для чтения великому князю, занял два года и представлял собою серьезную научную работу, свидетельствующую о глубине

---

* Ластовые — занятые в портовой и транспортной службе флота. Офицеры ластового экипажа.

** Великий князь Николай Николаевич младший (1856—1929) — сын великого князя Николая Николаевича старшего, в период первой мировой войны — верховный главнокомандующий русской армии, затем — главнокомандующий Кавказским фронтом. После революции — в эмиграции во Франции.

познаний Кони и оригинальности его научного мышления. Конспект этих лекций имеется в его архиве. Кони стремился, прежде всего, внушить великому князю мысль о том, что сила закона едина для всех без исключения. В этом нашла свое выражение четкая гражданская позиция Анатолия Федоровича, которой он не поступался никогда и ни перед кем.

В середине 1875 года Кони получил новое назначение — на должность вице-директора департамента в Министерстве юстиции — и стал одним из ведущих советников министра, постоянным участником всех важных совещаний, которые тот проводил. Имя Анатолия Федоровича было к тому времени уже широко известно не только среди юристов. Его хорошо знали в правительственных кругах. Императорскими указами на Кони был возложен еще ряд обязанностей — члена совета управления при великой княгине Елене Павловне, ведавшего благотворительной деятельностью, и члена Комиссии для исследования железнодорожного транспорта в России. Одновременно Кони стал преподавателем Императорского училища правоведения — одного из привилегированных учебных заведений, призванного готовить высокообразованных юристов (оно размещалось в доме 6 по набережной Фонтанки, на углу Сергиевской улицы — ныне улица Чайковского). В основу курса, который ему предстояло читать воспитанникам училища в течение восьми лет, Анатолий Федорович положил свои лекции, подготовленные для занятий с великим князем Николаем Николаевичем младшим.

В связи с переводом на службу в Министерство юстиции Кони оставил наемное жилье и переехал в просторную казенную квартиру, положенную по новой должности, в самом здании министерства, которое размещалось в доме 1 по Екатерининской (ныне — Малая Садовая) улице, угол Большой Итальянской (ныне — улица Ракова). Там он прожил около трех лет.

ПРОЦЕСС ВЕКА

Несмотря на всю загруженность служебными делами, А. Ф. Кони оставался верен себе и в своих постоянных привязанностях — к общественной деятельности и литературе, к научной работе, журналистике, театру. Вокруг него много самых разных людей. Завязываются или возобновляются знакомства с известными писателями, политиками, сановниками, деятелями искусства. Каждый день, каждый час жизни Анатолия Федоровича заполнен напряженным творчеством. Во имя дела, которому служит, ради всепоглощающей преданности ему он обрекает себя на положение вечного холостяка.

Как-то летом 1873 года Кони возвращался из Ораниенбаума, с дачи инженера путей сообщения Александра Николаевича Еракова, с семьей которого Анатолий Федорович был близко знаком. Возвращался он вместе с Некрасовым — также большим приятелем Александра Николаевича. Их знакомство и сближение произошло через сестру поэта Анну Алексеевну Буткевич, которая руководила воспитанием детей Еракова. Александр Николаевич был высокообразованным, чрезвычайно добрым и увлекающимся человеком, обладавшим тонким художественным вкусом. В его гостеприимном доме помимо Некрасова бывали М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Н. Плещеев, крупный юрист и общественный деятель А. М. Унковский. Алексей Николаевич Плещеев — вид-

ный поэт-революционер, чьи стихи, по словам Блока, «вросли в русское сердце», вдохновляли петрашевцев и тех, кто вышел на арену общественной борьбы в последующие десятилетия, был в то время секретарем Некрасовских «Отечественных записок».

С начала 1872 года Кони стал довольно часто встречать в доме Ераковых Некрасова, навещавшего сестру, которую он очень любил и которой приносил свои только что написанные стихотворения. Разумеется, они становились известны и Еракову, который высоко ценил поэзию Некрасова и самого поэта. Ераков дал Некрасову некоторые сведения и факты, которыми тот воспользовался при создании поэмы «Железная дорога». Благодаря своей дружбе с Ераковыми Анатолий Федорович читал почти все произведения Некрасова, появившиеся после 1871 года, еще в рукописи, иногда в первоначальном виде. Кони очень дорожил такой возможностью. Он принадлежал к числу горячих поклонников поэзии Некрасова, которую признавали тогда далеко не все.

Однако история знакомства А. Ф. Кони с Н. А. Некрасовым уходит корнями в более давние времена. В детстве Анатолий с живым интересом слушал рассказы отца о том, как он, Федор Алексеевич, будучи, еще до рождения сына, издателем-редактором «Литературной газеты», приветил у себя молодого поэта, рекомендованного ему одним из сослуживцев по Дворянскому полку. Это были самые трудные годы в жизни Некрасова — годы тяжелых испытаний и лишений, когда «ему приходилось очень бедствовать, подчас подолгу голодать и на себе испытать ту нищету, бесприютность и неуверенность в завтрашнем дне, которые отразились на содержании многих его стихотворений». Существовать приходилось «составлением книжек для мелких издателей-торгашей и торопливым писанием на заказанные темы о чем придется и как придется».

Знакомство с Федором Алексеевичем, который, ценя молодого литератора, предложил Некрасову в «Литературной газете», а также в «Пантеоне» хороший по тогдашним временам заработок, стало одним из переломных моментов в жизни и творчестве человека, которому суждено было стать великим русским национальным поэтом. Федор Алексеевич не только печатал в газете и журнале работы Некрасова, подписывавшего их псевдонимом «Н. Перепельский», но нередко подсказывал и сами темы, «давая ему иногда по целым неделям приют у себя и оберегая его от возвращения к привычкам бродячей и бездомной жизни».

«Кони стал в такое положение,— подчеркивает известный некрасовед В. Евгеньев-Максимов в своей книге «Некрасов и его современники»,— в такие отношения с Некрасовым, при которых мог влиять на него не только как на писателя, но и как на человека. Некрасов весьма и весьма нуждался в таком влиянии».

Знакомство с Ф. А. Кони сыграло выдающуюся роль в жизни поэта, о чем он сам посчитал нужным сказать в письме Федору Алексеевичу из Ярославля от 16 августа 1841 года. Письмо было вызвано сплетнями одного из «добрых приятелей» Некрасова, приведшими к недоразумению между поэтом и Кони. «Неужели Вы считаете меня способным так скоро забыть недавнее прошлое?..— писал Некрасов.— Я помню, что был я назад два года, как я жил... я понимаю теперь, мог ли бы я выкарабкаться из сору и грязи без помощи Вашей... Я не стыжусь признаться, что всем обязан Вам: иначе бы я не написал этих строк, которые могли бы навсегда остаться для меня уликою».

Именно в редакции «Литературной газеты» завязались отношения у Некрасова с А. А. Краевским. Это раскрыло перед ним двери «Отечественных записок» — лучшего в то время журнала, где тон задавал «неистовый Виссарий» — Белинский.

Слушая рассказы отца о Некрасове, Кони-младший проникался глубоким чувством к поэту, в его сердце вошла и осталась там навсегда большая, искренняя любовь к его стихам.

Когда Некрасов вышел на широкую литературную дорогу, стал редактором «Современника», его добрые отношения с Федором Алексеевичем продолжались, хотя виделись они нечасто. Однажды, когда Анатолию было лет четырнадцать или пятнадцать, идя по Невскому проспекту с отцом, он оказался свидетелем их встречи. В тот день Анатолий впервые увидел поэта. Юноша жадно всматривался в его желтоватое лицо и усталые глаза, вслушивался в его глухой голос. Беседа была короткой. Разговор почему-то коснулся исторических исследований об Иване Грозном и о его царствовании как благодарном драматическом материале,— может быть, в связи с чьей-то пьесой, написанной или напечатанной.

— Эх, отец! — сказал Некрасов, который любил употреблять это слово в обращении с собеседником.— Ну, чего искать так далеко? Да и чего это всем дался этот Иван Грозный! Еще и был ли Иван-то Грозный?.. — закончил он смеясь.

Осенью 1861 года Анатолий Федорович видел Некрасова на литературном вечере памяти Добролюбова, где он читал стихи покойного, еще не появившиеся в печати. Потом, десять лет спустя, Кони слышал чтение Некрасовым стихов еще на одном вечере. И вот, наконец, частые встречи у Ераковых и — сближение двух талантливых русских людей, вписавших славную страницу в историю нашей родины.

Итак, возвращаясь вдвоем из Ораниенбаума в карете Некрасова, они оживленно и дружески беседовали всю дорогу. Анатолий Федорович спросил поэта, отчего он не продолжает «Кому на Руси жить хорошо». На это Некрасов ответил, что, по плану своего произведения, он дошел до того места, где хотел бы поместить наиболее

яркие картины из времен крепостного права, но что ему нужен фактический материал, а собирать его некогда, да и трудно, потому как в России даже и недавним прошлым никто не интересуется.

— Постоянно будить надо,— добавил Некрасов,— без этого русский человек способен позабыть и то, как его зовут.

— Так вы бы и разбудили, бросив клич между знаковыми о доставлении вам таких материалов,— сказал Кони.— Вот, например, хотя я и мало знаком с жизнью народа при крепостных отношениях, а, думается, мог бы рассказать вам случай, о котором слышал от достоверных людей.

— А как вы познакомились с русской деревней и что знаете о крепостном праве? — поинтересовался Некрасов.

Кони сказал, что в отрочестве ему пришлось два лета провести вместе с родителями в Звенигородском уезде Московской губернии и в Бельском уезде Смоленской, где он стал свидетелем ряда безобразных проявлений крепостного права со стороны членов семьи одного помещика. А еще ближе познакомился Кони с бытом русской деревни, когда, будучи студентом, жил летом в усадьбе Панькино Пронского уезда Рязанской губернии, где готовил младшего сына хозяина усадьбы к поступлению в гимназию. И Анатолий Федорович поведал Некрасову историю, услышанную им от одного старика — сторожа волостного правления. Это была история местного помещика, который зверски обращался с крепостными, а усердного помощника — исполнителя своих велений — нашел в любимом кучере, человеке жестоком и беспощадном.

У помещика этого, который вел весьма разгульную жизнь, отнялись ноги, и силач кучер на руках вносил его в коляску и выносил из нее. «У сельского Малюты Скуратова был, однако, сын, на котором отец сосредото-

точил всю нежность и сострадание, не находимые им в себе для других. Этот сын задумал жениться и пришел вместе с предполагаемой невестой просить разрешения на брак. Но последняя, к несчастью, так приглянулась помещику, что тот согласия не дал. Молодой парень за-тосковал и однажды, встретив помещика, упал ему в ноги с мольбою, но, увидя его непреклонность, поднялся на ноги с угрозами. Тогда он был сдан не в зачет в солдаты, и никакие просьбы отца о пощаде не помогли. Последний запил, но недели через две снова оказался на своем посту, *прощенный* барином, который слишком нуждался в его непосредственных услугах. Вскоре затем барин поехал куда-то к соседям со своим Малютою Скуратовым на козлах. Почти от самого Панькина начинался глубокий и широкий овраг, поросший по краям и на дне густым лесом, в котором вилась заброшенная дорога. На эту дорогу, в овраг, называвшийся Чертово Городище, внезапно свернул кучер, не обративший никакого внимания на возражения и окрики сидевшего в коляске барина. Проехав с полверсты, он остановил лошадей в особенно глухом месте оврага, молча, с угрюмым видом, как рассказывал в первые минуты после пережитого барин, отпряг их и отогнал ударом кнута, а затем взял в руки вожжи. Почуввав неминуемую расправу, барин, в страхе, смешивая просьбы с обещаниями, стал умолять пощадить его.

— Нет! — отвечал ему кучер. — Не бойся, сударь, я не стану тебя убивать, не возьму такого греха на душу, а только так ты нам солон пришелся, так тяжело с тобою жить стало, что вот я, старый человек, а через тебя душу свою погублю...

И возле самой коляски, на глазах у беспомощного и кричащего в ужасе барина, он влез на дерево и повесился на вожжах».

Выслушав этот рассказ, Некрасов глубоко задумался и всю оставшуюся до Петербурга дорогу ехал молча.

Потом он предложил Анатолию Федоровичу подвезти его к дому, а при расставании сказал:

— Я воспользуюсь вашим рассказом.

Год спустя Кони получил от поэта корректурный лист, на котором было набрано: «Про холопа примерного — Якова верного». Некрасов просил сообщить — «так ли?» Анатолий Федорович ответил ему, что некоторые маленькие детали нисколько не изменяют существа дела. Прошел еще месяц — и на письменном столе Кони лежал отдельный оттиск той части «Кому на Руси жить хорошо», «в которой изображена эта пронская история в потрясающих стихах». Она вошла в раздел «Пир — на весь мир». Ее и сегодня невозможно читать без содрогания.

А. Ф. Кони не раз посещал поэта в доме Краевского на Литейном, 38 (ныне — 36), где жил Некрасов и где размещалась редакция «Современника» (к тому времени, правда, закрытого) и «Отечественных записок»*, обедал у него в обществе сотрудников этого журнала. Там же познакомился Анатолий Федорович с будущей женой поэта — Феклой Анисимовной, которую Николай Алексеевич называл более благозвучным именем Зина и к которой обращены многие его предсмертные стихи, «полные страдальческих стонов и нежности».

Некрасов прибегал иногда к совету Кони по юридическим вопросам, тем более что у поэта было много врагов, которые распространяли о нем самые злоречивые слухи, стремясь скомпрометировать его и подорвать авторитет возглавляемого им журнала.

Во время предсмертной болезни Некрасова, долгой и мучительной, Кони неоднократно бывал у него и каждый раз, по его словам, с трудом скрывал свое волнение при виде того беспощадного разрушения, которое

---

* Теперь там Музей-квартира Н. А. Некрасова, а также Ленинградское отделение издательства «Советский писатель».

совершал с поэтом недуг (рак спинного мозга). Когда Анатолий Федорович навестил его за день или два до смерти, Николай Алексеевич попенял ему, что тот редко к нему заходит. «Я отчасти заслужил этот упрек,— писал Кони,— но я знал от его сестры, что посещения его утомляют, и притом был в это время очень занят, иногда не имея возможности дня по три подряд выйти из дому».

Анатолий Федорович извинился. Говоря с трудом, тяжело переводя дыхание, Некрасов произнес слабым голосом:

— Да что вы, отец! Я ведь это так говорю, я ведь и сам знаю, что вы очень заняты, да и всем живущим в Петербурге всегда бывает некогда. Да, это здесь роковое слово. Я прожил в Петербурге почти сорок лет и убедился, что это слово — одно из самых ужасных. Петербург — это машина для самой бесплодной работы, требующая самых больших — и тоже бесплодных — жертв. Он похож на чудовище, пожирающее лучших из своих детей. И мы живем в нем и умираем, не живя. Вот я умираю, а, оглядываясь назад, нахожу, что нам все и всегда было некогда. Некогда думать, некогда чувствовать, некогда любить, некогда жить душою и для души, некогда думать не только о счастье, но даже об отдыхе, и только умирать есть время...

Похороны Некрасова 30 декабря 1877 года были очень многоядными, в них приняли участие самые разнообразные круги общества. «Обстановка этих похорон и характер участия в них молодого поколения указывали,— отмечает Кони,— что ими выражается не только сочувствие к памяти покойного, но и подчеркивается живое, активное восприятие основного мотива его поэзии».

Перечислив некоторых из писателей, участвовавших в похоронах, репортер «С.-Петербургских ведомостей» добавил: «Вернее, впрочем, было бы назвать отсутству-

ющих, хотя таких, по-видимому, не было». А по словам «Биржевых ведомостей», «сзади гроба двигалась толпа, состоящая, кажется, из всех находящихся в Петербурге литераторов, артистов и художников, адвокатов, профессоров и пр. Большинство редакций присутствовали в полном составе».

Вечер после похорон Кони провел в доме редактора-издателя журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевича, где собрались те, кто был большим поклонником скончавшегося поэта и горячо любил его «за каплю крови, общую с народом»*. Встреча была всецело посвящена усопшему, собравшиеся читали его стихи, говорили только о нем, делились воспоминаниями.

Спустя три десятилетия А. Ф. Кони написал прекрасный очерк о поэте — «Николай Алексеевич Некрасов», а еще через тринадцать лет, к 100-летию со дня рождения поэта, — статью «Мотивы и приемы творчества Некрасова». Это его дань памяти великого художника и гражданина нашей Отчизны.

* * *

Однажды — это было весной 1874 года — в камеру прокурора окружного суда вошел Виктор Павлович Гаевский, давний знакомый Анатолия Федоровича. По образованию тоже юрист, Гаевский был почти на двадцать лет старше Кони. Он стоял у колыбели Литературного фонда при его создании, в начале 1860-х годов привлекался к судебной ответственности по делу «о сношениях братьев Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичей, М. Л. Налбандяна, В. И. Кельсиева и других с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым». Затянувшееся это дело (так называемый процесс 32-х) слушалось в Сенате (дореформенным судебным порядком) с 7 июля 1862-го по 27 апреля

---

* Строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Умру я скоро...».

1865 года. По данному процессу проходил также Иван Сергеевич Тургенев, вытребованный властями из-за границы для дачи показаний в качестве обвиняемого. По-видимому, тогда у В. П. Гаевского, который и сам был не чужд литературных занятий, и завязались дружеские отношения со знаменитым русским писателем. Но не исключено, что произошло это еще раньше, до разрыва Тургенева с некрасовским «Современником» и последовавшего затем его отъезда за границу.

Вот еще один факт, характеризующий В. П. Гаевского. На процессе членов революционной организации (они вошли в историю России под названием ишутинцев, или каракозовцев), состоявшемся после покушения Дмитрия Каракозова на Александра II в апреле 1866 года, одним из главных обвиняемых был литератор-фольклорист И. А. Худяков. Ему, игравшему особенно заметную роль в деятельности петербургского отделения ишутинского кружка, угрожала виселица. Худяков сам выбрал своим адвокатом именно В. П. Гаевского, и, надо полагать,— не только из-за высокой юридической квалификации Виктора Павловича, и тем более не из-за обоюдной их любви к словесности. Было в этом выборе, несомненно, нечто другое — определенная духовная общность.

На процессе Гаевский, хотя ему почти совсем не было отведено времени для предварительного знакомства с делом подзащитного, сумел разбить доводы обвинения. Из-за недостатка улик суд приговорил Худякова всего лишь к поселению в отдаленные места Сибири. «Конечно, его (Гаевского.— В. С.) энергии я обязан своей жизнью»,— признавал он в своих воспоминаниях, написанных в сибирской ссылке.

В 70—80-е годы В. П. Гаевский вошел в круг постоянных авторов журнала «Вестник Европы», на страницах которого публиковались его литературоведческие работы. По-видимому, тогда-то и произошло знакомство

Виктора Павловича с Анатолием Федоровичем, также тяготевшим к «Вестнику Европы». Их связывали и литературные и юридические интересы.

В тот весенний день 1874 года, о котором идет речь, Гаевский появился в служебном кабинете Кони не один. С ним был незнакомый Анатолию Федоровичу мужчина: крупная фигура, седые волнистые волосы с прядью, спускающейся на лоб, открытое русское лицо, с которым мало гармонировало шелковое кашне, обмотанное по французскому обычаю вокруг шеи... Это был Иван Сергеевич Тургенев, приехавший ненадолго в Петербург из-за границы, где он постоянно жил с 1860 года. Гаевский познакомил с ним Кони и сказал, что Иван Сергеевич хотел бы посмотреть само производство суда с присяжными, а кроме того, его интересуют некоторые подробности нашумевшего тогда дела об убийстве коллежского асессора Чихачева, совершенном штабс-капитаном Непениным при участии его жены, а также взгляды на него человека, которому выпало разбирать эту житейскую драму перед судом, то есть взгляды А. Ф. Кони. Анатолия Федоровича не удивил повышенный интерес знаменитого писателя к этому уголовному делу: оно и впрямь представляло собою благодатный материал для столь глубокого и тонкого наблюдателя и изобразителя жизни, каким был Тургенев.

Анатолий Федорович рассказал писателю все, что его интересовало в деле Непениных, прения по которому он признавал заслуживающими перевода на французский язык. Потом разговор перешел на другие темы. Коснулся он, между прочим, и Герцена, о котором Тургенев говорил с особой теплотой. Наконец, Кони послал узнать, какие дела слушаются в тот день в обоих отделениях уголовного суда, и затем провел Ивана Сергеевича на «места за судьями» одной из зал. Тургенев очень внимательно следил за всеми подробностями проходившего там процесса, а когда был объявлен перерыв и судьи

ушли в свою совещательную комнату, Кони привел туда и Тургенева, познакомил его с товарищами председателя и членами суда. «В следующий приезд Тургенева,— писал Кони,— я встречал его у М. М. Стасюлевича и не мог достаточно налюбоваться его манерой рассказывать с изящной простотой и выпуклостью, причем он иногда чрезвычайно оживлялся».

Они сдружились — великий русский писатель и выдающийся русский юрист. И встречались в Петербурге — во время наездов туда Тургенева — и в Париже. И оба дорожили этой дружбой, питая глубокое уважение друг к другу. Было у них и еще одно связующее звено — великая русская актриса Мария Гавриловна Савина — гордость русской сцены. Обоих связывали с нею теплые дружеские отношения. Савина играла в пьесах Тургенева на Александринской сцене, и писатель был в восторге от ее игры. Когда Иван Сергеевич скончался, Кони писал Савиной: «Какое жгучее слово: нет! Смешно говорить, что его нет как писателя, как художника. Он завершил свою деятельность, он вылил себя из бронзы — и в этом смысле он бессмертен до тех пор, пока живет русский народ, пока существует европейская культура».

Памяти писателя Анатолий Федорович посвятил впоследствии несколько работ — очерк-воспоминание «Тургенев», большую и блестящую речь на торжественном заседании Академии наук, посвященном 100-летию со дня рождения Ивана Сергеевича, обширные воспоминания «Савина и Тургенев», а также воспоминания «Похороны Тургенева». Кони приложил немало усилий, чтобы очистить память друга от наветов и грязи, которыми пытались запятнать его имя недоброжелатели. А их у него хватало при жизни, не убавилось их, увы, и после смерти писателя, так же, как и у Некрасова.

«Кончая, благодарно преклоняюсь перед памятью Тургенева за все, что он оставил нам,— сказал Анатолий Федорович в завершение своей речи на торжествен-

ном заседании в Академии наук.— За все высокие и чистые чувства, которые он умел возбуждать, за то неоценимое художественное наслаждение, которое он дал нам вкусить в своих незабвенных творениях. Тургенев в своих творениях напоминает мне готический храм, глубоко заложенные в землю стены которого стремятся вверх, чаруя взор своими цветными лучистыми окнами, изящными пролетами и кружевной резьбой и, переходя в стройные башни, смело поднимаются в ясное небо, в небо возвышенных стремлений, благородства мысли и чувства, в небо нравственного идеала».

* * *

Добрые, весьма близкие отношения установились у А. Ф. Кони в 70-е годы с выдающимися русскими писателями — Ф. М. Достоевским, И. А. Гончаровым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, А. Ф. Писемским, с поэтами Я. П. Полонским, А. Н. Майковым, актером и писателем И. Ф. Горбуновым.

Педагог и детская писательница Варвара Николаевна Куликова, с которой Кони был знаком еще в детстве, сестра его ровесника и друга со студенческих лет, педагога и драматурга Николая Николаевича Куликова (а их отец — Николай Иванович Куликов, актер и режиссер Александринского театра, драматург, переводчик, — был, в свою очередь, в дружеских отношениях с Федором Алексеевичем), лично знала Достоевского. Как-то она прислала Анатолию Федоровичу письмо, в котором сообщила, что Федор Михайлович находится в крайне затруднительном положении. Дело в том, что, будучи редактором газеты-журнала «Гражданин», выходявшей без предварительной цензуры, он опубликовал заметку издателя газеты В. П. Мещерского «Киргизские депутаты в С.-Петербурге». В ней описывалось представление киргизских депутатов императору и приводи-

лись слова, обращенные царем к одному из депутатов, а также начало речи последнего.

«По условиям тогдашней цензуры,— писала в своих воспоминаниях А. Г. Достоевская,— речи членов императорской фамилии, а тем более слова государя, могли быть напечатаны лишь с разрешения министра императорского двора. Муж не знал этого пункта закона. Его привлекли к суду без участия присяжных. Суд состоялся 11 июня 1873 года в СПб (т. е. Санкт-Петербургском.— В. С.) окружном суде. Федор Михайлович явился лично на судоговорение, конечно, признал свою виновность и был приговорен к 25 руб. штрафа и к двум суткам ареста на гауптвахте. Неизвестность, когда придется ему отсиживать назначенное ему наказание, очень беспокоила мужа, главным образом потому, что мешала ему ездить к нам в [Старую] Руссу».

Вот об этом и шла речь в письме В. Н. Куликовой. Кони, отвечая ей, просил передать Федору Михайловичу, что приговор будет обращен к исполнению лишь тогда, когда он сам найдет это по своим соображениям удобным. Достоевский был тронут пониманием со стороны прокурора и не замедлил откликнуться благодарственным письмом, в котором писал:

«Милостивый государь Анатолий Федорович,

Позвольте мне от души поблагодарить вас, во-первых, за отмену распоряжения о моем аресте, а во-вторых, за лестное для меня слово, написанное вами обо мне в письме к многуважаемой и добрейшей г-же Куликовой, с которою этот случай дал мне большое удовольствие ближе познакомиться.

Но вам надо точнее знать о том, когда я буду в состоянии исполнить требуемое. В настоящее время я, кроме всего, езжу каждодневно лечиться сжатым воздухом, но полагаю, что к марту, может быть, и кончу лечение. А потому, если не станет это вразрез с вашими соображениями, я, кажется, совершенно (и во вся-

ком случае), буду готов исполнить приговор *в самых первых числах марта*.

Впрочем, если по каким-нибудь соображениям надо будет и ранее — то я, без сомнения, всегда *готов*.

И того слишком довольно, что я теперь на эти несколько дней избавлен вашими стараниями, за что еще раз позвольте отблагодарить вас.

Примите уверения моего искреннего и глубокого уважения.

Ваш покорный слуга Федор Достоевский».

На гауптвахту, что на Сенной площади (ныне — площадь Мира), Достоевский явился 21 марта 1874 года и находился там до 23-го.

По выходе с гауптвахты Достоевский дал знать Кони — по-видимому, вновь через Куликову — о своем желании посетить его и познакомиться лично.

«Неотложные занятия помешали мне, глубокоуважаемый Федор Михайлович, ранее повидаться с Вами, — писал Кони Достоевскому 13 апреля 1874 года. — В понедельник 15 апреля я буду ждать Вас весь вечер — и сочту за особую честь посещение человека, которому так много обязан я в своем нравственном развитии».

Последние слова в этой фразе — не просто дань вежливости. Они сушая правда: как и на многих других современников, творчество Достоевского имело значительное влияние на Кони. В январе 1866 года, когда он служил в Главном штабе, зашел как-то Анатолий Федорович к Аполлону Николаевичу Майкову, известному поэту, с которым он познакомился еще в Москве, в годы студенчества. Майков был другом юности Достоевского, они поддерживали дружеские отношения и после возвращения Федора Михайловича с каторги. Так вот, в тот морозный январский день Майков, живший в доме на углу Садовой и Екатерингофского проспекта (ныне — проспект Римского-Корсакова), напротив Юсуповского сада (Садовая, 51), встретил Кони, весь под впечатле-

нием прочитанной им в «Русском вестнике» первой части «Преступления и наказания».

— Послушайте, что я вам прочту! — радостно воскликнул Майков. — Это нечто удивительное!

Жил он очень замкнуто, но умел и любил знакомить своих редких посетителей с лучшими произведениями современных писателей.

Заперев дверь кабинета, чтобы никто не мешал, Майков прочел Анатолию Федоровичу знаменитый рассказ Мармеладова в питейном заведении, а затем отдал ему на несколько дней и саму книжку журнала.

«До сих пор, по прошествии стольких лет, — писал Кони в 1908 году, — при воспоминании о первом знакомстве с этим произведением оживает во мне испытанное тогда и ничем не затемненное и не измененное чувство восторженного умиления, вынесенного из знакомства с этой трогательной вещью... Созданные Достоевским в этом романе образы не умрут не только по художественной силе изображения, но и как пример удивительного умения находить «душу живую» под самой грубой, мрачной, обезображенной формой — и, раскрыв ее, с состраданием и трепетом показывать в ней то тихо тлеющую, то распространяющую яркий, примиряющий свет искру Божию».

С середины 1860-х годов Анатолий Федорович следил за творчеством Достоевского и жадно прочитывал каждое новое произведение, выходящее из-под его пера.

И вот в апреле 1874 года они встретились — сперва в квартире Кони, который жил тогда на Фурштатской, в доме Кононова (ныне — улица Петра Лаврова, 33), а затем ответный визит Достоевскому нанес Анатолий Федорович. Он, по его словам, убедился воочию, в какой скромной и даже бедной обстановке жил, мыслил и творил один из величайших русских писателей. Достоевский снимал тогда квартиру в большом доходном доме купца Сливчанского на углу Лиговской улицы и Гусева пере-

улка (ныне это дом 25 по Лиговскому проспекту). Окна его квартиры на втором этаже выходили на шумную уже тогда Лиговку. «Выбор квартиры был неудачен,— свидетельствует жена писателя,— комнаты были небольшие и неудобно расположенные, но так как мы переехали среди зимы, то пришлось примириться со многими неудобствами».

При этом свидании Федор Михайлович вел «довольно долгую беседу, очень интересуясь судом присяжных и разницею в оценке преступления со стороны городских и уездных присяжных».

Вскоре после обмена визитами Достоевский обратился к Кони с просьбой ознакомить его с заключенными в тюрьму малолетними преступниками. Внимание к ним писателя было вызвано его новым творческим замыслом — создать роман о детях, об их изломанных жестокой действительностью судьбах.

Откликаясь на просьбу, Кони 8 мая 1874 года возил Достоевского в Литовский тюремный замок, где они посетили отделение малолетних. А полтора года спустя они совершили еще одну совместную поездку — в колонию малолетних преступников на Охте, за пороховыми заводами.

Писатель внимательно осмотрел колонию, а потом, собрав колонистов вокруг себя, задавал им вопросы, расспрашивал о мельчайших подробностях быта, сам отвечал на вопросы детей. «Он произвел сильное впечатление на всех собравшихся вокруг него,— вспоминал Кони,— лица многих, уже хлебнувших отравы большого города, стали серьезными и утратили напускное выражение насмешки и того молодечества, которому «на все наплевать»; глаза некоторых затуманились. Когда мы вышли, чтобы пойти осмотреть церковь, все пошло гурьбою с нами, тесно окружив Достоевского и наперерыв сообщая ему о своих житейских приключениях... Чувствовалось, что между автором скорбных сказаний о жиз-

ни и ее юными бессознательными жертвами установилась душевная связь и что они почуяли в нем не *любопытствующего* только писателя, но и скорбящего *друга*».

Дети провожали писателя шумно, в радостном возбуждении. Окружив извозчичью коляску, в которую усаживались Достоевский и Кони, они кричали Федору Михайловичу:

— Приезжайте опять! Непременно приезжайте! Мы вас очень будем ждать!

Кстати, осматривая церковь в колонии, Достоевский обратил внимание на неумеренно большое количество икон в ней. Когда Федор Михайлович и Кони возвращались с Охты в Петербург, Достоевский сказал Анатолию Федоровичу:

— Не нравится мне их церковь. Это музей какой-то! К чему такое обилие образов? Для того чтобы подействовать на душу входящего, нужно лишь несколько изображений, но строгих, даже суровых, как строга должна быть вера и суров долг христианина. Да и напоминать они должны мальчику, попавшему в столичный омут и успевшему в нем загрязниться, далекую деревню, где он был в свое время чист. А там в иконостасе обыкновенно образа неискусного, но верного преданиям письма. Тут же в нем все какая-то расфранченная итальянщина. Нет, не нравится мне церковь.

Думается, это глубокое замечание очень характерно для Ф. М. Достоевского, великого психолога и знатока человеческой души, не исключая детской.

Роман о детях Федор Михайлович так и не написал, к сожалению, однако его замысел все же был частично реализован в десятой книге «Братьев Карамазовых», озаглавленной «Мальчики». В набросках романа встречаются записи о фабричных детях.

Достоевский стал бывать в Министерстве юстиции у Кони — обычно с просьбами помочь то одному, то другому из числа униженных и оскорбленных, появлялся он

и в окружном суде на процессах, по тем или иным причинам привлечших его внимание. Анатолий Федорович и Федор Михайлович встречались также на литературных вечерах и в литературных салонах, у общих знакомых и в редакциях журналов.

Весть о смерти Достоевского застала Анатолия Федоровича в его служебном кабинете. Он пригласил одного из своих секретарей для доклада вновь поступивших бумаг. Молодой правовед, докладывая, начал вдруг запинаться, голос его дрогнул, и он замолчал на полуслове. Глаза его были полны слез.

— Что с вами? Вы больны? — обеспокоенно спросил Кони.

— Достоевский. Достоевский умер! — вскрикнул молодой правовед и расплакался.

Анатолий Федорович был поражен известием. Ведь именно на этот день в зале Кононовой был назначен вечер в пользу Литературного фонда, на котором должен был выступать также Достоевский. А вместо этого — трагическая весть о его кончине.

Кони немедленно отправился в Кузнечный переулочек, где в доме № 5 проживали тогда Достоевские, поклониться праху Федора Михайловича. «На лестнице невзрачного, хотя и большого дома, напоминающего собою каменный ящик, пред дверью, обитой старой, местами прорванной клеенкой, толпились люди с грустными и взволнованными лицами. Постоянно подходили новые посетители». За дверью — темная передняя и комната со скудной и непривлекательной обстановкой, где Федор Михайлович лежал на невысоком катафалке, так что лицо его было видно всем.

«Какое лицо! Его нельзя забыть... — писал А. Ф. Кони. — На нем не было ни того как бы удивленного, ни того окаменело-спокойного выражения, которое бывает у мертвых, окончивших жизнь не от своей или чужой руки. Оно говорило, это лицо, оно казалось одухотворен-

ным и прекрасным... Не печать смерти виднелась на нем, а заря иной, лучшей жизни как будто бросала на него свой отблеск... Я долго не мог оторваться от созерцания этого лица...

Вблизи гроба стояла девочка, дочь покойного, и раздавала цветы и листья со все прибывавших венков, и это чрезвычайно трогало приходивших проститься с прахом человека, умевшего так тонко и с такой «проникновенной» любовью изображать детскую душу».

Похороны Достоевского стали настоящим общественным событием, отмечал Кони. Анатолий Федорович сохранил для потомков их подробное описание, а самому Федору Михайловичу посвятил несколько своих работ, включенных затем во второй том его книги «На жизненном пути».

Приобщение А. Ф. Кони к современной ему русской литературе нашло свое выражение и в том, что в 1876 году он стал одним из заседателей «круглого стола» при журнале М. М. Стасюлевича «Вестник Европы».

Михаил Матвеевич Стасюлевич оставил заметный след в истории русской культуры второй половины XIX и начала XX века. Историк, журналист и публицист, общественный деятель либерального направления, он в конце 50-х годов был профессором Петербургского университета и в 1861 году наряду с некоторыми другими профессорами покинул его в знак протеста против жестоких репрессий правительства в отношении студенчества. Пятью годами позже он стал издавать и редактировать журнал «Вестник Европы».

Сближение Кони с журналом Стасюлевича и с теми, кто также считал его своим, было вполне естественным и закономерным. «Вестник Европы» являлся не только одним из наиболее распространенных в России «толстых» ежемесячников, но и рекордсменом долголетия: он просуществовал пятьдесят два года — с 1866-го по 1917-й. Журнал твердо и неуклонно проводил в

жизнь взятую им с первого же номера линию на защиту конституционности и законности, ратовал за европеизацию общественной жизни, что предполагало критическое отношение к самодержавию. «Это лучший журнал из всех толстых» — так отозвался о нем А. П. Чехов в письме к писателю И. Л. Леонтьеву-Щеглову от 5 января 1897 года. «Положив в основу своей программы начала здоровой гражданской жизни, заключающиеся в господстве законности и прочих гарантиях прав личности, в независимом суде, возможно широко развитии местного самоуправления, господстве веротерпимости, свободе слова и печати, разумно и широко поставленном образовании народа, законодательной охране интересов трудящихся масс, журнал г. Стасюлевича проводит эту программу среди меняющихся настроений русского общества» — так писали о «Вестнике Европы» известный критик Н. Ф. Анненский и В. Г. Короленко на страницах «Русского богатства» (журнала либеральных народников) в 1897 году.

Кони не только стал надежным сотрудником и постоянным автором «Вестника Европы» — между ним и Стасюлевичем установились тесные дружеские отношения, переплетавшиеся, по его словам, нитями взаимного доверия, участия и нравственной поддержки в переживаемые каждым из них трудные, тревожные и радостные минуты жизни.

По понедельникам, а затем по субботам к обеду у редактора-издателя «Вестника Европы» собирався, под предводительством гостеприимной хозяйки дома Л. И. Стасюлевич, небольшой и довольно замкнутый круг людей, связанных с ним сотрудничеством и личными дружескими отношениями. Неизменным участником этих трапез стал также Кони. «Рыцари круглого стола короля Артура» — так шутливо называли себя постоянные гости Стасюлевича, образовавшие своего рода общественно-литературный кружок.

«...В течение почти тридцати лет, садясь за гостеприимный «круглый стол», я чувствовал себя в области идей и начал другого, высшего порядка: мне дышалось легче и свободней, и бодрость снова разворачивала крылья в моей душе,— писал Кони в очерке «Вестник Европы».— И теперь, когда перед моим мысленным взором проходят образы людей, встречавшихся за этим столом, я не могу не быть признательным им за то «ambiente»*, за ту нравственную атмосферу, в которой провел я с ними и благодаря им многие часы... Для меня, столь часто чувствовавшего себя *чужим* в области своей прямой деятельности и *своим* в этом кружке, он был своего рода нравственным ареопагом. Мысль о нем не могла не убивать соблазнов компромисса. Вот за эту нравственную поддержку, столь важную для того, «чтоб человек не баловался», как сказал Некрасов, я на восьмом десятке своей жизни не могу не сказать спасибо...»

Редакция «Вестника Европы» размещалась в доме известного петербургского банкира-предпринимателя И. О. Утина на Галерной улице, 20 (ныне — Красная улица, 20). Там же проживал и сам Стасюлевич, женатый на дочери хозяина дома. Так что этот адрес по праву надо отнести к памятным литературным местам Ленинграда, представляющим для нас немалый интерес. Ведь там бывали И. С. Тургенев и И. А. Гончаров, А. Н. Островский и А. Н. Плещеев, В. В. Стасов и Н. И. Костомаров, В. С. Соловьев и Я. П. Полонский, М. Е. Салтыков-Щедрин и Г. П. Данилевский, П. Д. Боборыкин и Д. Н. Мамин-Сибиряк. Длиннен этот список. Легче, пожалуй, перечислить тех русских писателей, кто никогда не переступал порог дома 20 по Галерной улице, чем тех, кто был там своим человеком. Рассчитанный на серьезного читателя-интеллигента, «Вестник Ев-

---

* Окружение, обстановка (*итал.*).

ропы» сыграл важную роль в развитии отечественной литературы второй половины прошлого и начала нынешнего века.

Следует отметить, что высококачественное полиграфическое исполнение «Вестника Европы» также выделяло его среди других журналов того времени. И что не менее важно — выходил он регулярно и славился в авторской среде аккуратностью в выплате гонораров. Большая заслуга в этом принадлежала не только самому Стасюлевичу, но и его заместителю — крупнейшему литературоведу А. Н. Пыпину, тоже одному из тех профессоров, что покинули Петербургский университет в 1861 году (А. Н. Пыпин, кстати, был двоюродным братом Н. Г. Чернышевского), а также секретарю редакции экономисту и публицисту Л. З. Слонимскому.

Литература стала для Кони его второй стихией, вторым призванием, а писательская среда — основным миром его духовного общения. И так — уже до конца дней.

* * *

Буржуазные преобразования в России, начатые реформами 60-х годов, не устранили пережитков феодализма, которые становились все более и более нетерпимыми, ибо тормозили ход этих преобразований. Самодержавие по-прежнему закрывало путь прогресса, путь демократического преобразования русского общества. Даже те реформы, на которые оно вынуждено было пойти после Крымской войны, ему уже казались либеральным излишеством, и царизм стал предпринимать усилия для того, чтобы постепенно свести их на нет. Однако сделать это было не так-то просто. Какой бы «мерзостью» (как называли ее лучшие люди эпохи) ни была крестьянская реформа, ограбившая крестьян в пользу помещиков, сколь бы ни нападало правительство на новые судебные уставы, ставшие ему поперек горла, тем не

менее они так сильно подъели, по словам видного общественного деятеля и публициста прошлого века Н. В. Шелгунова, устои старого общества, что они, эти устои, рушились безвозвратно. Россия перестала быть «востоком» и круто повернула на западноевропейский путь. Капитал сделался главной силой и «истинным двигателем общественной жизни». «С освобождением крестьян,— писал Шелгунов в статье «Дума на 1869 год»,— в нашем народном быту произошел такой же перелом, какой случился в экономическом быте Европы с изобретением машин. Патриархальность отношений кончилась».

Обостряющееся противоречие между самодержавием и развивающимся по капиталистическому пути обществом сделало неизбежным новый революционный подъем, причем его социально-экономическая база значительно расширилась. Заявили о себе рабочие, число которых стало заметно увеличиваться вместе с бурным ростом заводов и фабрик, строительством железных и шоссейных дорог, сооружением мостов, жилых зданий. Но массы еще не были готовы к тому, чтобы сознательно участвовать в революционной борьбе. Отстаивать их интересы и чаяния — такую миссию взяла на себя разночинская, народническая интеллигенция, эта, по выражению того же Шелгунова, «поднимающаяся кверху часть народа, имеющая в нем свои корни».

Первой приметой нового революционного подъема стали студенческие волнения зимой 1868/69 года, совпавшие с выступлениями крестьян. А далее он все нарастал и нарастал, пока в конце 70-х годов в России не сложилась снова революционная ситуация. Началось так называемое хождение в народ разночинской интеллигенции, причем движение это приняло массовый характер. Призыв, впервые прозвучавший со страниц герценовского «Колокола»: «В народ! К народу!», нашел широкий отклик. Идея приобрела реальную силу.

Естественно, все это обеспокоило и напугало правительство, которое и так после неудавшегося покушения Каракозова на Александра II пребывало в постоянной тревоге. 7 июня 1872 года царь утвердил проект графа Палена об учреждении Особого присутствия правительствующего Сената для рассмотрения всех серьезных политических дел. С этого дня проект получил силу закона. Он стал важным шагом в судебной контрреформе. Большая часть политических дел была изъята из общего порядка судопроизводства. За 1873—1878 годы из 52 политических процессов 37 проходили в Особом присутствии Сената.

Однако ни предпринятые правительством строгие карательные меры, ни крайнее ужесточение приговоров, выносимых обвиняемым на политических процессах, не смогли унять мощную революционную волну, испугать и укротить тех, кого Герцен назвал молодыми штурманами будущей бури. Они еще не составляли массу, но это уже были не одиночки, как в начале века декабристы. Сотни и тысячи революционеров поколения 70-х годов противостояли царизму, вели мужественную, самоотверженную борьбу за уничтожение самодержавия и остатков крепостничества.

Хотя народники 70-х, как, впрочем, и 60-х, ошибались в своих поисках путей к социализму через крестьянскую общину, хотя непосредственной цели своей они не достигли, да и не могли достичь, они были глубоко убеждены в том, что единственное средство достижения поставленной цели — в революции, и только в ней. Несомненно, их «жертвы пали не напрасно,— писал В. И. Ленин,— несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа».

6 декабря 1876 года на площади у Казанского собора состоялась демонстрация, возбудившая немало толков и споров в столице. Она была организована члена-

ми революционной организации «Земля и воля», делавшими тогда свои первые шаги. Ее цель — публично выразить протест против карательных мер правительства, заявить о создании новой революционной организации. В демонстрации участвовали человек триста — четыреста учащихся и рабочих, причем последних было большинство. С речью выступил совсем еще молодой Г. В. Плеханов. Полиция разогнала демонстрантов. Тридцать два человека были арестованы, в том числе бывший студент А. П. Боголюбов (революционный псевдоним А. С. Емельянова).

Дело о демонстрации на площади у Казанского собора разбирало Особое присутствие Сената. Перед судом, проходившим в течение недели, с 18 по 25 января 1877 года, предстали двадцать один человек, из них четверо, включая Боголюбова, получили большой срок каторжных работ (десять — пятнадцать лет), а одиннадцать человек были приговорены к ссылке в Сибирь.

Месяц спустя то же Особое присутствие разбирало дело революционеров-народников, названное процессом 50-ти. Процесс этот произвел огромное впечатление на общество, особенно произнесенными на суде речами рабочего-ткача Петра Алексеева и Софьи Бардиной — членов «Всероссийской социально-революционной организации». Общественное мнение явно склонялось на сторону обвиняемых. Интересно, что адвокат А. Л. Боровиковский, который был также талантливым поэтом, друг и коллега А. Ф. Кони, посвятил женщинам, проходившим по этому процессу, стихотворение, Тургенев целовал фотографические карточки «святых», а умирающий Некрасов посвятил участникам процесса строки: «Смолкли честные, доблестно павшие, смолкли их голоса одинокие».

О том, как выглядело судоразбирательство в Особом присутствии Сената, каковы были его «объективность» и «беспристрастность», свидетельствует такой характер-

ный эпизод, описанный Анатолием Федоровичем Кони в его воспоминаниях.

В феврале 1877 года у принца П. Г. Ольденбургского состоялся вечер для воспитанников и преподавателей учебных заведений, состоявших под его покровительством. Присутствовали Александр II и все министры. К Анатолию Федоровичу подошел сенатор Б. Н. Хвостов, взял его за локоть.

— Как я рад, что вас вижу,— сказал он.— Мне хочется спросить вашего совета. Ведь дело-то очень плохо!

— Какое дело?

— Да процесс пятидесяти... Я сижу в составе Особого присутствия, и мы просто не знаем, что делать. Ведь против многих нет никаких улик. Как тут быть?

— Коли нет улик — так оправдать.

— Нет, не шутите, я вас серьезно спрашиваю — что нам делать?

— А я серьезно отвечаю — оправдать!

— Ах, боже мой, я у вас прошу совета, а вы мне твердите одно и то же — оправдать да оправдать. А коли оправдать-то неудобно?!

— Ваше превосходительство,— выведенный из себя, раздраженно произнес Кони,— вы сенатор, судья, как можете вы спрашивать, что вам делать, если нет улик против обвиняемого, то есть если он невиновен? Разве вы не знаете, что единственный ответ на этот вопрос может состоять лишь в одном слове — оправдать! И какое неудобство это может представлять для вас? Ведь вы не административный чиновник, вы судья, вы сенатор!

— Да,— сказал Хвостов, нисколько не смущаясь,— хорошо вам так, вчуже-то, говорить, а что скажет он?..— И сенатор мотнул головою в сторону императора, беседовавшего с министром юстиции графом Паленом.

— Кто, государь? — спросил Кони.

— Ах, нет, какой государь! Какой государь? Что скажет граф Пален?!

Вот так. Где уж там законность, где правосудие, если непременно надо было угодить — и даже не государю, а господину министру!

13 июля 1877 года произошло событие, которому суждено было иметь весьма серьезные последствия — и для причастных к нему людей, и для истории страны. Когда в тот день Кони вернулся из Петергофа, где жил на даче, к себе домой, в здание Министерства юстиции, ему сказали, что дважды приезжал и спрашивал его генерал-адъютант Трепов, поджидал довольно подолгу и в конце концов уехал, оставив записку с просьбой, если возможно, приехать к нему откусать в пять часов.

Федор Федорович Трепов был в то время петербургским градоначальником, которого ненавидел едва ли не весь Петербург. Кони удивился: какая срочная необходимость возникла у градоначальника видеть его? Но вскоре к нему зашел один из знакомых юристов и рассказал, что произошло в тот день утром в доме предварительного заключения на Шпалерной.

Приехав туда часов в десять по каким-то делам, градоначальник встретил во дворе гуляющими вместе арестантов Кадьяна, Петропавловского и Боголюбова (Емельянова) — того самого, что был схвачен после Казанской демонстрации и затем приговорен к пятнадцати годам каторги. Он ожидал исполнения приговора. Все трое поклонились градоначальнику, но тот этого не заметил (или не захотел заметить).

— Почему подсудимые гуляют вместе? — раздраженно спросил он майора Курнеева, управляющего домом предварительного заключения. — Разве могут лица, сидящие по одному и тому же делу, гулять вместе?

Тогда Боголюбов, приподняв шапку, вежливо сказал:

— Я по другому делу.

— Не с тобой говорят! — отрывисто крикнул Трепов. — Как его фамилия? — снова обратился он к майору.

— Боголюбов.

— Осужденный?

— Да, так точно.

— В карцер его! — распорядился градоначальник, вызвав таким распоряжением недоумение даже у сопровождавших его лиц, и проследовал дальше.

А Боголюбов пошел на другую сторону прогулочного круга — так что они неизбежно должны были встретиться вновь. И когда он поравнялся с градоначальником, тот, увидев его, закричал:

— В карцер! В карцер! Шапку долой! — и выбросил вперед руку, чтобы сбить шапку с головы заключенного.

Боголюбов, полагая, что генерал хочет его ударить, резко отпрянул. Шапка с его головы отлетела в сторону, а Боголюбов, потеряв равновесие, пошатнулся и едва не упал.

Эту сцену видели из окон многие заключенные, почти сплошь политические. Им показалось, что градоначальник ударил Боголюбова: со стороны все выглядело именно так*. Реакция заключенных была немедленной и бурной. Не успел Трепов сделать и шагу, как в воздухе уже стон стоял от негодующих криков заключенных, свидетельствует один из очевидцев — Сергей Глаголь (Голоушев), пропагандист-народник, арестованный еще в 1874 году и проходивший по процессу 193-х, и все, что

---

* Существует несколько версий эпизода «с шапкой». По одной из них, Трепов все же действительно ударил Боголюбова. Сопоставив разные версии и обстоятельства, автор остановился на той, что приведена выше, как более всроятной. Главное здесь, однако, не в отдельных деталях, а в самом факте возмутительного поведения градоначальника и дальнейших его действий, не имеющих никакого оправдания и даже объяснения,

можно было просунуть сквозь решетку: жестяные кружки, книги и т. п.,— все это полетело во двор в Трепова.

Тогда рассвирепевший градоначальник велел высечь Боголюбова, а сам, отдав какие-то распоряжения, уехал. Экзекуция состоялась, однако, не сразу, причем о приготовлениях к ней было оглашено по всему дому предварительного заключения. Более того, служители демонстративно на виду у арестантов таскали пучки лозы в карцер, куда заперли Боголюбова, готовя расправу над ним, что еще больше подогревало и без того накаленную атмосферу. Когда же экзекуция под руководством полицеймейстера Дворжицкого закончилась, то нервное возбуждение арестантов, преимущественно женщин, дошло до крайнего предела. У многих началась настоящая истерика.

Кони был подавлен и огорчен всем услышанным. «Я пережил в этот печальный день тяжкие минуты,— пишет он в «Воспоминаниях о деле Веры Засулич»,— перечувствовал те ощущения отчаяния и бессильного негодования, которые должны были овладеть невольными свидетелями истязания Боголюбова при виде грубого надругательства силы и власти над беззащитным человеком... Я ясно сознавал, что все это вызовет бесконечное ожесточение в молодежи...»

Анатолий Федорович пошел к графу Палену. Министр юстиции уже был осведомлен о случившемся, а в ответ на вопрос Кони, известно ли ему, что наделал Трепов, запальчиво сказал:

— Знаю и нахожу, что он поступил очень хорошо. Он был у меня, советовался, и я ему разрешил высечь Боголюбова. Надо этих мошенников так! — Пален сделал энергичный жест рукой.

— Но знаете ли, граф, что там теперь происходит?

Кони пересказал все, о чем только что узнал сам.

— Ах,— продолжал горячиться Пален, размахивая сигарой.— Ну, что ж из этого? Надо послать пожар-

ную трубу и обливать этих...— он употребил здесь нецензурное словцо,— холодной водою, а если беспорядки будут продолжаться, то по всей этой дряни надо стрелять! Надо положить конец всему этому. Я не могу этого более терпеть, они мне надоели, эти мошенники!

— Это не конец, а начало,— возразил Анатолий Федорович.

С того дня давно уже натянутые отношения между Кони и Паленом обострились окончательно. Министр давно начал понимать, что его советник в противовес общей линии открыто становится в оппозицию большинству деятелей, составляющих верхушку при Министерстве юстиции. И хотя после смерти директора департамента Адамова Кони на некоторое время было поручено исполнять его обязанности, Пален уже готовил перемещение слишком либерального и независимого в своих суждениях советника на другую работу.

«Анатолий не ладит с министром, не соглашаясь на некоторые его взгляды, противные его убеждениям,— сообщил Федор Алексеевич в письме одной своей близкой знакомой.— Он покидает министерство и поступает председателем здешнего окружного суда».

Самое любопытное в этом свидетельстве то, что письмо Кони-старшего датировано 17 мая 1877 года. Уже тогда, как явствует из него, был по существу предreshен уход Анатолия Федоровича из министерства, а главное, было уже известно и куда именно, хотя прошло еще более полугода, прежде чем он фактически переместился из генерал-прокурорского дома в дом судебных установлений на Литейном.

На следующий день после описанных выше событий, едва не вылившихся в бунт арестантов, генерал Трепов сам приехал в Министерство юстиции к Кони узнать, отчего тот не захотел отобедать у него накануне. Между ними состоялся откровенный разговор: Кони выложил градоначальнику все, что думал об этих событиях. Тре-

пов защищаться не стал, а начал лишь уверять Кони, что и сам сомневался в законности своих действий, потому именно и не тотчас велел сечь Боголюбова, который ему будто бы нагрубил, а поехал советоваться. Не застав Кони на месте, он вынужден был обратиться непосредственно к графу Палену, и тот принял решение выпороть Боголюбова.

История с Боголюбовым не осталась безвестной. О ней в подробностях (хотя, естественно, и не во всем точных — информация из-за тюремных стен проникала с трудом) поведала газета «Новое время», ее статью перепечатали другие газеты. А вскоре стало известно, что начальство дома предварительного заключения, ободренное сечением Боголюбова, устроило повальную расправу с политическими арестантами. Их сажали в карцер, при этом многих били — жестоко и с разными ухищрениями, надевая, к примеру, на головы мешки, чтоб заглушить крики. Вести о вопиющих безобразиях в доме предварительного заключения, соединенные с сообщениями о предстоящем громадном процессе 193-х, вызвали в столице тревогу и уныние.

24 декабря 1877 года А. Ф. Кони был назначен председателем Санкт-Петербургского окружного суда с производством в чин статского советника, а ровно через месяц, закончив все дела по министерству, вступил в новую должность. Это было 24 января 1878 года. И, по странной прихоти истории, именно в тот день прозвучал выстрел, мишенью для которого стал не кто иной, как генерал-адъютант Трепов.

Приехав утром в столь хорошо знакомый ему дом на Литейном, где размещались судебные учреждения, Кони начал свой первый рабочий день в новой должности с приема чинов канцелярии, судебных приставов * и

---

* Судебный пристав — должностное лицо, чиновник, на которого возлагались различные обязанности по исполнению требований

нотариусов. Его предшественник, совсем не занимавшийся внутренним распорядком суда, изрядно их распустил, почему Кони считал необходимым сразу же в самой решительной форме взяться за исправление положения. Завершив эту церемонию, Анатолий Федорович собрал в кабинете членов суда — для продолжения разговора, но тут принесли весть, что какая-то девушка час назад стреляла в градоначальника и, кажется, смертельно ранила его.

О том, что было дальше, обстоятельно рассказал сам Кони. «Окончив неотложные занятия по суду, я поехал к Трепову, который незадолго перед тем переселился в новый дом против Адмиралтейства *. Я нашел у него в приемной массу чиновного и военного народа, разных сановников и полицейских, врачей. Старику только что произвели опыт извлечения пули, но опыт неудачный, так как, несмотря на повторение его затем, пуля осталась неизвлеченной... Старик был слаб, но ввиду его железной природы опасности не предвиделось. Тут же, в приемной, за длинным столом, против следователя Кабата и начальника сыскной полиции Путилина, сидела девушка среднего роста, с продолговатым бледным, нездоровым лицом и гладко зачесанными волосами. Она нервно пожимала плечами, на которых неловко сидел длинный серый бурнус, с фестонами внизу по борту, и, смотря прямо перед собою, даже когда к ней обращались с вопросами, поднимала свои светло-серые глаза вверх, точно во что-то всматриваясь в потолок... Это была именовавшая себя Козловою, подавшая прошение Трепову и выстрелившая в него в упор из револьвера-бульдога. Она заявила, что решила отомстить за не-

---

уставов гражданского и уголовного судопроизводства, к примеру проверка явки свидетелей и т. п.

* Имеется в виду дом градоначальства на углу Адмиралтейского проспекта и Горской улицы (ныне улица Дзержинского, 2/6), в котором ранее располагались губернские присутственные места,

знакомого ей Боголюбова, о поругании которого узнала из газет и рассказов знакомых, и отказалась от дальнейших объяснений. Это была *Вера Засулич...* В толпе, теснившейся и смотревшей на нее покуда *только* с любопытством, был и Пален в сопровождении Лопухина... * Когда я подошел к ним, Пален сказал: «Да! Анатолий Федорович проведет нам это дело прекрасно». — «Разве оно уже настолько выяснилось?» — «О, да! — ответил за Палена Лопухин. — Вполне; это дело личной мести, и присяжные ее обвинят как пить дадут». К удивлению моему, и Пален что-то несвязно стал проричать о том, что присяжные себя покажут, что они должны отнестись строго и т. д. Уходя, я заметил суматоху и волнение в передней: по лестнице шел государь навестить Трепова, останавливаясь почти на каждой ступеньке и тяжело дыша...»

— Что следствие? — поинтересовался Кони дня через три у Лопухина. — Нет признаков политического преступления?

— Нет. Это дело простое и пойдет с присяжными, которым предстоит случай отличиться.

Но «простое дело» было совсем не простым, и свидетельств о политическом характере преступления тоже имелось более чем достаточно. Однако правящие круги желали видеть его именно таким, то есть простым, или, иначе говоря, чисто уголовным, а не политическим. Почему?

За спиной двадцативосьмилетней Веры Ивановны Засулич был уже немалый опыт революционной работы. Родилась она в бедной дворянской семье на Смоленщине. Окончив немецко-французский пансион в Москве, она поступила писцом к мировому судье в городе Серпухове и, работая там, познакомилась с идеями револю-

---

* А. А. Лопухин — прокурор Петербургской судебной палаты, предшественник А. Ф. Кони на должности председателя окружного суда.

ционного народничества, которые увлекли ее. Семнадцатилетняя девушка приняла решение — посвятить свою жизнь служению народу, стать революционеркой.

Засулич переехала в Петербург. Днем — работа в переплетно-брошюровочной мастерской, вечером — посещение лекций и собраний, по воскресеньям — преподавание в школе для рабочих, где ей довелось познакомиться со многими видными революционерами-народниками. И чтение, чтение, чтение, углубленное самообразование.

Сергей Нечаев, игравший видную роль в студенческом движении, организатор заговорщического революционного общества «Народная расправа», пытался вовлечь Засулич в свою организацию, но она не поверила в нечаевские идеи, в организацию не вступила, хотя и дала Нечаеву свой адрес. Это кончилось для нее арестом и заключением в Петропавловскую крепость. Потом — камера в Литовском замке, ссылка, проживание в Харькове под надзором полиции, переход на нелегальное положение, активное участие в деятельности киевского народнического кружка «Южные бунтари», разгромленного затем жандармами. Избежав на сей раз ареста, Засулич осенью 1877 года вновь перебралась в столицу и, работая в подпольной типографии, принадлежащей организации «Земля и воля», со своей подругой Марией Коленкиной, с которой вместе и проживала, начала готовить покушение на градоначальника Трепова.

«Дикий поступок Трепова с Боголюбовым был последней каплей, переполнившей чашу горечи как в моей душе, так и в душе товарищей и давшей нам ту закалку, которой ранее у нас, мечтавших лишь о счастье всех людей, не было», — писал в своих воспоминаниях видный участник революционного движения 70-х годов Н. А. Морозов, являвшийся очевидцем расправы с Боголюбовым. Эти слова можно с полным правом отнести и к Вере Ивановне Засулич.

Итак, выстрел Засулич в градоначальника имел совершенно четкую политическую подоплеку, а не был единственно актом мести за надругательство над Боголюбовым и уж, конечно, не был он заурядным уголовным деянием одиночки. Как явствует из воспоминаний революционеров-семидесятников Михаила Фроленко и Евтихия Карпова, покушение на Трепова готовилось также группой Фроленко. Но Засулич опередила.

24 января 1878 года, в то время как Засулич отправилась в канцелярию градоначальства, ее подруга и соратница Мария Коленкина, вооруженная таким же револьвером, тоже вышла «на дело»: ей предстояло казнить В. А. Желеховского, товарища обер-прокурора Сената, выступавшего обвинителем на процессе 193-х*. «Желеховский — воплощенная желчь, — писал о нем Кони. — Узкий, малообразованный, он давно составил себе славу ярого (и, по-видимому, искреннего) обвинителя... В бытность мою прокурором в Санкт-Петербурге он пришел ко мне однажды, печалась, что *проиграл* дело, но утешая себя тем, однако, что он все-таки „вымазал *подсудимому* всю морду сапогом”».

Неудивительно, что этот ничтожный и злой человек, почувствовав власть над судьбою почти двухсот обвиняемых, всячески изощрялся на процессе, строя на их несчастья «свой твердый облик „защитника порядка”» и забрасывая их грязью, после того как более трех лет проморил их в тюрьме.

Когда Засулич поджидала в приемной градоначальника, Коленкина позвонила в квартиру Желеховского. Дверь открыл лакей.

— Мне нужен господин прокурор, — решительно потребовала Коленкина.

---

* Процесс над революционерами-народниками, проходивший в Особом присутствии Сената. В итоге 28 человек были приговорены к различным срокам каторжных работ, более 70 — к другим наказаниям.

Лакей, ничего не ответив, пошел с докладом и пропал. В квартире начался переполох. Коленкина ждала. Потом лакей вернулся и не очень уверенным голосом сказал, что господина прокурора нет дома. Коленкина поняла: лакей лжет. Но... в это время в дверях передней появились жена и дети Желеховского. Они с большой тревогой, испуганно уставились на странную посетительницу, интуитивно почувствовав опасность, исходящую от нее, и как бы заслоняя собою дорогу внутрь квартиры, к тому, кто был нужен незнакомке. Их взгляды, их растерянные лица, на которых были написаны страх и мольба, спасли жизнь прокурору. Коленкина не смогла выдержать этой сцены. Сердце ее дрогнуло. Она повернулась и ушла.

Несколько месяцев спустя та же Коленкина, при аресте ее по делу организации «Земля и воля», оказала решительное вооруженное сопротивление и была приговорена затем к десяти годам каторги.

Кстати, о том, что арестованная Засулич действовала в тот день не одна, жандармы знали, однако никаких попыток арестовать Коленкину не предпринимали. Почему? История не дала ясного ответа на этот вопрос, но, вполне возможно, дело было и в том, о чем речь пойдет ниже.

«В тупой голове Палена,— пишет Кони,— образовалась *idée fixe* * — вести это дело (т. е. дело Веры Засулич.— В. С.) судом присяжных для какого-то будто бы возвеличения и ограждения этого суда от нападков. Всякий намек на политический характер из дела Засулич устранялся *avec un parti pris* **, и с настойчивостью, просто странную со стороны министерства, которое еще недавно раздувало политические дела по ничтожнейшим поводам. Я думаю, что Пален первоначаль-

---

* Навязчивая идея (*франц.*).

** С предвзятым намерением (*франц.*).

но был искренне убежден в том, что тут нет политической окраски, и в этом смысле говорил с государем, но что потом, связанный этим разговором... он уже затруднялся дать делу другое направление... Во всяком случае из следствия было тщательно вытравлено все, имевшее какой-либо политический оттенок, и даже к отысканию несомненной сообщницы Засулич... не было принято никаких серьезных мер...»

Выстрел Веры Засулич произвел большое впечатление в русском обществе. По свидетельству Кони и других современников, никто не высказывал ни малейшего сочувствия Трепову: его взяточничество, насилия над городским самоуправлением вызывали всеобщее негодование и осуждение.

Что касается отношения общества к Засулич, то тут мнения разделились. Но вот что характерно: одни рукоплескали, другие сочувствовали, третьи не одобряли, однако никто, отмечает Кони, не видел в Засулич «мерзавку», как именовали ее в салоне графа Палена, и, рассуждая разно о ее преступлении, тем не менее никто не швырял в нее грязью.

Следствие о покушении на Трепова было окончено в последних числах февраля. На 31 марта назначили его слушание в окружном суде при открытых дверях.

Незадолго перед тем граф Пален пригласил к себе Кони.

— Можете ли вы, Анатолий Федорович,— спросил он,— ручаться за обвинительный приговор Засулич?

— Нет, не могу!

— Как так?! — точно ужаленный, воскликнул Пален.— Вы не можете ручаться? Вы не уверены?

— Если бы я был сам судьей по существу, то и тогда, не выслушав следствия, не зная всех обстоятельств дела, я не решился бы вперед высказать свое мнение, которое притом в коллегии не одно решает вопрос. Здесь же судят присяжные, приговор которых основывается

на многих неуволимых заранее соображениях. Как же я могу ручаться за их приговор?

— Не можете?! Так я доложу государю, что председатель не может ручаться за обвинительный приговор, я должен доложить это государю! — В голосе министра зазвучала угроза.

— Я даже просил бы вас об этом, граф, так как мне самому крайне нежелательно, чтобы государь возлагал на меня надежды и обязательства, к осуществлению которых у меня, как у судьи, нет никаких средств. Я считаю возможным обвинительный приговор, но надо быть готовым и к оправданию, и вы меня весьма обяжете, если скажете государю об этом, как я и сам бы ему сказал, если бы он стал меня спрашивать по делу Засулич. Единственное, за что я могу ручаться, это за соблюдение по делу полного беспристрастия и всех гарантий правильного правосудия.

— Правосудие! Беспристрастие! Но ведь по этому проклятому делу правительство вправе ждать от суда и от вас особых услуг.

— Граф! Позвольте напомнить вам слова известного французского юриста, обращенные к королю: «Ваше величество, суд выносит приговоры, а не оказывает услуг».

Потом министр еще раз пытался оказать давление, и весьма сильное, на председателя суда, но вновь получил достойную отповедь от Кони, для которого не существовало в правосудии ничего выше беспристрастия, законности и чести, исключающих саму возможность «услуги» правительству или кому другому, какими бы соображениями они при этом ни руководствовались.

Граф Пален, отчаявшись сломить упорного председателя суда, предложил ему такой вариант, своего рода компромисс: пусть-де Кони в судебном процессе по делу Засулич допустит преднамеренное нарушение закона и таким образом искусственно создаст кассационный по-

вод в случае оправдательного вердикта присяжных. Кони решительно отверг это нечистоплотное предложение.

— Я председательствую всего третий раз в жизни,— сказал он,— ошибки возможны и, вероятно, будут, но делать их сознательно я не стану, считая это совершенно несогласным с достоинством судьи!

Обвинителем на процессе Веры Засулич был назначен товарищ прокурора окружного суда В. И. Жуковский, человек образованный и умный, очень сильный обвинитель, которому была присуща исключительная последовательность и логичность мышления. «Но ему не понравилось бить стоячую в оправдание тех, кто бил лежащего, и, ссылаясь на то, что преступление Засулич имеет политический характер и что, обвиняя ее, он, Жуковский, поставит в трудное положение своего брата*, эмигранта, живущего в Женеве, он наотрез отказался от предложенной ему чести». Тогда прокурор судебной палаты Лопухин обратился к С. А. Андреевскому — другому товарищу прокурора окружного суда, авторитетному судебному деятелю, который был также хорошо известен в литературных кругах как талантливый поэт и критик. Андреевский первым делом поинтересовался, может ли он в своей речи признать действия Трепова неправильными. «Нет!» — сказали ему. «В таком случае я вынужден отказаться от обвинения Засулич, так как не могу громить ее и умалчивать о действиях Трепова. Слово осуждения, сказанное противозаконному действию Трепова с прокурорской трибуны, облегчит задачу обвинения Засулич и придаст ему то свойство беспристрастия, которое составляет его настоящую силу». Андреев-

---

* Н. И. Жуковский — брат В. И. Жуковского, входил в группу молодых русских революционеров-эмигрантов, которая сложилась вокруг подпольной типографии, существовавшей в Женеве с 1866 года (она была организована М. К. Элпидиным). В эту группу входили также А. А. Серно-Соловьевич, Лев Мечников, брат И. И. Мечникова, С. Я. Жемапов и другие.

ского пробовали уговаривать — напрасно. От него потребовали официальных объяснений — на каком основании он отказался от обвинения. Андреевский подал в отставку. Расставшись со службой, он не отошел от деятельности на поприще правосудия, став адвокатом, причем выдающимся.

В конечном итоге вынужден был принять поручение обвинять Засулич товарищ прокурора К. И. Кессель, человек с болезненным самолюбием, но небольшого ума и весьма посредственных способностей. К тому же его обуял страх перед тем, как отнесутся в обществе и в кругу коллег к тому, что после отказа двух из них от обвинения он все-таки принял его на себя.

Зато защитником Засулич, с ее согласия, охотно стал присяжный поверенный Петр. Акимович Александров, который незадолго перед тем с особым успехом выступал на процессе 193-х, проявив ораторскую силу и исключительное мужество.

Надо сказать, что, по свидетельству одного из народовольцев, «все адвокатские светила того времени стремились взять на себя защиту Веры Засулич. Предстоял громкий процесс, выступление в этом процессе в роли защитника сулило адвокату славу и большую материальную выгоду, так как делало его популярным». Не последнюю роль, однако, играло и то обстоятельство, о котором говорилось выше, а именно — ненависть к пострадавшему сатрапу-градона начальнику и желании защитить того, кто, не щадя собственной молодой жизни, поднял руку на самодура, не видя иного выхода.

П. А. Александров был не только талантливым адвокатом, но и великолепным психологом, прекрасным тактиком, умевшим делать точный расчет сил для маневра, ибо фронтальная контратака не всегда сулила полный успех даже такому искушенному защитнику, как он. Он же хотел действовать наверняка, чтобы избе-

жать случайностей. Ведь конечный итог состязания между обвинением и защитой, кульминация их поединка выражались в решении присяжных, в том вердикте, который они вынесут. Каков будет состав присяжных, тоже играло не последнюю роль, ибо каждый из присяжных заседателей, как и все смертные, имел не только разум, но и сердце.

Готовясь к процессу Засулич, Александров почти ежедневно присутствовал на разборе различных уголовных дел в окружном суде. Он занимал место в публике и внимательно наблюдал за каждым присяжным заседателем, изучая его характер, манеру поведения, реакцию на доводы обвинения и защиты, на показания свидетелей и т. д. Зная, что входные билеты (а их пришлось ввести из-за невозможности разместить в зале суда всех желающих и из-за опасения беспорядков) усиленно разбираются врагами Трепова из сановно-бюрократической верхушки, а также учитывая, что эта публика, сочувственно относясь к подсудимой, окажет тем самым незаметное, но несомненное влияние на присяжных заседателей, особенно на мелких чиновников, Александров старательно выделил из среды присяжных наиболее подходящих, с его точки зрения. Дело в том, что защитник, в соответствии с законом, имел право отстранить, причем без объяснения причин, шесть присяжных заседателей из числа привлеченных на данную сессию. Александров тщательно продумал, как использовать в интересах защиты это право.

И вот наступило утро 31 марта 1878 года. Предшествующую ночь А. Ф. Кони, на долю которого выпала ведущая роль в «процессе века», провел почти без сна.

Судебный зал переполнен до отказа. Все это по преимуществу великосветская публика. На местах за судейскими креслами — сам престарелый канцлер светлейший князь А. М. Горчаков, государственный контролер

граф Д. М. Сольский, товарищ генерал-фельдцейхмейстера (т. е. начальника артиллерии) граф А. А. Баранцов, восьмидесятитрехлетний граф А. Г. Строганов, член Совета Министерства внутренних дел А. И. Деспот-Зенович (из жандармских генералов), председатель департамента экономии Государственного совета А. А. Абаза, бывший петербургский генерал-губернатор светлейший князь А. А. Суворов, несколько членов Государственного совета, петербургский губернатор И. В. Лутковский и много лиц судебного ведомства. В первом ряду — военный министр граф Д. А. Милютин, другие генералы и офицеры. На местах, отведенных для представителей печати, — Федор Михайлович Достоевский и Борис Николаевич Чичерин — известный историк русского права и философ, профессор Московского университета, крупный деятель либерального движения.

Возле здания суда — на Литейном и на Шпалерной — огромные толпы людей, не попавших в зал, масса учащейся молодежи. У входа в суд и у ворот примыкающего к нему дома предварительного заключения — большие наряды полиции и жандармерии.

Заседание открылось ровно в одиннадцать часов.

В ходе вступительной процедуры было образовано «присутствие» из двенадцати присяжных заседателей. Всего присяжных явилось двадцать девять, из них двадцать четыре очередных и пять запасных. Александров отвел не шесть, а даже одиннадцать присяжных, поскольку обвинитель, имевший также право на отвод шести заседателей, не воспользовался им. Потом, после суда, правительственные круги будут особенно возмущаться именно этим. Из оставшихся после отвода семнадцати присяжных и было сформировано «присутствие». В него вошли четыре надворных советника, титулярный советник, коллежский секретарь, коллежский регистратор, свободный художник, помощник смотрителя духовного училища, один студент, один дворянин и

один купец второй гильдии. Как видим, большинство присяжных заседателей составляли средние и мелкие чиновники — люди, более подверженные либеральным веяниям, чем купцы. Не случайно обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, вдохновитель реакции 70—80-х годов, подметил эту существенную деталь: прокурор «мог бы отвести всех тех чиновников, которых оставил защитник, и мог бы оставить всех тех купцов, которых защитник отвел».

После того как присяжные заседатели были приведены к присяге, председательствующий — А. Ф. Кони — обратился к ним со вступительным словом.

— Вы должны помнить, — сказал он, — что вы выскажете не мнение, а приговор, и с этой точки зрения вы должны припомнить, что, может быть, по настоящему делу, которое произвело большое впечатление в обществе, вам приходилось слышать разные разговоры и мнения, которые объясняли дело то в ту, то в другую сторону. Я бы советовал вам забыть их. Вы должны помнить только то, что увидите и услышите на суде, и помнить, что то, что вы слышали вне стен суда, были мнения, а то, что вы скажете, будет приговор. То, что вы слышали вне стен суда, не налагает на вас нравственной ответственности, а ваш приговор налагает на вас огромную ответственность перед обществом и перед подсудимую, судьба которой в ваших руках. Вы обязуетесь судить по убеждению совести, не по впечатлению, а по долговому, обдуманному соображению всех обстоятельств дела. Вы не должны поддаваться мимолетным впечатлениям, вы должны смотреть во всех обстоятельствах дела на их сущность.

И еще Кони предупредил:

— На вас может подействовать обстановка настоящего дела: это большое количество слушателей и некоторая торжественность заседания, несвойственная обыкновенным заседаниям. На это вы не должны обращать

внимания. Для вас как членов суда, кроме суда *, подсудимой, сторон и свидетелей, ничего не должно существовать. Вы должны произнести приговор, отрешась от всех впечатлений побочных.

Напомнил председатель присяжным заседателям также об их обязанностях и правах. Затем секретарь прочел обвинительный акт, и опросом свидетелей началось судебное следствие.

Не признался, а прочитав «написанную заранее плохонькую» речь, «обвинитель действительно осрамился», — записал в своем дневнике государственный секретарь Е. А. Перетц. «Прокурор произнес бесцветную речь», — свидетельствует народоволец Н. К. Бух, связанный с делом Засулич. Таково же было мнение и Кони, и многих других очевидцев.

— Каждый волен любить или ненавидеть кого угодно ему, но никто не может нарушить чужих прав, — изрек Кессель, видимо, полагая, что сия бесспорная истина произведет огромное впечатление на всех, и прежде всего на присяжных заседателей. — Всякий человек, имеющий здравый рассудок, должен понимать, что нельзя выражать свои чувства в таких действиях, в каких выразила их Засулич. Всякий человек, обладающий разумом и сердцем, посредством которых он может выработать в себе основные, для всех одинаковые и всем понятные принципы нравственности, должен понимать, что такого рода действия ведут не ко благу общества, а к тому, что на место разумных чувств и той мудрости сердца, к которым все мы обязаны стремиться, права гражданства получают грубые инстинкты, ведущие к общественной дезорганизации.

Слушая эту выпренную тираду, многие, надо думать, ухмылялись про себя: сколько в ней лицемерия и

---

* В состав суда помимо председательствующего А. Ф. Кони входили члены окружного суда В. А. Сербиневич, который был старше Кони на двадцать лет, и О. Г. Ден.

фальши! Почему эти правильные слова должны быть применены только к Засулич? А почему не к бурбону Трепову? Если, как говорит обвинитель, никто не может нарушить чужих прав, почему же Трепов без колебаний, в самой унижительной форме позволяет себе нарушать эти права? А если он не понимает, что выражать свои чувства в таких действиях недопустимо, то есть ли у градоначальника здравый рассудок, о коем опять-таки упомянул господин обвинитель? Ежели человек лишен здравого рассудка и сердца, как может он занимать столь высокое положение и столь ответственную должность? И почему «основные, для всех одинаковые и всем понятные принципы нравственности» должны тем не менее распространяться на других, но не на его превосходительство господина Трепова? Почему грубые инстинкты, получившие в жизни права гражданства, в случае, если их проявляет господин градоначальник, не ведут к общественной дезорганизации, а те же инстинкты, проявившиеся у других, да к тому же в ответ на его собственные, ведут? Где же в таком случае причина, а где следствие? Что тут первично, а что вторично?

Не надо было обладать недюжинным умом и специальной подготовкой, чтобы задать себе такие вопросы. Собственно, в духе этих вопросов и построил свою блестящую защитительную речь П. А. Александров, который сразу же заявил:

— Не в фактах настоящего дела, не в сложности их лежит его трудность. Дело это просто по своим обстоятельствам, до того просто, что если ограничиться одним только событием 24 января, тогда почти и рассуждать не придется. Кто станет отрицать, что самоуправное убийство есть преступление? Кто будет отрицать то, что утверждает подсудимая, что тяжело поднимать руку для самоуправной расправы? Все это истины, против которых нельзя спорить, но дело в том, что событие 24 января не может быть рассматриваемо отдельно от друго-

го случая: оно так связуется, так переплетается с фактом, совершившимся в доме предварительного заключения 13 июля, что если непонятным будет смысл покушения, произведенного Засулич на жизнь генерал-адъютанта Трепова, то его можно уяснить, только сопоставляя это покушение с теми мотивами, начало которым положено было происшествием в доме предварительного заключения. В моем суждении о событии 13 июля не будет обсуждения действий должностного лица, а только разъяснение того, как отразилось это действие на уме и убеждениях Веры Засулич. Я рассмотрю ее жизнь, что тоже весьма поучительно, и не только для интересов настоящего дела...

Надо было иметь немалое мужество, чтобы публично, да еще в присутствии высших сановников империи, проповедовать такие, к примеру, «крамольные» мысли, напрямую связанные с выступлением декабристов.

— Характерные особенности нравственной стороны государственных преступлений не могут не обращать на себя внимания,— говорил Александров.— Физиономия государственных преступлений нередко весьма изменчива. То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести. Государственное преступление нередко — только одновременно высказанное учение преждевременно провозглашенного преобразования, проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время. Все это, несмотря на тяжкую кару закона, постигающую государственного преступника, не позволяет видеть в нем презренного, отвергнутого члена общества, не позволяет заглушить симпатий ко всему тому высокому, честному, дорогому, разумному, что остается в нем вне сферы его преступного деяния.

Или такие:

— Есть сфера, которая не поддается праву, куда бессилен проникнуть нивелирующий закон, где всякая за-

конная уравнительность была бы величайшей несправедливостью. Я разумею сферу умственного и нравственного развития, сферу убеждений, чувствований, вкусов, сферу всего того, что составляет умственное и нравственное достояние человека. Высокоразвитый, полный честных нравственных принципов государственный преступник и безнравственный, презренный разбойник или вор могут одинаково, стена об стену, тянуть долгие годы заключения, могут одинаково нести тяжкий труд рудниковых работ, но никакой закон, никакое положение, созданное для них наказанием, не в состоянии уравнивать их во всем том, что составляет умственную и нравственную сферу человека. Что потому для одного составляет ничтожное лишение, легкое взыскание, то для другого может составлять тяжелую нравственную пытку, невыносимое, бесчеловечное истязание. И если закон не может предусмотреть все нравственные, индивидуальные различия преступника, которые обуславливаются их прошедшим, то является на помощь общая, присущая человеку, нравственная справедливость, которая должна подсказать, что применимо к одному и что было бы вышею несправедливостью в применении к другому.

Он, Александров, по словам одного из либеральных журналистов, «беспощадно гнал всю систему и всех, кто ее поддерживал, сквозь строй своей сатиры и нещадно хлестал ее, обнаженную, бичами своего пламенного негодования и режущего остроумия. Он не защищал Засулич, он обвинял весь строй — таково было впечатление, и в этом была его сила и залог победы».

Кульминационным пунктом речи защитника, пишет очевидец, было то место, где он сказал, что мучителям Боголюбова нужен был стон не физической боли, а поруганной человеческой души, удушенного, униженного и раздавленного человека. Священнодействие совершилось, позорная жертва была принесена. Российский апофеоз розги торжественно устроен!

И тут зал взорвался аплодисментами, раздались громкие крики: «Браво!»

— Поведение публики должно выражаться в уважении к суду! — строго вмешался Кони, повышая голос до предела. — Суд не театр, одобрение или неодобрение здесь воспрещается. Если это повторится вновь, я вынужден буду очистить залу.

Порядок был водворен.

Закончил Александров свою речь с таким эмоциональным накалом, с такой силой убеждения и страсти, так впечатляюще, что зал опять взорвался от аплодисментов. Председательствующему снова пришлось вмешаться, сделав второе, и последнее, предупреждение публике. Сказал же Александров в заключение своей пространной речи следующее:

— Были здесь женщины, смертью мстившие своим соблазнительям. Были женщины, обагрившие руки в крови изменивших им любимых людей или своих более счастливых соперниц. В первый раз является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, — женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею во имя того, кто был ей только собратом по несчастью всей ее молодой жизни. Если этот мотив проступка окажется более тяжелым на весах общественной правды, если для блага общего, для торжества закона, для общественной безопасности нужно призвать кару законную, тогда — да совершится ваше карающее правосудие! Не задумывайтесь! Не много страданий может прибавить ваш приговор для этой надломленной, разбитой жизни. Без упрёка, без горькой жалобы, без обиды примет она от вас решение ваше и утешится тем, что, может быть, ее страдания, ее жертва предотвратят возможность повторения случая, вызвавшего ее поступок. Как бы мрачно ни смотреть на этот поступок, в самих мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва. Да, она может

выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренною, и остается только пожелать, чтобы не повторились причины, производящие подобные преступления, порождающие подобных преступников.

От последнего слова Засулич отказалась. Объявив прения оконченными, Кони прочитал проект поставленных на разрешение присяжных заседателей вопросов; возражений обвинения и защиты против проекта не последовало, и суд их утвердил. Первый, и главный, вопрос был сформулирован так: виновата ли Засулич в том, что, решившись отомстить градоначальнику Трепову за наказание Боголюбова и приобретя с этой целью револьвер, нанесла 24 января, с обдуманном заранее намерением, генерал-адъютанту Трепову рану в полость таза пулею большого калибра?

Кони выступил с напутственным словом присяжным заседателям. «Ярко сохранилось у меня впечатление от речи этого оратора,— пишет Сергей Глаголь, проходивший по процессу 193-х и освобожденный на поруки, а затем, по просьбе Александрова, участвовавший в процессе Засулич как свидетель защиты.— Она тогда же поразила меня своей осторожностью и обдуманностью. Это было воистину образцовое председательское резюме. Ни одного лишнего довода ни на ту, ни на другую чашу весов, ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты. Только всестороннее освещение всех доводов той и другой стороны и юридического веса этих доводов. Но затем, в самом конце своей речи, Кони точно подсказал присяжным, что, даже и признав наличие преступления, они все же могут принять во внимание все пережитое подсудимой, понять ее обостренную впечатлительность и в этом найти для нее снисхождение».

Присяжные заседатели удалились на совещание, а Кони, безмерно усталый, прошел в свой кабинет. Там он застал сенатора М. Е. Ковалевского, первоприсутствующего кассационного уголовного департамента Сена-

та, авторитетным мнением которого Кони дорожил, и Б. Н. Чичерина.

— Ну что, мой строгий судья? — обратился Кони к сенатору.

— Очень хорошо! — сказал тот, крепко сжимая руку Анатолия Федоровича.— Вы сумели соединить строгий порядок с предоставлением сторонам самых широких прав. Иначе этого дела и нельзя было вести.

— Оно имеет несомненный политический оттенок,— заметил Чичерин.

В кабинет вошел Лопухин, сообщил, что на улице беспокойно, что можно ожидать беспорядков и он боится, чтобы присяжные не пострадали за свой обвинительный приговор от каких-либо насилий толпы, которая все увеличивается.

— Не волнуйтесь. В случае обвинительного приговора я задержу присяжных в суде, покуда толпа не разойдется,— успокоил его Кони.

— Звонок! Звонок присяжных! — просунул голову в дверь кабинета судебный пристав.

Члены суда во главе с Кони проследовали в зал. Публика, взволнованная, возбужденная, стала занимать свои места.

— Попросите господ присяжных заседателей,— раздался голос Кони, и минуту спустя из комнаты налево от судей они появились один за другим.

С бледными лицами, не глядя на подсудимую и не занимая своих мест, они столпились около угла судейского стола. В зале воцарилась мертвая тишина. Все затаили дыхание.

Старшина присяжных — надворный советник А. И. Лохов, чиновник Министерства финансов, выступил вперед, дрожащей рукой протянул Кони опросный лист. «Нет, не виновна!» — молча прочел он на первой странице и, медленно перевернув ее, перешел глазами на вторую. Слышно было, как зал удрученно вздохнул: не-

ужели Засулич признана виновной?.. Дело в том, что Кони, прочитав ответ на первой странице, видно, машинально перевернул ее, хотя в этом уже не было необходимости — ведь на последующие вопросы никакого ответа быть не могло в случае отрицательного ответа на первый и основной, то есть — виновна ли?.. А в голове председательствующего за считанные секунды пронесся целый вихрь мыслей о последствиях, о впечатлении, о значении для истории этих трех слов, что значились на опросном листе.

Но вот Кони скрепил лист своею подписью и протянул его Лохову, мельком взглянув на Засулич. «То же серое лицо, ни бледнее, ни краснее обыкновенного, те же поднятые кверху, немного расширенные глаза».

Старшина присяжных начал читать скороговоркою вопрос:

— Виновна ли Засулич в том, что, решившись отомстить... нанесла... рану... пулей... калибра.— И потом вдруг громко, внятно, на весь зал: — Нет! Не виновна!..

Ярко вспыхнули щеки Засулич, но она оставалась неподвижной, по-прежнему глядя куда-то вверх, на потолок.

Что тут стало в зале! Вот как пишет об этом сам Кони:

«Тому, кто не был свидетелем, нельзя себе представить — ни взрыва звуков, покрывших голос старшины, ни того движения, которое, как электрический толчок, пронеслось по всей зале. Крики несдержанной радости, истерические рыдания, отчаянные аплодисменты, топот ног, возгласы: «Браво! Ура! Молодцы! Вера! Верочка! Верочка!» — все слилось в один треск, и стон, и вопль. Многие крестились; в верхнем, более демократическом, отделении для публики обнимались; даже в местах за судьями (читатель, надеюсь, помнит, что за особы там находились.— В. С.) усерднейшим образом хлопали... Один особенно усердствовал над самым моим ухом. Я

оглянулся. Помощник генерал-фельдцейхмейстера граф А. А. Баранцов, раскрасневшийся седой толстяк, с азартом бил в ладони. Встретив мой взгляд, он остановился, сконфуженно улыбнулся, но, едва я отвернулся, снова принялся хлопать...

В первую минуту судебные приставы бросились было к публике, пристально глядя на меня. Я остановил их знаком и, сказав судьям: «Будем сидеть», не стал даже звонить. Все было бы бесполезно, а всякая активная попытка водворить порядок могла бы иметь трагический исход. Все было возбуждено... Все отдавалось какому-то бессознательному чувству радости... и поток этой радости легко мог обратиться в поток ярости при первой серьезной попытке удержать его полицейскою плотиною. Мы сидели среди общего смятения, неподвижно и молча, как римские сенаторы при нашествии на Рим галлов. Но крики стали мало-помалу замолкать, и, наконец, настала особая, если можно так выразиться, взволнованная тишина».

А вот еще два свидетельства — как бы с другой стороны, то есть со стороны тех, кого Кони назвал более демократической публикой, — уже упоминавшихся выше народовольцев Сергея Глаголя и Николая Буха.

«Раздались такие бурные аплодисменты и поднялся такой гвалт, что ничего нельзя было ни слышать, ни разобрать. Одни кричали: «Браво», «Браво, присяжные!», другие: «Да здравствует суд присяжных!», третьи кидались друг друга обнимать и кричали: «Поздравляю, поздравляю!» Меня схватил в объятия какой-то седенький генерал и тоже кричал мне что-то, чего я не мог разобрать. Многие из публики перелезли через перила, кинулись к Александрову и Засулич и пожимали им руки, поздравляя их» (С. Глаголь).

«Зал огласился громом аплодисментов. Ни публика, ни революционеры, ни жандармы, ни полиция не ожидали такого приговора, не подготовились к нему и, глав-

ное, не сообразили всех его последствий» (Н. К. Бух).

И сама Вера Засулич, по воспоминаниям одного очевидца, «ждала, что ее повесят после комедии суда». А тут...

Ф. М. Достоевский, сидевший в зале рядом с известным фельетонистом, сотрудником ряда столичных газет Г. К. Градовским, заметил последнему, что «наказание этой девушки неуместно, излишне... Следовало бы выразить: иди, ты свободна, но не делай этого в другой раз... Нет у нас, кажется, такой юридической формулы, а чего доброго, ее теперь возведут в героини».

По словам исследователя творчества великого писателя и его биографа Л. Гроссмана, Достоевский «высказывает сочувствие оправданию подсудимой, но ищет формулу, которая выразила бы одновременно и осуждение террористическому акту. Он заносит в свои записные книжки слова Веры Засулич на суде о моральной трудности ее подвига и ставит их выше самого ее самоотверженного поступка».

— Вы оправданы! — объявил Кони, обращаясь к Засулич.— Пойдите в дом предварительного заключения и возьмите ваши вещи. Приказ о вашем освобождении будет прислан немедленно. Заседание закрыто!

Судебный пристав, в свою очередь, как того требовал порядок, объявил Засулич о свободе, начальник караула, жандармский офицер, на основании этого подал команду: «Сабли в ножны!» — и снял часовых.

В сопровождении управляющего домом предварительного заключения полковника М. А. Федорова Засулич проследовала в камеру за вещами. Однако, собирая их, она как-то не слишком спешила, даже затеяла чаепитие. Смотритель поторопил ее.

— Уходите, уходите! — сказал он.— А то ведь жандармы спохватятся да и вновь арестуют вас. Они такие...

Тем временем полковник Федоров вернулся обратно в здание суда. Встретив на лестнице недавно назначенного прокурором судебной палаты Лопухина, он сообщил ему, что Засулич в данный момент находится в камере дома предварительного заключения и собирает свои вещи.

— Я на вашем месте,— заметил Лопухин,— до получения предписания воздержался бы от ее освобождения.

Полковник Федоров оказался, таким образом, в весьма щекотливом положении: с одной стороны — решение суда и на этом законном основании письменный приказ председательствующего немедленно освободить Засулич, а с другой — «добрый» совет прокурора вышестоящей судебной инстанции не делать пока этого. Полковник колебался, не в силах принять то или иное решение. А толпа у ворот со стороны Шпалерной уже буквально неистовствовала, требуя безотлагательного освобождения Засулич и грозя выломать ворота. Почему она задерживается, отчего ее не выпускают?

Засулич уже была готова к выходу, а Федоров не знал, что предпринять, пока не появились адвокаты-парламентеры, позвонившие в ворота. Они сумели сперва напугать полковника ответственностью за разгром тюрьмы толпою, который может вот-вот случиться, если он не выпустит Засулич, а затем убедить его в том, что формально он будет прав, выпустив оправданную, и никаким судом нельзя будет поставить ему это в вину.

Федоров махнул наконец рукою и приказал передать Засулич адвокатам.

Загремели засовы, толпа на Шпалерной замерла, и, как только в просвете калитки появилась Засулич, грянуло оглушительное и долго не смолкавшее «ура», все стали тесниться к тому месту, где была Засулич.

— Господа, поднимите ее на плечи! — раздался чей-то голос.— Покажите Веру Ивановну, чтобы все видели. Покажите!

Кто-то подхватил Засулич, посадил себе на плечо, и фигурка худенькой девушки в черном платье заколыхалась над толпой. Снова грянуло «ура» и послышались крики:

— Да здравствует Засулич! Слава Засулич!

Сергей Глаголь заприметил вдали случайную карету, стоявшую у тротуара, бросился к ней и, отстранив дремавшего кучера, сам подвез ее к толпе. Посадили Засулич в карету, другой участник процесса 193-х сел на козлы, и карета двинулась, а Глаголь с толпой пошел следом...

Оставшись один в своем кабинете и несколько успокоившись от сознания, что тревоги прошедшего дня позади, Кони собрался уже было уходить, но его задержал А. И. Деспот-Зенович, член Совета Министерства внутренних дел.— высокий худой старик со звездой ордена Александра Невского на груди.

— Пришел вас поблагодарить за билет, данный мне для семейства,— сказал он.— Ну, что скажете вы о нынешнем дне? А?!

— День этот еще не кончен, и все, что произошло, еще так близко, так не остыло, что трудно сказать что-либо определенное. Но боюсь, чтобы для нашего суда присяжных он не был день роковой.

— Счастливейший день моей жизни! — воскликнул сановник, ударяя себя с силою по звезде. Лицо его внезапно покраснело, и старческие нервные слезы заблестали на его глазах.— Счастливейший день! — повторил он тихо, крепко сжимая Кони руку.

Анатолий Федорович вышел на Шпалерную и, с большим трудом пробравшись сквозь толпу на Литейный, встретил там на повороте молодого человека в высоких сапогах и старой медицинской фуражке.

— Позвольте узнать,— спросил тот запыхавшись,— не были ли вы в суде? Не знаете ли, чем кончилось дело? Куда ее присудили? Или оно еще идет?

— Дело кончено. Засулич оправдана.

— Неужели?! Оправдана! Боже мой!..

«Крепкие руки порывисто меня обняли,— вспоминает Кони,— по щеке моей скользнули влажные губы и жесткие усы, и фуражка помчалась дальше... Через несколько минут мимо церкви Сергия рысью промчался по направлению к суду взвод жандармов...»

Пообещав обедать в тот день у знакомых, проживавших на Фурштатской улице, Кони проследовал прямо туда. Вся семья и гости уже сидели за столом. Анатолий Федорович присоединился к ним. Не успели они закончить обед, как появился — почти вбежал! — новый гость и взволнованно сказал:

— Вы здесь спокойно сидите, а знаете ли вы, что происходит на улице? Там стреляют, дерутся с жандармами. Недалеко отсюда, на Воскресенском проспекте, лежит убитый...

— Как — убитый? Кто стреляет?

Весть эта взволновала и всех присутствующих, особенно Кони. Что произошло? В чем дело?

А случилось вот что.

Когда карета с Засулич подъезжала по Воскресенскому проспекту (ныне — проспект Чернышевского) к Фурштатской (ныне — улица Петра Лаврова), со стороны Кировной (ныне — улица Салтыкова-Щедрина) к ней вереницей бросились жандармы, придерживая шашки... Раздались выстрелы. Это стрелял Григорий Сидоракский, студент Медико-хирургической академии, революционер-народник. Стрелял, защищая Засулич от посланных задержать ее жандармов. Карета, однако, успела умчаться Засулич во мрак ночи, друзья надежно укрыли Веру Ивановну, а потом помогли покинуть Россию. И поступили весьма разумно.

Засулич вышла из ворот дома предварительного заключения в восьмом часу вечера, а уже в тот же день около одиннадцати часов вечера к полковнику Федорову явился прокурор окружного суда Н. Н. Сабуров с предписанием прокурора судебной палаты А. А. Лопухина — содержать Засулич под стражей впредь до особого распоряжения.

Полковник буквально остолбенел: да где же ее теперь взять? Как говорится — ищи ветра в поле. Уж не мистификация ли это какая? Но быстро понял — нет, не мистификация. Столь странное распоряжение последовало, вероятно, в силу каких-то совершенно исключительных обстоятельств, о которых он понятия не имел, а прокурор Сабуров не считал нужным уведомить его о них. Он лишь дал понять полковнику, что в данном случае является исполнителем приказа *высшей власти*.

На следующий день после суда, 1 апреля, был издан секретный приказ, а точнее — «Прибавление к приказу по С. П. Б. градоначальству, № 16» за подписью исполняющего должность градоначальника, ввиду болезни Ф. Ф. Трепова, генерал-майора Козлова, в котором говорилось: «Предлагаю гг. участковым приставам принять самые энергические меры к разысканию и задержанию дочери капитана Веры Засулич, покушавшейся на жизнь ген.-ад. Трепова и освобожденной вчерашнего числа от содержания под арестом по приговору суда присяжных. По задержанию Засулич отправить ее в дом предварительного заключения и о последующем мне донести».

Любопытно, что на архивном экземпляре этого документа, отпечатанного типографским способом, чьей-то чиновной рукой размашисто написано: сверху — «4 апреля», а внизу — «Трудно исполнить!»

Между тем еще накануне, то есть 3 апреля, газета «Северный вестник», издававшаяся адвокатом Е. В. Кор-

шем (близким к землевольцам), опубликовала письмо Веры Засулич. В нем она рассказывала о событиях вечера 31 марта, главной участницей которых ей довелось стать:

«Милостивый государь!

В некоторых газетах заявлено, что я скрываюсь от полиции. Это известие, вероятно, волнует моих родных и знакомых. Мне хотелось бы объяснить, что заставляет так поступать, и с этой целью я прошу напечатать мое письмо.

Еще в ту минуту, когда жандармы остановили карету, в которой я ехала, с намерением пересадить меня в другую, мне — и, как мне кажется, окружавшей публике — пришло на мысль, что, несмотря на оправдательный приговор, меня хотят арестовать. Публика, с сознательным ли намерением помешать аресту или просто по инстинктивному нежеланию допустить его, со всех сторон теснилась к карете; жандармы же расталкивали ее и отрывали от дверец кареты державшиеся за них руки. Затем раздались выстрелы, поднялась невыразимая суматоха, и карета, в которой я была, уехала.

При жандармах извозчику кареты громко кричали адрес той знакомой, к которой я намеревалась ехать. В два часа ночи по этому адресу явился полицейский чиновник в сопровождении дворника и трех неизвестных лиц; они осмотрели все углы квартиры и внимательно вглядывались в лица всех бывших там женщин. Все это заставляет меня верить доходящим до меня слухам о розысках и о том, что имеется приказ преследовать меня административным порядком. Я готова была беспрекословно подчиниться прокурору суда, но не решаюсь снова подвергнуться бесконечным и неопределенным административным преследованиям и вынуждена скрываться, пока не уверюсь, что ошиблась и что мне не угрожает опасность ареста.

Вера Засулич. С.-Петербург, 3 апреля 1878 г.».

Кстати, в том же 1878 году «Северный вестник» был закрыт властями по личному распоряжению царя.

Через несколько дней после суда над Засулич и ее освобождения прокурор судебной палаты Лопухин вызвал к себе полковника Федорова. Когда тот явился, в кабинете помимо Лопухина находился также Сабуров. Любезно предложив Федорову папиросы, Лопухин сказал:

— Я желал бы, полковник, побеседовать с вами, чтобы освежить в вашей памяти обстоятельства освобождения Засулич. Вы, вероятно, помните, что по окончании судебного заседания вы встретились со мною на лестнице и я предложил вам не выпускать Засулич впредь до моего распоряжения?

— Этого я не помню. Зато отчетливо помню, что вы советовали не выпускать Засулич до получения мною бумаги от суда, что я и исполнил.

— Нет, это не так! Вы припомните хорошенько. Я-то превосходно помню, что предупреждал вас — не освобождать Засулич впредь до моего особого распоряжения.

Федоров решительно отказался считать себя виновным в неисполнении распоряжения прокурора судебной палаты, поскольку такового не поступало.

Прошло еще несколько дней. И полковника Федорова потребовал к себе в градоначальство генерал-майор Козлов. Уведя его в отдельную комнату и усадив подле себя на диване, генерал, давно знавший Федорова, начал свою речь так:

— Вы много терпели и выслушивали разных неприятностей. Выслушайте теперь последнюю. Дело в том, что вы по высочайшему повелению за несвоевременное освобождение Засулич должны отбыть семидневный арест на гауптвахте. Однако в утешение вам скажу, что вы теперь же представляетесь к следующему ордену, на лето увольняетесь в отпуск, с выдачей вам пособия, а

ваш арест приказом не будет отдан и, следовательно, в формуляр также занесен не будет. Ведь в данном случае вы стали жертвой неблагоприятно сложившихся обстоятельств, хотя все мы не сомневаемся в вашей правоте. Кроме того, я попрошу вас отправиться под арест как можно раньше и никому не говорить, где вы будете находиться. Имейте в виду, что дело это исправить ничем нельзя и высочайшая воля должна быть непременно исполнена.

Федоров был потрясен всем услышанным и едва удержался, чтобы не расплакаться. На следующий же день он отправился на гауптвахту, а по отбытии наказания подал прошение об увольнении его от должности управляющего домом предварительного заключения. Отставка тюремщика была принята — именно этого и желало вышестоящее начальство, по мнению которого полковник слишком «легкомысленно» освободил, как того требовал закон, оправданную по суду Веру Засулич. За подобное «легкомыслие», или «недомыслие», и пришлось расплачиваться злосчастному полковнику.

А Григорий Сидорацкий, защитивший Веру Засулич от жандармов, погиб — погиб на Воскресенском, угол Фурштатской, правда при обстоятельствах, не до конца выясненных. Существует несколько версий его гибели. 5 апреля была отслужена панихида по нему во Владимирском соборе, вылившаяся в демонстрацию. На ней выступил Георгий Плеханов, который пять лет спустя создал в Женеве группу «Освобождение труда» — первую русскую марксистскую группу. Ей суждено было сыграть важную роль в распространении марксизма в России. В эту группу входила и Вера Засулич. Она написала ряд произведений, в которых разъясняла учение Маркса и Энгельса, идеи социализма, занималась переводами произведений Маркса и Энгельса на русский язык, остро полемизировала с ошибочными взглядами народников.

У группы «Освобождение труда» тоже были свои серьезные ошибки, однако они не умаляют той роли, которую она сыграла в истории русской социал-демократии.

Веру Засулич нередко называют родоначальницей политического терроризма, который в дальнейшем так широко практиковали народники и эсеры. Но это вряд ли справедливо, потому что Засулич, глубоко проанализировав положение в России и последствия своего выстрела, пришла к выводу о непригодности индивидуального террора как метода политической борьбы и стала убежденным его противником, что нашло свое отражение в ряде ее произведений.

СЛУГА ПРАВОСУДИЯ

Процесс Веры Засулич стал крупным политическим событием в жизни не только Петербурга, но и всей страны, а оправдание революционерки судом присяжных — случаем беспрецедентным в истории российского правосудия, моральным поражением царизма. В то же время он знаменовал собою начало нового этапа в развитии революционного движения народничества, поворотный момент в методах борьбы с царизмом.

Народническое движение переходит к тактике террора, которая заведет его в глухой тупик, ибо в рядах народников не много было таких, кто отдавал себе ясный отчет в бесперспективности тактики террора, в ее бесплодности для дела революции, для достижения ее конечной цели, в ее безнравственности, наконец.

На следующий день после процесса Веры Засулич Кони был приглашен к министру юстиции.

— Ну вот видите, каковы они, ваши присяжные! — такими словами встретил Анатолия Федоровича граф Пален. — Уж пусть теперь не взыщут, пусть не взыщут!

Это прозвучало как сигнал к решительному наступлению на «судебную республику» — суд присяжных, да и на всю систему судебных учреждений, созданных реформой 1864 года.

«Оправдание Засулич, — писал Кони, — разразилось над петербургским обществом подобно электрическому

удару, радостно возбудив одних, устранив других и всех равно взволновав... Чувствовалось, что приговор присяжных есть гласное, торжественное выражение негодования по поводу административных насилий... Передовые статьи большей части газет рассматривали решение присяжных именно как протест общественной совести, которая была возмущена явным нарушением закона и грубым насилием и не нашла в себе слова осуждения для той, которая явилась выразительницей негодования, накопившегося в душе многих... Приговор присяжных, быть может, и не правилен юридически, но он верен нравственному чутью; он не согласен с мертвой буквой закона, но в нем звучит голос житейской правды; общество ему не может отказать в сочувствии... и *saveant consules!*» *

«Оправдательный приговор Засулич,— заявил известный писатель-народник П. В. Засодимский в подпольной газете «Начало»,— обратился в обвинительный приговор, произнесенный над правительством от лица русского общества устами двенадцати присяжных». «...Засуличевское дело не шутка... Это похоже на предвозвестие революции»,— писал в те дни Лев Толстой Н. Н. Страхову, литературному критику и философу, который в своем письме из Петербурга в Ясную Поляну рассказал о судебном процессе. Весьма интересно по мысли также другое его письмо тех дней — Александре Андреевне Толстой, двоюродной тетке Льва Николаевича, камер-фрейлине императорского двора. Оно датировано 6 апреля 1878 года. «Мне издали и стоящему вне борьбы ясно,— писал он,— что озлобление друг на друга крайних партий дошло до зверства. Для Майделя **

---

* «Консулы, будьте бдительны!» (лат.). Употребляется в смысле: «Власти! Берегитесь!»

** Е. И. фон Майдель — комендант Петропавловской крепости; в начале марта того же, 1878 года, когда Л. Н. Толстой несколько дней находился в столице, он показывал ему крепость.

и др. все эти Боголюбовы и Засуличы такая дрянь, что он не видит в них людей и не может жалеть их; для Засулич же Трепов и др.— злые животные, которых можно и должно убивать, как собак. И это уже не возмущение, а это борьба. Все те, которые оправдали убийцу и сочувствовали оправданию, очень хорошо знают, что для их собственной безопасности нельзя и не надо оправдывать убийство, но для них вопрос был не в том, кто прав, а кто победит. Все это, мне кажется, предвещает много несчастий и много греха... И с тех пор, как я прочел про этот суд и про всю эту кутерьму, она не выходит у меня из головы».

В. Г. Короленко вспоминал в «Истории моего современника», что «оправдательный вердикт присяжных довел общий восторг до кипения. Казалось, начинается какое-то слияние революционных течений с широкими стремлениями общества».

И. С. Тургенев, по-прежнему проживавший за границей, назвал процесс Засулич «знаменем времени» и свое восхищение ее подвигом выразил в стихотворении в прозе «Порог». «...История с Засулич взбудоражила решительно всю Европу»,— сообщал он одному из своих корреспондентов. И это была сущая правда.

Фридрих Энгельс в предисловии к английскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» назвал Веру Засулич героической. Влиятельный французский ежемесячник «Ревю де дё монд», отводя Засулич достойное место во всемирной истории, писал: «В несколько мгновений она стала знаменитостью... В течение 48 часов Европа забыла о войне и мире, о Бисмарке, Биконсфилде и Горчакове, чтобы заняться только Верой Засулич и ее удивительным процессом».

Подробную информацию о процессе напечатали газеты Франции, Англии, Германии, Италии, США, а также многих других стран. И во всех газетных сообщениях наряду с Верой Засулич непременно упоминались

А. Ф. Кони и П. А. Александров, речь которого была затем переведена на несколько иностранных языков и сделала его всемирно знаменитым.

Однако исход дела Засулич многих и напугал в России, прежде всего самого царя и правительство, что вполне естественно. К. П. Победоносцев писал в те дни наследнику — будущему императору Александру III: «Посмотрите, что вдруг открылось в нашем обществе, — какая слепота, какое отсутствие серьезной мысли. Суд объявляет невиновной женщину, стрелявшую в градоначальника... и общество радуется. Мужчины и женщины готовы плакать от восторга, точно в конце драмы в Михайловском театре... Правительства нет, как оно должно быть с твердой волей, с явным пониманием того, чего оно хочет, с решимостью защищать основные начала управления, с готовностью действовать всюду, где нужно».

Вскоре реакционные круги общества, послушная правительству печать объединились и начали поход против новых судебных учреждений.

«Присяжные введены в заблуждение, и их нечего винить! — вопили они на каждом шагу, причем тон задавал, как обычно, М. Н. Катков — редактор «Московских ведомостей», газеты охранительного направления. — Но кто же сделал это? — вопрошал он. — Кто ввел их в заблуждение? Суд! Он допустил говорить о действиях Трепова, и это произвело сильное впечатление. Он позволил защитнику говорить о сечении и потрясти этим слушателей. Он не оградил присяжных от влияния на их чувства... Он не сказал им лаконически: «Вот — Засулич, она стреляла и созналась; больше вам нечего знать — судите ее!» Вот кто виноват! И прежде и более всего — председатель. Нечего видеть в этом приговоре проявление общественного негодования и этим тревожиться. Это просто ошибки, неумение, тенденциозность суда и в особенности председателя. Вот и всё! И вот отправная

точка: глупые присяжные, скверные судебные порядки и красный нигилист — председатель. На этом и станем твердо, бесповоротно».

Поскольку еще у многих на памяти был громкий процесс игуменьи Митрофании, Константин Леонтьев, известный в те годы публицист и философ, решил сопоставить оба эти процесса — игуменьи Митрофании и Веры Засулич. И пришел в ужас от тех «огромных масштабов», которые приняло «либеральное развращение» культурного общества. В самом деле, негодовал Леонтьев, «перед нами, например, две женщины, игуменья Митрофания (вдобавок баронесса) и акушерка Засулич. Митрофания виновата, а Вера Засулич права. Пожилую заслуженную женщину, увлекающуюся деятельным характером и желанием обогатить любимое ею религиозное учреждение, *никто не жалеет*; Веру Засулич, решающуюся на политическое убийство из-за коммунистических сочувствий, *жалуют все и делают ей безумную овацию!*».

5 апреля Кони был вторично приглашен к Палену.

— Я просил вас к себе для очень серьезного и неприятного объяснения,— сухо сказал министр.— Известно ли вам, какие обвинения возводятся на вас со всех сторон по делу Засулич?

— Я читал статью Каткова и слышал, что в Английском клубе мною очень недовольны...

— Не в клубе,— перебил, раздражаясь, граф Пален,— не в клубе, а гораздо выше. Вас обвиняют в целом ряде вопиющих нарушений ваших обязанностей, в оправдательном резюме, в потачках этому Александрову, в вызове свидетелей, чтобы опозорить Трепова, в позволении публике делать неслыханные скандалы, в раздаче билетов разным нигилистам. Все говорят, что это было не ведение дела, а демонстрация, сделанная судом под вашим руководством. Какие у вас могут быть оправдания? — резко спросил министр.

— Вашему сиятельству известно,— холодно ответил Кони,— что по закону председатель суда не имеет надобности представлять оправдания министру юстиции. Для этого есть особые судебные инстанции. Им, и только им, излагает он свои оправдания на законно сформулированное обвинение. Я не считаю себя обязанным отвечать на ваш вопрос и опровергать более чем странные обвинения, которые, по-видимому, вы разделяете.

— Да-с! — вспыхнул Пален.— Я разделяю их и объявляю вашему превосходительству, что государь император завтра же, может быть, потребует от меня указа о вашем увольнении. Это случится несомненно! Что вы на это изволите сказать?

— Я могу скорее спросить у вашего сиятельства, что вы на это скажете? — сдерживая волнение, резко парировал Кони.— Что ответите на такое требование вы — министр юстиции, блюститель закона, знающий, что судьбы несменяемы без уголовного суда. Я же скажу только, что это будет нарушением закона, которое никому не запишется в счет заслуг.

— Предоставьте мне самому знать свои обязанности по отношению к государю,— высокомерно заявил Пален и вдруг взорвался: — Я не намерен, я не могу пререкаться из-за этого с государем! Я не хочу рисковать! Благодарю покорно! Я не хочу нести ответственность за ваши неправильные действия!

— Я не понимаю, что же вам от меня угодно? Зачем меня пригласили? — И Кони взялся за шляпу.

— Но, однако, Анатолий Федорович,— уже другим тоном произнес Пален,— поймите же и вы мое положение!..

Разговор этот продолжался еще долго, а в конечном счете свелся к тому, что Пален прямо предложил Кони подать в отставку.

— Вот что! — сказал он.— Быть может, вы и правы и ваши действия юридически правильны, однако этого

никогда не поймут в тех сферах, где вас обвиняют. Уполномочьте меня доложить государю, что вы считаете себя виновным в оправдании Засулич и, сознавая свою вину, просите об увольнении от должности председателя, а? Могу вас уверить, что государь по своей доброте не станет долго гневаться на вас.

— Я не могу вас уполномочить, не могу дать вам право говорить государю то, чего я не признаю!

— Вам грозит увольнение без прощения, если вы не хотите принять моего предложения.

— Вы можете с помощью высочайшего повеления убить меня в служебном смысле,— прервал министра Кони,— но вы совершенно напрасно предлагаете мне совершить в этом отношении самоубийство. Я не согласен ни на какие компромиссы! Пусть меня увольняют! Но сам я моего места именно теперь не оставлю. Несменяемость — лучшая гарантия, лучшее украшение судейского звания. Благодаря ей легко переносится и скудное вознаграждение, и тяжкая работа судей. Она поддерживает, она ободряет многих деятелей внутри России. Она дает им доверие к своим силам в столкновениях со всякою неправдою. Я понимал бы вопрос о моем выходе в отставку в одном только случае... Можете ли вы поручиться, что этим будет куплена совершенная неприкосновенность суда присяжных? Что он останется, безусловно, нетронутым?

— Нет! Нет! Это вопросы несовместимые. Государю угодно привести этот суд в порядок. Нет! Против присяжных необходимы меры. Надо изъять у них эти дела! Это решено бесповоротно. Надо побольше изъять!

— Я остаюсь при несогласии на ваше предложение.

— Скажите, Анатолий Федорович, а что, собственно, заставляет вас так усиленно цепляться за вашу должность? — помолчав, спросил вдруг Пален.

— А вот что, граф. Вы знаете, что я доктор уголовного права и двери наших университетов для меня рас-

крыты. Вы знаете далее, что адвокатура давно зовет меня в свои ряды и всегда охотно примет меня в среду свою. Кроме того, я имею некоторое литературное имя и в этом случае ничего не потерял бы, променяв деятельность судейского на литературное поприще. Наконец, я человек холостой, с очень скромными жизненными требованиями. И если я отказываюсь подать в отставку, то исключительно по причинам морального характера. Если я, несменяемый судья, в столице подам в отставку, то что же вы после того станете делать над сотнею председателей окружных судов, рассеянных по губернским городам остальной России, ведь вы их просто ногами затопчете, не так ли?..

Они холодно простились, и Анатолий Федорович уехал.

Твердость позиции, занятой Кони, сыграла свою роль. Даже царь, несмотря на весь свой гнев, не решился на прямое попрание законов, еще так недавно им самим утвержденных, тем более в связи с делом, получившим столь широкую огласку в Европе. Кони остался на своем посту председателя окружного суда, но попал в опалу. А граф Пален вынужден был подать в отставку и оставить министерство, что явилось, по словам государственного секретаря Е. А. Перетца, прямым следствием «небрежного ведения» дела Засулич.

Самое большое испытание судейских и человеческих достоинств, каковым стало для Кони знаменательное «дело Засулич», Анатолий Федорович выдержал с честью. «Судьба послала мне остаться верным слугою тех начал, на службу которым я вступил с университетской скамьи» — так напишет он в заключение своих воспоминаний о «процессе века».

Еще более трех лет, до осени 1881 года, занимал Кони кресло председателя Петербургского окружного суда, хотя Министерство юстиции, не сумевшее вынудить его уйти в отставку, не оставляло идеи переместить

«жреца нигилистической демократии» (как окрестил его князь Мещерский) куда-нибудь в другое место.

Трудным, исключительно тяжелым выдался для Кони 1879 год. Во-первых, умер Федор Алексеевич — умер в самом начале года, 25 января, от воспаления легких, после чего Анатолий Федорович и сам серьезно заболел. Но не прошло и месяца, как его постигло другое жестокое несчастье, поразившее в нем «одновременно и невольное родственное самолюбие, и чувство русского гражданина, и строгое мирозерцание судьбы». Пережитое потрясение вызвало временный паралич языка и верхней части тела.

Речь идет о том, что брат Анатолия Федоровича Евгений Федорович Кони, тоже юрист, коллежский секретарь, с 1868 года служивший мировым судьей 3-го участка в Варшаве, присвоил и растратил вверенные ему по должности деньги (около двадцати пяти с половиной тысяч рублей), причем для сокрытия этого, как писали «Варшавские губернские ведомости», «прибегал к неправильному ведению книг, незаконным переправкам цифр прихода, к выдаче не соответствующих книгам квитанций и составлению в книгах подложных документов».

После жалобы наследников одного из умерших, при описи имущества которого Е. Ф. Кони присутствовал как мировой судья, а затем восемь месяцев не отдавал принятые им на хранение ценные бумаги покойного, нагрянула ревизия. Она-то и обнаружила злоупотребления.

В субботу 17 февраля 1879 года Е. Ф. Кони, как обычно, в три часа дня вышел из дому и... не вернулся. «Я ожидала его к обеду,— писала Анатолию Федоровичу шесть дней спустя его жена,— нет, к вечернему чаю — тоже нет! Всю ночь я прождала — и напрасно. Так же напрасно ждала я его все воскресенье — день его рождения...»

Е. Ф. Кони еще до окончания ревизии скрылся, выехав из Варшавы в неизвестном направлении и прихватив из служебного сейфа на дорогу хранившиеся там пятьсот рублей, на которые семерка нагрывших ревизоров почему-то (по оплошности?) не наложила сразу арест.

Так начался первый акт тяжелой семейной драмы, в которую оказались вовлечены все члены семьи — Любовь Федоровна (урожденная Голенищева-Кутузова), жена Е. Ф. Кони, горячо его любящая и бесконечно преданная ему; Ирина Семеновна, мать, и Анатолий Федорович, младший брат, который еще не пришел в себя после похорон отца.

Ирина Семеновна в это время находилась в Варшаве, и для нее происшедшее было ударом невероятной силы.

Еще в пятницу ничто не предвещало беды, сообщала она младшему сыну в Петербург; Евгений, которого она в тот день навестила, проводил ее до дверей и сказал: «Христос с тобою, милая...» А в субботу все было кончено, «он скрылся и разрушил всю мою жизнь, мою старую угасающую жизнь, не дал даже спокойно умереть, но он мой сын,— пройдет время, и дело позабудется, и все, все успокоится, одна я не позабуду и не утешусь никогда — каждую минуту предо мною стоит это доброе лицо, эти добрые глаза, и я плачу, плачу без конца, думая, зачем ему Бог не дал силы воли и страсти побороли сердце или зачем он не умер ранее, чтобы я могла плакать над его могилою и не оплакивать заживо погибшего;— да, Господь послал мне тяжкое непосильное горе...»

Это письмо было написано 21 марта, когда никаких известий от Е. Ф. Кони, хотя прошло уже более месяца, все еще так и не было.

«Теперь в городе только и разговору,— сообщал из Царства Польского корреспондент одной из столичных

газет,— о бегстве из Варшавы мирового судьи Кони, успевшего скрыться, кажется, за границу, еще до окончания сделанной у него [мировым] съездом ревизии. Немедленно по обнаружении растраты мировой судья Кони уволен от должности министром юстиции, а Сенатом возбуждено против него следствие».

«Бежавший судья оставил молодую жену, никакого имущества и довольно значительные долги,— не без сарказма писала другая газета.— В квартире его найдены только две кровати, не подлежащие по закону аресту, а вся роскошная мебель, находившаяся в этой квартире, за несколько дней до катастрофы была отбрана мебельщиком за неплатеж условленной суммы».

«Дошли слухи,— сообщала третья,— о роскошной жизни бежавшего судьи». И т. д. и т. п.

Любопытно, что вести следствие по делу Кони поручили М. М. Котляревскому — личности довольно одиозной. До этого он был товарищем прокурора Киевского окружного суда и проявлял непомерное рвение в преследовании революционеров-народников, за что был приговорен ими к смертной казни. 23 февраля 1878 года на Котляревского было совершено покушение, однако неудачное. Затем его перевели в Варшаву. Вот он-то и устремился на поиски сбежавшего мирового судьи — родного брата председателя столичного окружного суда, еще так недавно прогремевшего на всю Россию оправданием террористки Веры Засулич,— уже после покушения на самого Котляревского...

Слухи о бегстве Е. Ф. Кони за границу оказались ложными. Где он находился больше месяца — неясно. Лишь в конце марта он сам вернулся в Варшаву и был взят под стражу, то есть «сдался властям».

В своем первом письме Анатолию Федоровичу из Варшавы после случившегося Ирина Семеновна высказала такое предположение о причине исчезновения старшего сына: «...Он кинулся куда-то искать денег, не мо-

жет быть, чтобы была истрачена такая огромная сумма, мне кажется, что деньги эти у него и он истратил не так много, но, вероятно, хочет отдать все миром».

Л. Ф. Кони, судя по ее письмам и телеграммам А. Ф. Кони, тоже возлагала на это некоторые надежды. Увы, эти предположения и надежды не оправдались. Более серьезные надежды — со стороны жены брата, да и самого его, — возлагались на другое: на то, что высокое положение Анатолия Федоровича, его связи в сановном мире помогут если не ликвидировать целиком, то по крайней мере смягчить катастрофу и ее последствия, замять дело.

19 февраля, через два дня после бегства Е. Ф. Кони, Любовь Федоровна телеграфировала Анатолию Федоровичу в Петербург: «Помочь можно влиянием, деньгами, приостановкой дела». А в письме, отправленном четырьмя днями позже, она писала: «Голубчик мой Анатолий Федорович, простите Вы моему бедному, несчастному Жене то горе, которое он вам причинил... До сих пор о Жене я ничего не знаю, а эта-то неизвестность и есть самое ужасное... Анатолий Федорович, или можно что-нибудь сделать, чтобы не предавать это грустное дело гласности, т. е. печати, я бы Вас об этом очень, очень просила. Не для себя я это желаю, но для трех личностей, которые мне дороги, это для Вас, моего старика отца и моего бедного малютки сына».

Легко представить всю трудность положения, в какое был поставлен случившимся Анатолий Федорович, то тяжелое нравственное испытание, через которое ему предстояло пройти.

Помимо него самого с самого начала и совершенно ясно представляла себе это Ирина Семеновна. Уже в первом письме после катастрофы она писала Анатолию Федоровичу: «Какое горе. За что это тебе, вечному труженику, мученику за чужие грехи... тебе-то за что?.. Что нам делать, пусть хотя тебя сохранит Бог — ужасно что

делается... Я... вся напряжена и разбита, смерть была бы благодеянием, только ты один у меня. Господи, как его-то жаль — ох, как жаль, умерла бы, чтобы помочь ему, и невозможно». И далее: «Голубчик, не хлопочи, если это тебя компрометирует — пусть Господь творит свою волю... Попроси Бога за него, за всех нас...»

А в письме Ирины Семеновны от 21 марта есть такие строки: «Не думай, милый, чтобы я его [Евгения Федоровича] извиняла и оправдывала. Он более виноват, чем я вообразить могу, он забыл, не пощадил никого — жену, ребенка, тебя, своего *благодетеля и покровителя* (курсив мой.— В. С.), чуть не свел в могилу меня, свою старую мать, которая столько лет жила для него, молилась о нем, меня он убил окончательно... Ради Бога не думай, что я стану кого-нибудь просить за моего беднягу, из уважения к тебе».

О реакции Анатолия Федоровича, который не мог пойти ни на какие компромиссы с собственной совестью и честью, можно судить по тому, что одним из поводов возвращения Е. Ф. Кони в Варшаву, как признавал он сам в большом исповедальном письме Анатолию Федоровичу от 15/27 мая 1879 года, послужило письмо младшего брата. Текст его, к сожалению, неизвестен, но не так уж трудно предположить, о чем могла идти в нем речь, если в том же письме-исповеди Е. Ф. Кони говорит о своем осознании необходимости, «сделав подлость, смело и честно принять за эту подлость и достойную кару».

Завершалось письмо-исповедь так: «Кончая письмо, я еще раз обращаюсь к тебе, добрый и великодушный брат, честнейший в мире человек, и говорю тебе: прости мне все зло, которое я тебе причинил своим проступком, как брат пожалей меня, как человек извини меня, как христианин помолись обо мне. Я и этого не умею! Не оставь моего бедного сироту Борю, если ему будет в тебе нужда, и научи его стать честным...»

О позиции, занятой Анатолием Федоровичем по отношению к брату, свидетельствуют его горькие, но исполненные высокого человеческого достоинства слова о том, что их семейное несчастье заставило его «пережить трагическую необходимость указать любимому и близкому человеку безусловную нравственную его обязанность сломать всю свою жизнь и тяжелыми материальными испытаниями искупить вину перед обществом». Об этом он и писал брату.

Приближался второй акт семейной драмы. Следствие, растянувшееся на целых полтора года (по причинам, не совсем ясным, если не считать болезни Е. Ф. Кони летом 1879 года, в связи с чем он был временно помещен в Александровский военный госпиталь при варшавской цитадели), подходило к концу.

29 сентября 1880 года во втором, уголовном департаменте Варшавской судебной палаты состоялось судебное разбирательство. Е. Ф. Кони признал себя во всем виновным, добавив, что совершил преступления «вследствие крайне стесненного денежного положения, что у него была масса долгов, из которых он хотел выйти посредством присвоенных и растраченных им сумм, рассчитывая пополнить их впоследствии из своего кармана».

Обвинитель — товарищ прокурора судебной палаты Делин — требовал отнестись к подсудимому со всевозможной строгостью ввиду особой опасности и недопустимости преступлений, совершаемых самими служащими Фемиды, какого бы ранга они ни были.

В своем последнем слове Е. Ф. Кони просил суд принять во внимание его несчастное семейное положение, «причем высказал раскаяние в совершенных им преступлениях», принося одновременно извинения лицам судебного ведомства.

Е. Ф. Кони был присужден «к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и пре-

имущества и ссылке на житье в Иркутскую губернию, с воспрещением всякой отлучки из места, назначенного ему для жительства, в продолжение четырех лет и выезда затем в другие губернии и области Сибири в течение двенадцати лет». Несколько позже, в ответ на ходатайство осужденного перед царем, последовало «высочайшее повеление» о замене ему Иркутской губернии на Тобольскую, в остальном же суровый приговор остался в силе.

Следует отметить, что некоторые газеты (и не без умысла, конечно) освещали этот процесс, стремясь бросить тень на брата подсудимого, занимающего столь высокий пост в системе правосудия и известного своей бескомпромиссной честностью. Дескать, так ли уж много стоит его честность и порядочность, если родной брат его — тоже судья! — отъявленный вор и мошенник?

Нетрудно представить еще раз, каких нравственных испытаний стоило все это Анатолию Федоровичу. Временный паралич языка и верхней части тела — далеко не единственное следствие тяжелого потрясения, выпавшего на его долю.

Жена осужденного, Любовь Федоровна, с маленьким сыном Борисом и мать его, Ирина Семеновна, проживавшая с 1864 года в основном в Москве, последовали за Е. Ф. Кони в ссылку. Они поселились в Тобольске.

«Конечно, чаша всего, что полагается в таких случаях, была испита мною до дна,— пишет А. Ф. Кони.— Бессонные от тяжелых дум ночи сменялись днями безысходной тоски, боязнью за другое, дорогое мне старое существо, пораженное одинаковым со мною ударом (т. е. за мать.— В. С.), оскорбительными расспросами и намеками, болезненным молчанием немногих друзей, лицемерными вздохами и рукопожатиями равнодушных приятелей и беззастенчивым ликованием многочисленных врагов».

Обрушились на плечи Анатолия Федоровича и материальные тяготы. Ему пришлось теперь жить на три семьи: обеспечивать самого себя, постоянно помогать брату и матери, а также двум сводным сестрам — Людмиле и Ольге, дочерям Федора Алексеевича от гражданского брака с журналисткой А. В. Каировой. «...Я, с двумя моими семействами (братом и матерью с одной стороны, девочками — с другой), с трудом свожу концы с концами», — писал он старому другу и коллеге С. Ф. Морошкину в Харьков. «Если бы я имел досуг заниматься еще литературной работой, — читаем в другом письме тому же адресату, — я совсем примирился бы со своим положением, так как и средства мои увеличились бы. А то теперь очень приходится кряхтеть при всех расходах на Сибирь, на дочерей отца и т. д. и при непременно условии что-либо откладывать на черный день, на старость, на болезнь».

Пока Кони был прокурором окружного суда, он, как мы уже знаем, снимал небольшую и недорогую квартиру в Басковом переулке, где прожил два года, после чего переехал в дом Кононова на Фурштатской (№ 33), откуда затем перебрался в казенную квартиру при Министерстве юстиции, о чем также говорилось выше.

Став председателем окружного суда, Анатолий Федорович, естественно, должен был оставить министерскую квартиру и временно поселился в доме 18/20 по Пушкинской улице, где размещались меблированные квартиры «Пале-Рояль» (не совсем точно именуемые иногда гостиницей), после чего снял апартаменты в большом доходном доме купца А. Г. Елисеева на углу Фурштатской и Воскресенского проспекта. Дом этот выходит двумя протяженными фасадами на обе улицы и своим обликом, весьма характерным для подобных зданий, несколько напоминает дом Лыткина на Фонтанке, где Кони родился. Ныне это дом 27 по улице Петра Лаврова, напротив станции метро «Чернышевская». Анатолий

Федорович снимал квартиру 29 — в первом подъезде со стороны Фурштатской. Поскольку теперь ему приходилось арендовать апартаменты, приличествующие его высокому служебному положению, то и обходились они ему весьма дорого, что не один год составляло постоянную заботу Анатолия Федоровича.

В доме Елисеева Кони прожил семь лет — до 1885 года.

Нелегкие испытания, выпавшие на долю Анатолия Федоровича после процесса Засулич, не сломили его, не изменили его демократических убеждений. Наоборот, испытания закалили Кони, еще более утвердили его в правоте своих взглядов. Оставаясь в рядах высокопоставленных сановников империи, он фактически стал в оппозицию к правительству, открыто осуждая все те безобразия в государственной, политической и общественной сфере, которые были порождены самодержавием.

* * *

Правительство Александра II, *вынужденное*, о чем уже говорилось выше, на рубеже 1860-х годов провести ряд буржуазно-демократических реформ, почти тотчас же испугалось этих первых ростков демократии и перешло в контрнаступление на собственные реформы, чтобы свести их на нет. Первой атаке подверглась демократическая печать. Своего рода символами похода против нее стали беспрецедентная «гражданская казнь» Н. Г. Чернышевского, прикованного к позорному столбу («безмерное злодейство», как назвал ее Герцен), арест и последующая отправка на каторгу М. Л. Михайлова, заключение в Петропавловскую крепость Д. И. Писарева, приостановка на восемь месяцев, а затем и закрытие навсегда (за «вредное направление») «Современника» — лучшего демократического журнала своего времени. К концу 70-х годов репрессии со стороны правитель-

ства еще более усилились. Ими отвечал царизм на активизацию революционно-демократических сил, на серию террористических актов, предпринятых народниками, а в особенности на покушение народника А. К. Соловьева на жизнь Александра II в апреле 1879 года и на взрыв в Зимнем дворце в феврале 1880-го, устроенный Степаном Халтуриним.

Этот взрыв, по словам Кони, вызвал среди либералов «сознание необходимости сильной власти... обеспечивающей общественный порядок, но в то же время чуждой старой бюрократической рутине, заботившейся, в своей близорукой самоуверенности, лишь о показном порядке и благополучии». Мнения в «верхах» разделились. Одни считали дальнейшее «закручивание гаек» обязательным, другие же предлагали, не ограничивая репрессий, пойти также на некоторые уступки, чтобы привлечь на свою сторону либеральную оппозицию и успокоить крестьян. И вот тогда на политическую арену был призван в столицу из Харькова генерал-адъютант граф Михаил Тариевич Лорис-Меликов, которому предстояло стать своего рода спасителем и вновь водворить в империи «порядок».

...В конце 30-х годов, когда Н. А. Некрасов материально бедствовал и перебивался временными и случайными заработками, несколько месяцев он преподавал в пансионе штабс-капитана Г. Ф. Бенецкого (служившего в Дворянском полку), готовя мальчиков к поступлению в военную школу. Там же, при пансионате, он и жил. Одного из воспитанников довольно часто навещал его родственник, тоже учившийся тогда в столице,— юнкер школы гвардейских подпрапорщиков М. Т. Лорис-Меликов. Некрасов и Лорис-Меликов, который был моложе его на четыре года, чем-то понравились друг другу, и, по-видимому, именно этой взаимной симпатией можно объяснить тот факт, что когда три года спустя Некрасов в очередной раз менял жилье, то он поселился в неболь-

шой «холостой квартире» вместе с Лорис-Меликовым и его другом по той же школе гвардейских подпрапорщиков А. П. Нарышкиным. Молодые люди прожили вместе несколько месяцев в доме Шаумана на углу Стремянной и Поварского переулков, после чего пути их круто разошлись. Некрасов стал великим поэтом, журналистом и издателем; Лорис-Меликов успешно делал карьеру на военном и военно-административном поприще. Он участвовал в боевых действиях против Шамиля, затем — против турок на Кавказе во время Крымской войны, был военным начальником Южного Дагестана и градоначальником Дербента, начальником Терской области.

Особенно отличился Лорис-Меликов во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов, когда штурмом взял Карс — крепость, считавшуюся неприступной. Командуя корпусом, он фактически возглавлял тогда все военные действия на Кавказском театре, хотя формально главкомандующим являлся наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич, брат царя.

Два года спустя, будучи временным астраханским, саратовским и самарским генерал-губернатором, Лорис-Меликов быстро и решительно управился с эпидемией чумы, вспыхнувшей в Поволжье, да к тому же еще поразил всех тем, что вернул в государственную казну недорасходованные средства.

В 1879 году Лорис-Меликов стал харьковским генерал-губернатором. Его энергичная деятельность на этом посту получила одобрение правительства, хотя он, в отличие от многих других администраторов, не рубил с плеча, проявляя определенную осторожность и осмотрительность, чтобы не вызвать к себе особой ненависти как революционеров, так и либеральной оппозиции. Любопытно, что именно Лорис-Меликов оказался единственным из генерал-губернаторов, которому центральным комитетом «Народной воли» не был вынесен смертный

приговор. Этот хитроумный и находчивый царский вельможа умел нравиться разным слоям общества.

И вот, когда царизм оказался бессилем сдерживать революционный напор репрессиями и перешел к политике лавирования, Лорис-Меликов был назначен начальником «Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия». В феврале 1880 года он появился в столице и, наделенный почти неограниченной властью, ибо вскоре взял в свои руки Министерство внутренних дел, а также стал одновременно шефом жандармов и фактически премьер-министром, начал свою бурную деятельность под восторженные рукоплескания либералов.

«С первых его шагов стало ясно,— пишет Кони,— что он не намерен идти избитым путем бездушных и рутинных мероприятий, выработанных канцелярским способом; что он понимает невозможность держать общество в положении безучастного зрителя политической борьбы, не прислушиваясь к его упованиям, не опираясь на его доверие и не вглядываясь любовно и пытливо в его нужды. Закипевшая затем вокруг него работа по устранению вопиющих злоупотреблений окружила его миссию общим доверием всех порядочных людей... Кажется, что в душную комнату со спертым воздухом отворили форточку».

Это высказывание Кони очень характерно для либеральных кругов, в рядах которых вновь затеплились надежды на конституцию, на дальнейшее развертывание буржуазно-демократических реформ вместо их свертывания и перелицовки. Либералы видели в Лорис-Меликове именно того человека, который готов пойти навстречу их чаяниям и надеждам: с одной стороны — решительно прекратит «безобразия», — иначе говоря, создаст условия для победы над революционным экстремизмом, а с другой стороны, привлечет самих либералов к очищению страны от «скверны», всячески при этом им пот-

рафляя. А когда он и в самом деле стал это делать, их восторгам уже не было предела. Они в ожидании, когда правительство пойдет им на уступки, даже не замечали, что при диктатуре Лорис-Меликова репрессии несколько не уменьшились, они «только упорядочились», как остроумно заметил один из историков три десятилетия спустя.

Прекраснодушные либералов не разделяли истинные революционеры. Они были куда прозорливее и очень скоро сориентировались, что представляет собою «диктатура сердца» (как называли впоследствии недолгий период правления Лорис-Меликова), и четко выразили свое к ней отношение.

«Лисий хвост — волчья пасть» — так убийственно метко определила диктатуру Лорис-Меликова газета «Народная воля», в редактировании которой принимал участие известнейший публицист и критик, один из теоретиков народничества Н. К. Михайловский. «Говорят, — писал он в нелегальном «Листке „Народной воли“», — что к фигурам Минина и Пожарского на известном московском монументе будет в скором времени прибавлена статуя графа Лорис-Меликова. Говорят, что благодарная Россия изобразит графа в генерал-адъютантском мундире, но с волчьим ртом спереди и лисьим хвостом сзади, в отличие от прочих генерал-адъютантов, отечества не спасавших... Таков граф Лорис-Меликов, — продолжал Михайловский, развивая эту свою мысль дальше, — спаситель отечества, восстановитель правды, насадитель свободы! Для этого азиата, в котором наивные люди хотят видеть европейца, нет унижения: он спустился до роли палача, шпиона, политического шулера, он растопчет суд, правду, жизнь, но сделает это так, что наивные люди увидят только мягкие движения пушистого хвоста».

«Что же, политика неглупа! — отмечала та же газета «Народная воля». — Сомкнуть силы правительства, раз-

делить и ослабить оппозицию, изолировать революцию и передуть всех врагов порознь — недурно!»

Тем не менее революционная борьба не прекращалась — «диктатура сердца» была не в состоянии остановить ее, и тогда Лорис-Меликов представил царю проект реформ, которые бы вывели страну из кризиса. Некоторые называли его «Конституцией Лорис-Меликова». Однако на деле это было по-другому, то есть так называемая конституция вовсе не являлась конституцией. Как писал В. И. Ленин, «осуществление лорис-меликовского проекта *могло бы* при известных условиях быть шагом к конституции, но *могло бы* и не быть таковым: все зависело от того, что пересилит — давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие... партии непреклонных сторонников самодержавия».

Все шло к тому, что царизм вынужден был отступить под нажимом революционных сил. Александр II, хотя его и возмутил проект Лорис-Меликова, все же одобрил его.

Это было утром 1 марта 1881 года. А несколько часов спустя бомбой народовольца И. И. Гриневецкого, брошенной в карету царя, Александр II, приговоренный комитетом «Народной воли» к смерти, был убит. Назначенное им на 4 марта заседание Совета министров, где обычно председательствовал он сам, для согласования правительственного сообщения о предстоящей реформе не состоялось.

В дальнейшем ход событий изменил свое направление. Российский государственный корабль, быстро удаляясь от берегов демократии, устремился в открытое море реакции, ведомый новым царем — сыном убитого монарха Александром III.

На политическом горизонте появилась зловещая фигура К. П. Победоносцева. Лорис-Меликов был почти тотчас же отправлен в отставку.

Произошли перемены и в жизни Кони. Министерство юстиции, не сумевшее вынудить его уйти в отставку после процесса Веры Засулич, не отказалось от замысла сместить его с должности председателя окружного суда. И в октябре 1881 года это ему удалось с помощью нехитрого маневра. Кони находился за границей на лечении, когда из министерства ему была передана телеграмма с предложением занять должность председателя департамента Петербургской судебной палаты. Уверенный, что речь идет о департаменте по уголовным делам, Кони дал положительный ответ. И только в Петербурге он с крайним удивлением узнал, что назначен председателем гражданского департамента. Первая мысль была — подать в отставку, ибо это совсем не его стихия. Однако по спокойном размышлении он все же решил не делать этого, а «попробовать ориентироваться в... новом положении и постараться путем усиленного труда возместить себе недостаток опыта».

Два месяца Кони «провел в неусыпном труде по ознакомлению со взятыми из палаты делами, законами, кассационными решениями и юридической литературой по гражданскому праву». Работая по пятнадцать, а то и более часов, никого не посещая и не принимая, он через два месяца «сознал себя не только в известной мере подготовленным теоретически, но и вкусившим после тревог и сомнений, возбуждаемых вопросами о вменении и о соответствии карательного закона житейской правде, своеобразную прелесть спокойного и твердо установленного учения о договорах, о наследовании, о праве собственности».

Кони стал цивилистом, и, как в любом деле, в этой области права он также показал свои незаурядные способности, хотя должность судьи по гражданским делам не могла его удовлетворить. «Потянулись серые дни однообразной деятельности, грозящей принять ремесленный характер».

Дела о требовании женами обеспечения от мужей (т. е. об алиментах), дела о том, кому из не живущих совместно супругов принадлежит право оставить при себе детей и руководить их воспитанием, дела о наследствах, иски лиц, потерпевших вред или убыток вследствие смерти своих близких или повреждения своего здоровья, причиненных при эксплуатации железных дорог и паровозных сообщений, дело Общества водопроводов об устройстве (а точнее — неустройстве) фильтров — такими и им подобными вопросами пришлось заниматься Кони в судебной палате. «Отсутствие волнующих душу впечатлений» имело свою приятную сторону, однако было все же не по нему, занятому криминалисту.

О последнем из упомянутых выше дел — Общества водопроводов — стоит рассказать несколько подробнее уже хотя бы потому, что к нему оказались причастны помимо Кони также В. Д. Спасович и М. М. Стасюлевич.

Редактор-издатель «Вестника Европы» был неутомимым общественным деятелем. С 1881 года он состоял гласным Петербургской городской думы, написал очерк о ее деятельности за первое десятилетие существования, был членом комиссии по народному образованию (позднее — ее председателем). И существовало тогда в Петербурге акционерное Общество водопроводов, учрежденное еще в 1858 году, которое в силу принятых на себя обязательств должно было устроить в так называемом «ковше» около водопроводной башни на берегу Невы фильтры для пропуска и очистки невской воды, все более загрязняемой. Однако Общество под различными предложениями сооружать фильтры отказывалось, хотя они были крайне нужны городу, а долгие переговоры городского управления с Обществом водопроводов оказались бесплодными.

И тогда дума, вследствие неустанных и упорных настояний своего гласного Стасюлевича, решила предъ-

явить иск Обществу водопроводов, а ведение этого дела возложила на... самого Стасюлевича. Дело было довольно запутанное из-за целого ряда привходящих моментов, и с точки зрения гражданского права могло показаться, что правота на стороне Общества водопроводов. К тому же поверенным со стороны Общества выступал талантливый юрист П. А. Потехин, а его юрисконсултом был В. Д. Спасович.

Таким образом, М. М. Стасюлевичу противостояли два опытных и сильных противника. Михаил Матвеевич призвал себе на помощь К. К. Арсеньева — не менее искушенного и весьма энергичного юриста, которого хорошо знал как автора, тесно связанного своими литературными интересами с «Вестником Европы».

Проиграв дело в окружном суде, где оно слушалось 20 марта 1884 года, Общество водопроводов перенесло спор в судебную палату. А там оно поступило в департамент, возглавляемый Кони.

«Благодаря этому обстоятельству круг собеседников «круглого стола» несколько сократился,— читаем в воспоминаниях Анатолия Федоровича.— Я был крайне занят изучением этого сложного дела. Спасович затруднялся бывать у человека, против которого собирался энергично выступать. Заседание палаты при переполненной (!) зале заняло целый день до позднего вечера и представляло огромный юридический интерес. Речи Потехина и Арсеньева явили собой тщательный разбор вопроса во всех его мельчайших подробностях; Стасюлевич, от которого многие ожидали лишь общих соображений общественного характера, удивил всех обширными экскурсиями в чисто правовую область, а Спасович, быть может взволнованный тем, что должен был сражаться против сильных и убежденных противников, которые в то же время были его старыми друзьями, говорил страстно, жестикулируя более обыкновенного... Судеб-

ная палата, после продолжительного совещания, вынесла единогласное решение, которым признала Общество водопроводов обязанным устроить требуемый городом фильтр в течение четырех лет...»

Жалоба Общества на это решение в кассационный департамент Сената была оставлена без последствий. Окончательное разрешение долгого спора в пользу города горячо приветствовало большинство газет, а Стасюлевичу была устроена в думе горячая орация.

«Вчера в первый раз городские трубы увидели фильтрованную воду,— радостно сообщал Стасюлевиц Кони, находившемуся за границей, 19 июля 1889 года.— Какое было великолепное зрелище, когда открыли два колоссальных крана и первая фильтрованная вода ринулась двумя каскадами в главный бассейн, ударилась в постаменты гранитных колонн и серебром рассыпалась по цементному полу, а потом побежала змейками между колонн! Этой картины я не променяю на ваш настоящий водопад Гисбах... Вечером я снова заехал полюбоваться новорожденным... Вода, несмотря на кратковременность обмывки фильтра, была совершенно прозрачной, и я, наполнив стеклянную бутылку новой водой, свез ее в [городскую] управу и там поставил на стол присутствия с надписью на ярлыке: „Вместо доклада об открытии действия центрального фильтра“».

Вот какое поистине лирическое настроение может вызвать весьма прозаическое, казалось бы, событие, когда оно пропущено через благородное сердце!

Кони, в свою очередь, в письмах Стасюлевичу от 14 и 27 июля поздравлял его с «блестящим окончанием дела» и с открытием фильтра.

«Водопроводная» размолвка между Стасюлевицем и Спасовичем не могла, конечно же, длиться долго. Месяц спустя после решения судебной палаты в дверях кабинета Стасюлевица появился Владимир Данилович Спа-

сович и, протянув ему обе руки, растроганно произнес: «Михаил Матвеевич!» Этим все было сказано.

А в ближайший понедельник Спасович, придя на Галерную к очередному заседанию «рыцарей круглого стола» и остановившись на пороге столовой, обратился к хозяйке дома с вопросом:

— Может ли побежденный сесть рядом с победителями?

— Здесь нет ни тех, ни других, а только старые друзья,— ответила хозяйка.

28 января 1884 года Кони исполнилось сорок лет. Чтобы избежать каких-либо торжеств по этому поводу, он в день своего рождения уехал в Москву, к друзьям. Семьи Анатолий Федорович так и не завел, а на вопросы близких ему людей, не тяготит ли его холостяцкая жизнь, отвечал с грустной улыбкой:

— Жена... Дети. Это так заманчиво, особенно когда думаешь об одинокой старости... Но, с другой стороны, на какие «концессии» (т. е. уступки.— В. С.) ради семьи идут даже очень стойкие люди. Болезни, бедность, взаимное разочарование, озлобление на неудачных детей, в которых супруги обвиняют друг друга... Сколько таких «пар» из Дантова ада мне приходилось наблюдать... Свободен только одинокий — его ошибки и грехи падают только на его голову.

Кони исключительно высоко ценил независимое положение и независимую позицию в служебных делах. По той же причине, шутя говорил Анатолий Федорович друзьям, он остался и холостяком...

— Представьте себе,— иронизировал он,— большая казенная квартира... Анфилада комнат... Ну, жена... туалеты... выезды... Несколько детских. Гувернеры, бонны, гувернантки... А что, если вы не угодили начальству и вас выкинули из теплого местечка?..

Это звучит совсем по-чеховски. За иронией видится грусть. Грусть мудреца, знающего жизнь и отдающего

себя без остатка делу, которое в его жизни стало главным.

Работоспособность Кони и его творческая, общественная, гражданская активность были поразительны. Он часто сожалел лишь о том, что в сутках всего двадцать четыре часа. А ему хотелось успеть сделать так много! Тем более что здоровье его часто давало осечки и внушало серьезные опасения не только ему самому, но и врачам, лечившим Анатолия Федоровича. Некоторые из них даже считали его обреченным (сердце никуда не годится!) и предсказывали ему близкую кончину. Кони знал об этом. Надо было спешить! И он спешил, не всегда считаясь с недугами.

«Нездоровье и работа помешали мне до настоящей минуты писать Вам,— извинялся он перед баронессой Э. Ф. Раден, ближайшей сотрудницей великой княгини Елены Павловны, занимавшейся благотворительной деятельностью и пользовавшейся заслуженным уважением и большим авторитетом в либеральных кругах.— У меня проявилось нервное страдание сердца, которое по временам отнимает всякие силы для письма и нагоняет состояние духа, неудобное для корреспонденции... Я «заработался», и доктор велит отдохнуть во что бы то ни стало».

Работа в гражданском департаменте судебной палаты не могла в полной мере удовлетворить его. Он уже подумывал сменить стезю и, оставив государственную службу, уйти в адвокатуру, как власти вдруг неожиданно-негаданно вспомнили о нем. Министр юстиции Д. Н. Набоков обратился к Александру III с предложением о назначении Кони обер-прокурором уголовного кассационного департамента Сената. К. П. Победоносцев, ставший к тому времени обер-прокурором Синода и ближайшим советником царя, выступил против такого назначения, которое, как писал он Александру, «произвело бы неприятное впечатление, ибо всем памятно дело Веры

Засулич, а в этом деле Кони был председателем и выказал крайнее бессилие, а на должности обер-прокурора кассационного департамента у него будут главные пружины уголовного суда в России».

Александр III ответил на письмо Победоносцева так: «Я протестовал против этого назначения, но Набоков уверяет, что Кони на теперешнем месте несменяем, тогда как обер-прокурор при первой же неловкости или недобросовестности может быть удален со своего места».

Вот, оказывается, в чем заключалась истинная причина нового назначения находившегося в опале «жреца нигилистической демократии»! Его перемещали на должность, с которой можно было бы в случае чего беспрепятственно убрать его. Однако в то же время правительство вынуждено было не только считаться с огромным авторитетом выдающегося юриста, но и постоянно пользоваться его знаниями, опытом, талантами. Что касается самого Анатолия Федоровича, то новое назначение он встретил с большой радостью: оно возвращало его в родную стихию, в суд, рассматривавший уголовные дела. Более того, он и впрямь становился у руля уголовного суда России, держа в своих руках главные его пружины. Тут Победоносцев был прав. Понимал это, конечно, и Кони. Верный себе, всей своей деятельностью, всеми своими знаниями и авторитетом он стремился к тому, чтобы всячески противодействовать реакции и контрреформам, не допустить гибели суда присяжных как наиболее демократического института новой правовой системы.

ОБЕР-ПРОКУРОР ПРАВИТЕЛЬСТВУ- ЮЩЕГО СЕНАТА

30 января 1885 года состоялось назначение Кони в Сенат — обер-прокурором уголовного кассационного департамента. Следом за этим сменил он в очередной раз и жилье, переехав в дом № 6 по Стремянной улице. Чем был вызван этот переезд, установить не удалось. Во всяком случае, прожил он на Стремянной недолго — всего два года, после чего снял квартиру (№ 5) в доме княгини Огинской на Караванной улице, 20 (ныне — улица Толмачева, 20). Там он прожил пять лет, вплоть до 1892 года.

Четыре месяца спустя после своего нового назначения, 5 июня 1885 года, Кони писал в Москву П. Д. Боборыкину, с которым познакомился и, несмотря на существенную разницу в возрасте — Боборыкин был на восемь лет старше, — сдружился еще в бытность свою студентом Московского университета: «Вы совершенно правы, упрекая меня в молчании. У меня оправдание одно: масса дела, которое даже не выпускает меня в отпуск... Да! моя старая судебная свобода распоряжения своим летом плакалась при новом деле. Но дело интересное, живое и наполняет мое время всецело. Старая петровская закваска еще живет в Сенате и делает это учреждение одним из «государственных тел», которое при некоторой энергии может благотворно влиять на порядочное отправление правосудия и правильное толкование закона».

В отпуск Кони все же вырвался и уехал за границу лечиться. Однако настроение у него там было не из лучших. «Нет, я, вероятно, в последний раз за границую! — писал он Марии Гавриловне Савиной из Киссингена в июле того же 1885 года.— Год от году она мне становится тошней, с ее, как выражается [Салтыков-]Щедрин, «проплеванным комфортом». Все это «чужое», не свое — больше не интересует и не привлекает, все оно изведено и чуждо, — главное, чуждо. Родина имеет притягательную силу. Многие в ней плохо, неустроенно, безалаберно, но подо всем этим чувствуется живая струя понятной нам жизни... Меня не личные отношения тянут к Руси, не семья, не собственность, не привязанность, не служение искусству — нет! — просто тянет страна...»

С выдающейся русской актрисой М. Г. Савиной, корифеем русской сцены, чья творческая жизнь в течение сорока лет была неотделима от Александринского театра, Анатолия Федоровича связывала большая, душевная дружба. Выросший в литературно-театральной семье, он с юности приобщился к театру; горячо его любил, хорошо знал и чувствовал, был знаком с драматургами и актерами. Кони принадлежал к числу постоянных посетителей родной для него Александринки, к искусству он относился очень серьезно и взыскательно.

М. Г. Савина дебютировала на александринской сцене в 1874 году. Понадобились всего четыре-пять лет, чтобы талантливая, но недостаточно образованная провинциалка, духовное развитие которой шло с удивительной быстротой, превратилась в блестящую представительницу столичной художественной интеллигенции.

«С появлением Савиной на сцене Александринского театра повеяло жизнью, и дуновение правды покорило театр», — написал известный театральный деятель, историк Александринки А. М. Брянский в своей вступительной статье к книге «М. Савина и А. Кони. Переписка: 1883—1915» (М.; Л.: Искусство, 1938).

Расцвет таланта Савиной совпал со славой и расцветом деятельности Кони. Они были детьми одной эпохи, исповедовали одинаковые взгляды на пути и цели искусства и потому так хорошо понимали друг друга.

Когда и как они познакомились, когда зародилась их дружба — нет точных сведений ни в воспоминаниях Кони, ни в мемуарной книге Савиной, озаглавленной «Горести и скитания». Судя по всему, в конце 70-х годов. У истого театрала и у замечательной актрисы было немало общих знакомых, причем не только в театральном, но и в литературном мире, и среди них писатели И. Ф. Горбунов и И. С. Тургенев, к тому же влюбленный в блестящую исполнительницу роли Верочки в его пьесе «Месяц в деревне», влюбленный, по собственным его словам, «гораздо больше, чем бы следовало». Так что возможностей познакомиться у Кони с Савиной было предостаточно.

«Мой университет — мои друзья», — любила повторять Мария Гавриловна, и в этом не было ни малейшего преувеличения. Как не будет преувеличением сказать, что одним из самых даровитых профессоров этого университета был Анатолий Федорович Кони. Надо думать, что у А. М. Брянского были все основания написать такие слова: «И если Савина поражала культурой, начитанностью, если она превратилась в первоклассную европейскую артистку, в крупного деятеля сцены, в яркую выразительницу художественного реализма, в тонкого мастера, то в этом несомненная доля заслуги А. Ф. Кони, который незаметно для самой артистки вводил ее в круг больших и глубоких интересов, тем самым благотворно влияя не только на Савину как на человека, но и на Савину как художника». Тихий, ласковый, согревающий свет излучала дружба этих двух одареннейших деятелей русской культуры. Кони был для Савиной тем человеком, которому она откровенно доверяла свои мысли и чувства, свой ум и сердце.

«Мария Гавриловна Савина на моем жизненном пути была одною из самых ярких и незабвенных житейских встреч, доказывающих справедливость слов поэта о том, что „два блага вечны на земле: природа и искусство”» — такой трогательный автограф сделал А. Ф. Кони на подаренном им Савиной экземпляре второго тома своей книги «На жизненном пути», увидевшего свет за два года до смерти великой актрисы.

Возвратившись из-за границы в Петербург, Кони вновь с головой ушел в работу, став, по его образному выражению, «у руля русского уголовно-судебного корабля».

«Я получил эту должность на сорок втором году жизни,— писал он в воспоминаниях,— в тот период, когда по моему замечанию умственные, а иногда и физические силы человека достигают своего апогея... Поэтому я отдался всеми силами души и с напряжением всех физических сил труду обер-прокурора, которому я желал придать влиятельный и благородный характер. Это, по видимому, и удалось. Мои заключения стали печататься в газетах и привлекать публику в заседания, заставив ее интересоваться тем, о чем она дотоле и понятия не имела: деятельностью кассационного суда. Вместе с тем Сенат, отнесшийся, за небольшими исключениями, к моему назначению равнодушно, а со стороны некоторых даже враждебно, вскоре обратился во внимательного слушателя, а затем, наконец, в моего безусловного союзника, так что в последние пять лет моего обер-прокурорства я уже не знал случая, когда Сенат со мною бы не согласился, несмотря на то, что я давал заключения каждый вторник по всем делам, вносимым в департамент, исключая питейных, лесных и строительных. Я старался вносить в эти заключения, наряду с юридическими соображениями, этические взгляды и наставления, пытаясь в то же время по отношению к бытовой и житейской обстановке дел отразить в этих заключе-

ниях результаты „ума холодных наблюдений и сердца горестных замет”».

За время работы обер-прокурором Сената Кони дал более шестисот заключений по самым разнообразным делам, порою весьма запутанным, и в каждое он вложил частицу своего таланта, огромный свой опыт, свое дарование ученого — практика и теоретика в одном лице. Юрист высочайшей квалификации, судья-гуманист — таким предстал Кони перед господами сенаторами, большинство которых мало что смыслили в уголовных законах империи, и потому обер-прокурор кассационного департамента вынужден был постоянно разъяснять их почтенным старичкам в красно-золотых мундирах при звездах и лентах.

Бывали, по признанию самого Кони, тревожные и трудные положения, особенно там, где приходилось круто ломать застарелую сенатскую практику, как, например, по вопросу о клевете в печати, или «воевать с режимом Победоносцева и аггелов его» * по делам о преступлениях против веры. «Но порядочность ко мне министров юстиции [Д. Н.] Набокова и [Н. А.] Манасейна и сочувствие лучших людей моего времени поддерживали меня нравственно, а сокровенный внутренний голос, вещавший мне, что я иду по верному пути, окрылял мою мысль и мое слово. Все это заставляло меня желать «не желать еще лучшего» и оставаться в моей должности до конца дней... От руководящей деятельности кассационного суда зависело многое... Сенатское «quos ego!» ** могло звучать и грозно и вразумительно. Для этого, однако, и курс сенатского корабля должен был быть правильный и неуклонный. Провидение поставило меня в рулевые этого корабля, и я сознавал одновременно всю глубину моей перед ним ответственности».

---

* Ангел — злой дух, дьявол, сатана (церк.).

** «Я вас!» (лат.).

Именно в этот период откровенная реакционность политики Александра III стала все более усиливаться. Одно из главных зол царь и его ближайшее окружение видели в существовании судебных уставов, а потому поставили своей целью сузить их действие, умалить значение всевозможными поправками. Принцип независимости (то есть несменяемости судей), гласность судопроизводства, а также самое существование суда присяжных вызывали особенно яростные нападки со стороны реакционеров.

Главной пружиной судебной контрреформы был Победоносцев, стремившийся к восстановлению основных принципов дореформенного суда, а ее идейными вдохновителями — князь Мещерский, редактор-издатель «Гражданина», и Катков, редактор «Московских ведомостей», — все трое ближайшие советники царя. Мещерский в 1884 году писал доверительно Александру III, с явным упреком в адрес власть предержащих, а также и самого царя: «Вся Россия горьким двадцатилетним опытом дознала, что суд присяжных — это безобразие и мерзость, что гласность суда есть яд, что несменяемость судей есть абсурд и т. д. А между тем какое отсутствие смелости в деле переделки судебных уставов, какая будто бы *премудрая осторожность*, а на самом деле *страх* сделать твердо и просто то, что нужно для исполнения желания всей России и для укрепления самодержавия в глазах судебного ведомства».

Между тем «желание всей России», от имени которой пытался говорить Мещерский, состояло как раз в обратном, и именно это обстоятельство, а также решительное противодействие таких государственных деятелей, как А. Ф. Кони, поломали планы реакции. И судебные установления, и процесс судопроизводства в основном сохранились, тогда как ряд контрреформ в области местного управления (земского и городского) реакция сумела все-таки провести. В судебном же деле она су-

мела добиться лишь частичного успеха. Законом от 14 июля 1889 года был упразднен институт мировых судей (кроме Петербурга, Москвы и Одессы) и на его место введен институт земских начальников (в сельских местностях), которые соединяли в своих руках и судебную и административную власть, да к тому же не избирались, а назначались. В городах же (кроме трех названных выше) мировым судьям соответствовали городские судьи, также назначавшиеся правительством. Из компетенции суда присяжных были изъяты некоторые категории дел, ранее им подведомственных.

Хотя эти меры в некоторых отношениях, бесспорно, ухудшили судебные уставы, но не посягали на полную ликвидацию основных принципов, заложенных в них (несменяемость судей, гласность и суд присяжных).

Судебная контрреформа не состоялась в том виде и в том объеме, в каком представляли ее себе Победоносцев и К^о. Дело в том, что данная мера затрагивала интересы значительной части общества, главным образом буржуазных кругов, имела своих противников и в правительстве, и среди высокопоставленных сановников. К их числу принадлежало немало чиновников во главе с министром юстиции Д. Н. Набоковым. Правда, в конце 1885 года царь отправил Набокова в отставку.

Однако и сенатор Н. А. Манасеин, назначенный министром вместо Набокова, тоже не спешил исполнять желание царя к «исправлению судов». Он не принадлежал к числу сторонников ликвидации судебных уставов, хотя по сравнению со своим предшественником был более податлив. Манасеин продержался на посту министра юстиции девять лет, но в конце концов, не исполнив желаний государя, тоже вынужден был уйти в отставку. Министром юстиции стал Н. В. Муравьев, который без промедления и рьяно взялся за пересмотр судебных уставов в целом. С этой целью весной 1894 года под его председательством была создана комиссия из

23 человек, вошедшая в историю под названием муравьевской. Входил в нее и Кони.

Как обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената, Анатолий Федорович занимал независимую и твердую позицию, неизменно следуя давно сделанному выбору. «Я долго обдумывал: что важнее? — рассказывал он как-то одной своей близкой знакомой. — Мелькать в поле зрения гатчинского глаза (то есть царской резиденции.— В. С.), прикасаясь к августейшей руке, или держать в своей руке всю русскую уголовную юстицию. Я решил дело в пользу своей законной жены, госпожи «юстиции», и махнул рукой на августейшую руку.— При этом Кони добавил, смеясь: — Этот каламбур пусть останется *entre nous* *».

1 марта 1887 года были арестованы пятеро молодых людей во главе с Александром Ульяновым, готовившие покушение на Александра III, и преданы суду Особого присутствия Сената. Покушение на цареубийство — преступление более чем серьезное, и потому для нас большой интерес представляет ход мыслей и рассуждений Кони, связанных с этим событием. Вот что писал он в статье «Триумвиры», впервые опубликованной по рукописи лишь в наши дни в восьмитомном собрании его сочинений. До революции эта статья, написанная еще в 1907 году, не могла быть напечатана по вполне понятным причинам, о которых нетрудно судить даже по тому небольшому отрывку, который приводится ниже.

«Я пережил тяжкие минуты ожидания, что жребий обвинителя (по делу А. И. Ульянова и его товарищей.— В. С.) падет на меня и что чувство служебного долга поставит меня в невозможность отказаться от участия в этом судбище. Противник смертной казни вообще, за исключением горестных случаев, когда надо устраше-

---

* Между нами (франц.).

нием обуздать всплывшие поверх дикие страсти озверевших подонков общества в эпохи разложения общественного или государственного порядка, я тем более не допускал ее за политические преступления, и в особенности в форме отдаленного покушения или приготовления. Поэтому я, конечно, в заключении о наказании смягчил бы его на несколько степеней, что было бы, впрочем, совершенно бесплодно, так как Особое присутствие и общее собрание Сената, как показало последующее, не допускали и мысли об уступлении смертной казни переходом к каторжным работам. Бездушный и злобный холоп Дейер * настоял бы, конечно, на смерти, а для меня при Александре III такое мое заключение имело бы непосредственным результатом увольнение меня в отставку от любимого дела, которому, я чувствовал, я служил с пользой и честью».

Но жребий обвинителя Кони не достался, ибо и девять лет спустя после «дела Засулич» он все еще оставался «на подозрении» и продолжал считаться красным.

Осенью 1888 года в районе между станциями Тарановка и Борки Курско-Харьковско-Азовской железной дороги потерпел крушение царский поезд, причем императорская фамилия и сам Александр III спаслись буквально чудом. Кони было поручено срочно отправиться на место событий и принять под свое руководство все следственные действия. Было установлено, что катастрофа, повлекшая большое число жертв, не являлась результатом чьих-либо террористических действий, но для того, чтобы это установить с полной достоверностью, выявить подлинную картину случившегося, пришлось провести на месте большую и скрупулезную работу. Кони с этим делом справился отлично.

---

* Первоприсутствующий (т. е. председательствующий) по «делу Нечаева» и «делу 1 марта 1887 года».

Вызванный телеграммой в Петербург в середине ноября для доклада царю, Анатолий Федорович на другой день по прибытии отправился в Гатчину утренним поездом. Служа правде, и только правде, он без утайки и раболепия изложил Александру III события, которые складывались в картину преступности всех лиц, имевших касательство к царскому поезду, к строительству и эксплуатации железных дорог.

«Разъясняя и дополняя свои выводы бытовыми примерами, оригинальными выражениями свидетелей и некоторыми техническими подробностями,— пишет Кони,— я закончил доклад сильной, но вполне правдивой картиной выдачи концессий, хищнических действий правления (железной дороги.— В. С.) и того безответственного растления служебного персонала, которое создавалось наглым стремлением к наживе, с одной стороны, и формальным отношением Министерства путей сообщения — с другой, приводившим к бессознательному попустительству».

Доклад длился около часа. В заключение Александр III, протягивая Кони руку, произнес:

— Благодарю вас за вашу работу и за интересный доклад. Мне теперь все ясно. Желаю вам успеха в этом трудном деле.

Кони вновь уехал в район катастрофы и вернулся оттуда лишь в январе следующего, 1889 года.

Следствие по делу о крушении царского поезда длилось несколько месяцев, в конце концов «бюрократическая тина» засосала его, и оно в силу «монаршего милосердия», которое, в свою очередь, мотивировалось «божьей милостью», было прекращено (слова, взятые в кавычки, принадлежат Кони).

Анатолий Федорович пользовался в Сенате большим влиянием и авторитетом, однако Победоносцев вел под него подкоп, негодуя за «вредное и разрушительное для православной церкви направление», выразившееся в

том, что Кони, с уважением относившийся к людям иных вероисповеданий и религиозных сект (кроме, конечно, изуверских), активно и решительно выступал против их преследований и притеснений, которым они постоянно подвергались со стороны властей, против политики в этом вопросе Святейшего Синода, возглавляемого Победоносцевым. И за Кони благодаря его непререкаемому авторитету следовало большинство правительствующего Сената.

Используя близость к царю, Победоносцев не устал твердить ему о «вредном и разрушительном для православной церкви направлении», принятом обер-прокурором Кони и уголовным департаментом в целом. Недовольство деятельностью Кони всё откровеннее высказывалось «верхами». Анатолий Федорович решил уйти с поста обер-прокурора. В июне 1891 года его личная просьба была удовлетворена. Но, освободив его от обязанностей обер-прокурора уголовного кассационного департамента, царь назначил Кони сенатором с производством его в чин тайного советника (соответствующий в армии чину генерал-лейтенанта) и повелел ему присутствовать в том же департаменте. Иначе говоря, назначение сенатором не носило чисто формального характера, так что участие в работе этого правительственного органа, то есть присутствие в нем, считалось обязательным.

Сообщение о назначении Кони сенатором, опубликованное в газетах, консервативно-реакционные круги встретили с большим неудовольствием. Небезызвестный В. П. Буренин, журналист из «Нового времени», сам принадлежавший к этим кругам, пустил гулять по свету ехидную эпиграмму:

В Сенат коня Калигула привел,
Стоит он убранный и в бархате и в злате,
Но я скажу: у нас — такой же произвол:
В газетах я прочел, что Кони есть в Сенате,

Автор напомнил в эпиграмме о римском императоре Калигуле, который назначил сенатором коня, чтобы позиздеваться над Сенатом.

Анатолий Федорович не стал отмалчиваться и ответил еще язвительнее:

Я не люблю таких ироний,
Как люди непомерно злы!
Ведь то прогресс, что ныне Кони,
Где прежде были лишь ослы... *

* * *

1891 год ознаменовался для Анатолия Федоровича горьким событием в личной жизни: в октябре скончалась его мать, Ирина Семеновна. Она возвратилась из Сибири в Москву в 1884 году, когда Евгений Федорович перебрался из Тобольска в Тюмень, Тобольской же губернии. Еще два года спустя в результате настойчивых хлопот ему было разрешено поселиться в Самаре, куда он переехал с семьей в августе 1886-го.

Новая должность при всей ее почетности не удовлетворяла, однако, Анатолия Федоровича. От широких этико-юридических проблем ему пришлось перейти к рассмотрению массы мелких дел из практики мировых судей. Когда же возникали серьезные вопросы, то сенаторы, состав которых к тому времени сильно изменился не в лучшую сторону, выказывали недовольство действиями своего младшего коллеги, слишком, по их мнению, либеральными. Находить с ними общий язык стало весьма трудно. И когда год спустя представилась возможность вновь занять должность обер-прокурора, Анатолий Федорович принял сделанное ему предложение, поставив одно непременно условие — чтобы его

---

* Существует версия, что автор этой эпиграммы не сам Кони, а Владимир Соловьев, известный поэт и философ, с которым Анатолий Федорович был в дружбе.

избавили от дел по политическим преступлениям. Министр юстиции заверил Кони, что ему не придется выступать обвинителем по политическим делам, а на случай, если бы такая опасность все же появилась бы, то он, министр, обязался устроить возвращение Кони в сенаторы для избежания таковой.

«Соблазн вернуться к любимому делу и взять посох в беспастушном стаде был слишком велик, и я согласился, не ставя более никаких условий,— пишет Кони в статье «Триумвиры».— Четыре с лишком года моего второго обер-прокурорства были богаты и тревогами, и хорошими воспоминаниями. Они ознаменовались крайним неблаговолением ко мне со стороны Александра III и не только недоброжелательным, но и прямо враждебным, исполненным зависти и коварства отношением ко мне [Н. В.] Муравьева, успевшего сделаться в 1894 году министром юстиции».

Начиная свое второе обер-прокурорство, Анатолий Федорович вновь сменил жилье. Покинув квартиру на Караванной, он переехал — в третий раз! — на Фурштатскую, опять в дом Елисеева, и прожил там около трех лет. А в 1895 году перебрался в большой доходный дом М. И. и Н. И. Лопатиных на Невском проспекте, 100 (адрес не изменился), где прожил целых двенадцать лет, что было для него, привыкшего довольно часто менять жилье, весьма необычным. Окна его квартиры выходили на главную улицу города, и он мог воочию наблюдать ее жизнь, становившуюся все более интенсивной, по мере того как Невский превращался в деловой центр капиталистического Петербурга. В этом же доме находился один из петербургских скеттинг-рингов, где катались на роликах, работал театр «В. Лис» с разнообразной программой, в которую входили и фарсы, и оперетты, и балетные номера. В конце первого десятилетия XX века там открылся зал кинематографа, получивший после революции название «Колизей».

В январе 1892 года, через два с половиной месяца после кончины Ирины Семеновны, умер брат Анатолия Федоровича — Евгений Федорович. За годы ссылки он приобрел к литературным занятиям, которым посвящал весь свой досуг. Он, несомненно, обладал литературным талантом. Писал рассказы и повести, стихи и фельетоны, юморески и театральные рецензии. Его произведения печатали газета «Новое время» и журналы «Русская мысль», «Свет» и «Будильник», «Стрекоза» и «Осколки» (в трех последних дебютировал приблизительно в те же годы молодой Чехов), а также местные издания. Он скрывался за многочисленными псевдонимами. Читатели «Нового времени», к примеру, знали его как «Евгения Южина», а «Самарской газеты» — как «Евгения Юшина» или «Юшу». Е. Ф. Кони занял в тогдашней периодике свое место, хотя и не смог (а может, просто не успел) дотянуться до родителей и младшего брата. Проживая в Самаре, он состоял на службе в управлении по постройке Самаро-Уфимской, а затем Уфа-Златоустовской железной дороги. Сослуживцы, все, кто знал в те годы Евгения Федоровича и дружил с ним и его семьей, были о нем, о его человеческих качествах самого высокого мнения, глубоко уважали его.

Однако трудные испытания, выпавшие на долю Е. Ф. Кони, не прошли бесследно. В апреле 1891 года он тяжело, неизлечимо заболел. В том же году Анатолий Федорович ездил в Самару навестить брата. Это была их последняя встреча.

В связи со смертью Евгения Федоровича местные газеты поместили сообщения и некрологи, а одна из них напечатала трогательное стихотворение, посвященное его памяти. Тяжелыми материальными испытаниями Е. Ф. Кони искупил свою вину перед обществом и ушел из жизни честным человеком. На ленте одного из вен-

ков, возложенных на его могилу, так и было написано — всего одно слово: «Человеку». Возложивший венок предпочел остаться неизвестным.

Сын Евгения Федоровича, племянник и крестник Анатолия Федоровича Борис очень тяжело переживал продолжительную предсмертную болезнь и смерть горячо любимого им отца. В большом письме дяде от 13 января 1892 года Борис делился своим горем, своими мыслями и выражал надежду на то, что дядя сможет заменить ему теперь отца. И не обманулся в этом. Анатолий Федорович постоянно помогал осиротевшей семье брата — его вдове и сыну, оставшимся, по сути дела, без средств к существованию, опекал племянника, пока он учился в гимназии (всё в той же Второй петербургской, так как Любовь Федоровна и Борис после смерти Евгения Федоровича перебрались в Петербург), и позже — когда он поступил в Новороссийский университет.

«Сегодня вечером сдам гражданское право и процесс — по обоим весьма,— сообщил Борис дяде 4 мая 1904 года из Одессы почтовой открыткой с видом этого прекрасного города.— Диплом первой степени почти обеспечен... Страшно устал, но страшно рад».

Так еще один Кони — Борис Евгеньевич — стал юристом. Анатолий Федорович не прекратил периодической материальной помощи и после выхода племянника на самостоятельную дорогу, поскольку доходы молодого юриста на первых порах были невелики и он очень нуждался, а тут еще Любовь Федоровна тяжело заболела. Лечение, систематические выезды на Кавказские воды по рекомендации врачей требовали значительных трат. Финансовое положение семьи все время оставалось исключительно трудным.

В 1906 году Б. Е. Кони переехал с матерью в Скерневицы (Царство Польское), куда получил назначение.

Второе обер-прокурорство Кони из-за недоброжелательного, враждебного отношения царя и министра юстиции, сопряжено было с большими трудностями и нравственными испытаниями для Анатолия Федоровича.

Весьма характерен в этой связи, например, такой факт. Выступая в Сенате по делу о преступлениях по должности Василия Протопопова — одного из земских начальников, который беспощадно порол крестьян, а при каждом удобном случае подчеркивал, что он «кандидат прав», — Кони назвал его «кандидатом бесправия». Между тем созданный в ходе судебной контрреформы институт земских начальников, сосредоточивших в своих руках и административную и судебную власть на селе, а также контроль за крестьянскими учреждениями, был любимым детищем Александра III. Он ревниво следил за тем, чтобы никто не осмелился сказать о нем дурного слова. А тут вдруг... Царь был сильно раздосадован и раздражен заключением обер-прокурора Кони и вычеркнул его фамилию из списка сенаторов, которые по докладу министра юстиции получали дополнительное жалование — полторы-две тысячи рублей в год. Если помножить эту цифру на число лет, в течение которых Кони лишался указанной суммы, то получится, как иронизировал Анатолий Федорович, что «кандидат бесправия» обошелся ему в пятьдесят тысяч рублей!

Однако за этой горькой шуткой стояли куда более серьезные обстоятельства. Благодаря убедительному и резкому выступлению Кони в Сенате, который рассматривал дело по апелляционной жалобе Протопопова, приговоренного Харьковской судебной палатой к исключению из службы за превышение власти, и утвердил приговор, «дело Протопопова» стало широко известно и вызвало общественный резонанс. Газета «Неделя», например, сравнивала действия харьковского уездного земского начальника с нравами времен крепостного права,

с возмущением осуждала прихоти чиновников, их капризное самодурство, нежелание подчиняться закону.

Кони постоянно ратовал за изъятие у земских начальников судебных функций, за ограничение их власти, пользуясь которой они чинили жестокий произвол, однако к уголовной ответственности их за это не привлекали. «Дело Протопопова» стало единственным уголовным делом подобного рода, «которому дозволено было дойти до суда», и потому заняло свое особое место в истории русской криминалистики второй половины XIX века. А обвинительная речь Кони «По делу земского начальника Харьковского уезда кандидата прав Василия Протопопова, обвиняемого в преступлениях по должности», как и другие его судебные речи, навсегда осталась образцом гармоничного сочетания глубокого содержания, безупречной логики и превосходной художественной формы.

И в самых неблагоприятных условиях Кони оставался верен себе, своему кредо — быть слугой, а не лакеем правосудия. По-прежнему деятельность его не ограничивалась служебными рамками.

Анатолий Федорович принимал активное участие в работе Юридического общества при Петербургском университете, одним из учредителей которого он сам же и являлся (оно размещалось в доме 26/20 по Мещанской улице — ныне улица Плеханова). Устав общества был утвержден 22 января 1877 года, а на следующий день состоялось первое (организационное) собрание, в котором приняли участие крупнейшие ученые-правоведы и юристы-практики. Председателем общества избрали Н. И. Стояновского — известного ученого, товарища министра юстиции, председателем уголовного отделения — В. Д. Спасовича, а его товарищем (заместителем) — А. Ф. Кони.

Интеллектуальный потенциал Юридического общества был огромен, его члены активно, с большим энтузиаз-

мом взялись за работу, и неудивительно, что авторитет общества рос очень быстро, а это вскоре же после создания вывело его на позиции передового научного учреждения России в области государственного порядка и права. Его члены сочетали углубленную научную работу с большой лекционной, что в тех условиях имело особое значение, поскольку вносило в пореформенную жизнь страны новые, ранее невиданные и весьма плодотворные по своей сути демократические тенденции. Научные труды членов общества сперва печатались в различных специальных изданиях, а затем стали выпускаться самим обществом в форме ученых записок (их официальное название — «Труды Юридического общества при Петербургском университете»).

Анатолий Федорович очень дорожил возможностью представлять свои работы по вопросам права, до их опубликования, на обсуждение ученых и широкой юридической общественности, объединившейся вокруг Юридического общества. В докладах, с которыми Кони там выступал, он оттачивал теоретические концепции, прежде чем дать им жизнь в своих трудах. Так же важны были для него в этом смысле и его выступления при обсуждении докладов других членов общества. Там происходило, по словам Кони, «слияние научных начал с житейским опытом».

Осенью 1880 года Кони выступил в Юридическом обществе с принципиально важным докладом о необходимости дальнейшего совершенствования судебных учреждений вместо их полной реорганизации или упразднения, чего добивалась реакция. Основная мысль доклада сводилась к тому, что за шестнадцать лет, прошедших после вступления в силу новых судебных уставов, многие их части «обветшали от отсутствия ремонта, — как писал в те дни Кони баронессе Э. Ф. Раден, — во многих местах отвалилась материальная и нравственная штукатурка, и лучшая, благороднейшая, основанная на доверии к на-

родному духу часть этой реформы — суд присяжных — являет картину, далеко не утешительную, является во многих случаях почти отрицанием суда, потому что условия, в которые он поставлен, ненормальны и никто, никто не возвышал голоса для их устранения из малодушной мысли, что для этого надо признать, что суд присяжных не только может действовать, но даже и действует неправильно. Далее, однако, дело так оставаться не может...»

Собрание, на котором Кони сделал свой доклад «О деятельности суда присяжных по преступлениям против устава о паспортах», было исключительно многолюдным и вызвало большой интерес общественности. Доклад длился три с половиной часа. «Правда, трезвая правда моего доклада,— свидетельствовал сам Кони в том же письме к Э. Ф. Раден,— взяла свое и вызвала даже шумное одобрение, но затем фетишизм взял свое, и в газетах явилась полемика... Я не хочу, однако, оставлять этого вопроса достоянием специалистов,— добавлял он,— и к № 1 «Вестника Европы» готовлю большую статью по этому предмету».

Столичная пресса в самом деле живо откликнулась на доклад Кони в Юридическом обществе. Положительно оценили его «Голос», «С.-Петербургские ведомости» и другие газеты. Газета «Новое время» высказала сомнение в правомерности сравнения русского суда присяжных с экзотическим растением, требующим особого ухода. Поскольку в замечании имелась определенная поддержка, Кони обратился в редакцию с письмом, разъясняющим сказанное им. Его письмо было опубликовано в следующем же номере газеты. В нем Кони говорил о том, что в России еще много обстоятельств, неблагоприятно действующих на правильность развития суда присяжных. Сравнение же, вызвавшее критику «Нового времени», следует понимать в том смысле, что суд присяжных как учреждение, перенесенное в Россию с евро-

пейской почвы, где оно возникло, нуждается во всяческой поддержке.

Статья Кони на ту же тему — «Спорный вопрос нашего судоустройства», упомянутая им в письме баронессе Раден, была напечатана «Вестником Европы» в первом номере за 1881 год.

Вот темы некоторых других докладов, с которыми Кони выступал в Юридическом обществе в разные годы: «Об условии публичности заседаний уголовного и гражданского судов»; «О задачах русского судебно-медицинского законодательства»; «О литературно-художественной экспертизе как условном доказательстве»; «О новейших течениях в уголовном процессе Италии и Германии»; «Судебные места Парижа, С.-Петербурга, Москвы и внешняя история»; «О врачебной тайне»; «О положении эксперта — судебного врача на суде»; «О психологии свидетельских показаний»...

Делал Кони доклады и иного характера. 2 февраля 1881 года, например, то есть четыре дня спустя после смерти Ф. М. Достоевского, он произнес в общем собрании Юридического общества речь, в которой говорил о писателе как криминалисте. А еще через шесть дней очерк Кони «Достоевский как криминалист», в основу которого легла произнесенная им в обществе речь, был опубликован либерально-народнической газетой «Неделя», которую издавал П. А. Гайдебуров. В дальнейшем очерк с различными дополнениями включался автором в его мемуарные книги. Целый ряд речей, произнесенных Кони в Юридическом обществе, был посвящен памяти умерших судебных деятелей, воспоминаниям о них.

«Тризна по отошедшим друзьям, культ этих вчерашних сопутников — для него священное дело», — справедливо писал К. И. Чуковский в 1915 году, имея в виду именно эту сторону деятельности Анатолия Федоровича. И сам он рассматривал свои выступления в Юридическом обществе как «свой обычный долг благодар-

ного воспоминания о людях, послуживших развитию русской мысли и общественного самосознания».

Как отмечают историки, деятельность Кони в петербургском Юридическом обществе оставила глубокий след не только в его биографии, но и в жизни других ученых-юристов и виднейших практических работников.

Помимо Юридического общества Кони участвовал в деятельности и других творческих объединений столицы — Русского литературного общества, Шекспировского кружка, Пушкинского кружка. В течение восьми лет он был почетным мировым судьей. Об этой странице в биографии Анатолия Федоровича стоит рассказать несколько подробнее.

Еще в 1877 году, когда Кони служил в Министерстве юстиции, он, тоскуя по практической судебной работе и сильно тяготясь службой в центральном управлении, решил баллотироваться в столичные участковые мировые судьи, чтобы заниматься делом, близким его сердцу. Но для занятия этой должности помимо возрастного, образовательного, служебного цензов существовал еще и ценз имущественный, который определялся наличием у претендента недвижимой собственности стоимостью не менее чем в 15 тысяч рублей. Это последнее обстоятельство было наиболее существенным препятствием для баллотировки. И тогда Кони приобрел по случаю и весьма дешево в отдаленном уезде Новгородской губернии 1200 десятин земли «в месте пуге, месте бесплодне, месте безводне», как шутливо писал он о своем вынужденном приобретении.

Однако вскоре после этого, как мы уже знаем, Кони расстался с Министерством юстиции, так как его назначили на должность председателя Петербургского окружного суда. Это было как раз то, к чему он стремился. Идея стать участковым мировым судьей, таким образом, отпала. Но Анатолий Федорович, следуя совету друзей, решил баллотироваться в почетные мировые судьи, по-

скольку основная служба такому совместительству не препятствовала.

Кони был избран почетным мировым судьей Петербурга, а вслед за этим — Петербургского уезда, а также Петергофского уезда с городом Кронштадтом.

«Я носил звание почетного мирового судьи в течение восьми лет,— писал Кони на страницах «Вестника Европы» в 1909 году («Отрывки из воспоминаний»),— и не раз председательствовал в одном из отделений столичного мирового съезда... В заседаниях уездного съезда приходилось бывать редко — обыкновенно в летнее время. Уездным петербургским съездом я был избран председателем комиссии по составлению особого наказа...»

После назначения Кони обер-прокурором в Сенат он должен был, не без грусти, сложить с себя звание почетного мирового судьи ввиду несовместимости этих двух должностей. «Мои 1200 десятин среди непролазных болот и вырубленного леса,— вспоминает он,— до которых было «ни пройти ни доехать», довольно долго обременяли меня разными сборами... Наконец я освободился от этой земли, уступив ее для той же цели, с какой она была приобретена, и по той же цене лицу, желавшему быть избранным в мировые судьи...»

Служа в Сенате и продолжая научную деятельность, Кони систематически печатался в специальных изданиях, а в 1888 году выпустил в свет том «Судебных речей», которые имели большой успех у широкого читателя. Восемь лет спустя вышла новая книга — «За последние годы», в которой Анатолий Федорович подвел итог своей деятельности в области прокурорского надзора. Она на долгое время стала настольной книгой многих судей, прокуроров, сенаторов. В 1890 году совет Харьковского университета возвел Кони в степень доктора уголовного права без испытания на степень магистра и без представления диссертации — то есть по совокупности научных работ. И вслед за этим почти все;

русские университеты избрали его своим почетным членом.

В те же годы, давая выход своим блестящим ораторским способностям, Анатолий Федорович начинает выступать с публичными лекциями и воспоминаниями.

Первую публичную лекцию он прочел в 1892 году в Соляном городке в пользу благотворительных организаций, которые участвовали в оказании помощи пострадавшим от голода.

В Соляном городке — длинном приземистом здании на набережной Фонтанки, напротив Летнего сада, в 1870 году открылась Всероссийская мануфактурная выставка, целью которой было продемонстрировать успехи русской промышленности, сельского хозяйства, военной техники, науки, искусства. Там же располагались кавказская и ташкентская выставки и выставка предметов русской народной школы, созданная по инициативе Комитета грамотности.

Главный зал Соляного городка, весьма вместительный, стал на долгое время главным лекционным залом столицы, постоянно собиравшим большое число слушателей, в том числе много студентов, учащейся молодежи. Начиная с той первой лекции, Кони выступал затем в Соляном городке постоянно, причем некоторые лекции приходилось повторять несколько раз — даже этот просторный зал не мог вместить всех желающих. Кроме того, Кони выступал с лекциями и воспоминаниями в так называемом Тенишевском зале — концертно-лекционном зале, принадлежавшем Тенишевскому коммерческому училищу, которое размещалось в доме № 33 по Моховой улице (ныне — Моховая, 35). Училище называли так по имени его основателя — крупного капиталиста и предпринимателя, инженера по образованию, В. Н. Тенишева. В наши дни там находится учебный театр Института театра, музыки и кинематографии имени Н. К. Черкасова.

Случалось Кони выступать с лекциями также в Министерстве юстиции и некоторых других аудиториях.

Постоянным и любимым занятием Кони была также чисто литературная работа. Первым литературным трудом Кони обычно считают уже упоминавшийся выше доклад «Достоевский как криминалист», сделанный им в Юридическом обществе. Уже в этом произведении Кони проявил себя как яркая творческая индивидуальность, как глубокий исследователь. Однако оно еще несло на себе печать некоторой языковой скованности,— так сказать, официальности.

Постепенно литература из увлечения и пылкой привязанности стала вторым призванием Анатолия Федоровича. Юрист и литератор наконец слились, постоянно дополняя и обогащая друг друга, в нерасторжимое единство.

В 1896 году Анатолий Федорович, как выдающийся ученый-юрист, был избран почетным членом Академии наук, а еще три года спустя — почетным академиком Академии наук по разряду изящной словесности, который был учрежден при Отделении русского языка и словесности в ознаменование 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина. Он стал, так сказать, дважды почетным академиком. Беспрецедентный случай в истории нашей Академии наук.

Еще летом 1887 года Анатолий Федорович познакомился с Львом Толстым. Произошло это так.

Свояченица Льва Николаевича — сестра Софьи Андреевны Татьяна Андреевна Берс — была замужем за Александром Михайловичем Кузминским, юристом, преемником Кони на должности председателя Петербургского окружного суда (впоследствии он стал сенатором). Каждое лето Кузминский проводил тогда в Ясной Поляне, и он не раз приглашал туда Анатолия Федоровича, с которым находился в дружеских отношениях (они были почти ровесниками). Кони бывал в доме Кузминских, которые проживали на Невском, в доме

75-77, на углу Пушкинской улицы, и однажды ему довелось слышать там, как А. А. Стахович — орловский помещик, адъютант великого князя Сергея Александровича, друг Льва Николаевича — читал пьесу «Власть тьмы». Анатолий Федорович, как и все присутствовавшие, был взволнован и всецело захвачен этим удивительным, по его словам, чтением. Там же, у Кузминских, ему довелось не только слушать, но и самому в присутствии тридцати человек читать по рукописи «Крейцерову сонату» (это было уже после личного знакомства с великим писателем), время от времени останавливаясь от сильного внутреннего волнения, сообщавшегося и слушателям.

Так вот, воспользовавшись приглашением А. М. Кузминского, теплым солнечным утром 6 июня 1887 года Кони вышел из поезда на станции Ясенки Московско-Курской железной дороги. Его ждала присланная за ним из Ясной Поляны рессорная тележка.

В тот же день за завтраком на воздухе, под развесистыми липами, Кони познакомился со всеми членами многочисленных семейств Толстого и Кузминского.

«Во время общего разговора, — вспоминал Кони, — кто-то сказал: «А вот и Лев Николаевич!» Я быстро обернулся. В двух шагах стоял одетый в серую холщовую блузу, подпоясанную широким ремнем, заложив одну руку за пояс и держа в другой жестяной чайник, Гомер русской «Илиады», творец «Войны и мира»... Толстой чрезвычайно просто приветствовал меня и, наливая себе в чайник кипяток из самовара, тотчас же заговорил об одном из дел*, по которому я в конце семидесятих годов председательствовал и которое вызвало в свое время много горячих споров и ожесточенных толков. Его манера держать себя, лишенная всякой аффектации, и содержательность всего, что он говорил, в связи с иск-

---

* Имеется в виду дело Веры Засулич.

ренностью тона как-то сразу сняли между нами все условные и невольные преграды, почти всегда сопровождающие первое знакомство. Мне почувствовалось, как будто мы давно знакомы и лишь встретились после продолжительной разлуки».

Кони провел в Ясной Поляне несколько дней, был обласкан великим писателем и стал его большим другом. Они многие часы провели за беседами о религиозных и нравственных вопросах, при этом Кони не раз обращался к своим судебным воспоминаниям и рассказал Толстому, как нередко «видел на практике осуществление справедливости мнения о том, что почти всякое прегрешение против нравственного закона наказывается еще в этой жизни, на земле». Рассказал Анатолий Федорович и грустную историю проститутки-чухонки Розалии Онни, осужденной за кражу денег у «гостя», — историю, которой двенадцать лет спустя суждено было превратиться под пером великого писателя в роман «Воскресение» — последнее монументальное художественное создание Л. Н. Толстого, ставшее своего рода итоговым в его полувековой литературной деятельности, в роман, произведший «сильнейшее впечатление на души многих молодых людей и заставивший их произвести по отношению к самим себе и к житейским отношениям нравственную переоценку ценностей».

В день отъезда из Ясной Поляны — это было тоже рано утром — Кони и Толстой пешком отправились на станцию Козловка-Засека и там сердечно простились. «Я долго смотрел из окна удалявшегося поезда на его милую типическую фигуру с незабываемым русским мужицким лицом, стоящую на платформе, — напишет Кони в очерке «Лев Николаевич Толстой» два десятилетия спустя. — Сердце мое было исполнено благодарностью судьбе, пославшей мне не одно близкое духовное общение с ним, но и сознание, что я увожу в моей душе его образ не только не потускневшим, но даже выше и

краше, чем тот, который рисовался мне, когда между строк великих произведений я старался разглядеть душу автора. Поезд без пересадки примчал меня в Петербург, и я вступил в обычную колею своей трудовой жизни, в которой не было недостатка ни в серьезных интересах, ни в интересных людях. Тем не менее мне было душно в этой жизни первые дни. Все казалось так мелко, так условно и, главное, так... так ненужно... Это чувство прошло не скоро, оставив во мне после себя ясное сознание, что, даже не во всем соглашаясь с Толстым, надо считать особым даром судьбы возможность видеться с ним и совершить то, что я впоследствии не раз называл *дезинфекцией души*».

После первого знакомства между Кони и Толстым «установились добрые и сочувственные личные отношения». Бывая в Москве, Анатолий Федорович непременно заходил ко Льву Николаевичу, жившему обычно зимой в своем доме в Хамовниках, и проводил вечер с ним и его семейством. Навещал его Кони также в Ясной Поляне, а однажды — это было 10 февраля 1897 года, — когда Анатолий Федорович проживал уже в доме 100 по Невскому проспекту, Толстой сам навестил его, находясь в Петербурге вместе с Софьей Андреевной и профессором Московского университета Н. Н. Стороженко. Он остановился тогда в доме своих старых знакомых графа Адама Васильевича Олсуфьева и его жены Анны Михайловны (набережная Фонтанки, 14). Приехал же Толстой в столицу, обеспокоенный предстоящей ссылкой его ближайших друзей и единомышленников В. Г. Черткова и П. И. Бирюкова, пострадавших в связи с гонениями на духоборов*. (Заметим полутно, что

---

* Духоборы — русская христианская община, возникшая во второй половине XVIII века на территории Украины и в южнороссийских губерниях. Считали себя борцами за «дух», отрицали все догматы и обрядность официальной православной церкви. Подвергались правительственным репрессиям.

гонорар за роман «Воскресение» Толстой пожертвовал в пользу духоборов, причем не только за русское издание, но и за переводы.)

Вернувшись часов в одиннадцать вечера домой после какого-то заседания, Кони сел за работу. Из соседней квартиры долетали звуки музыки: там проживало семейство, занимавшееся торговлей под фирмой «Парфюмерия Росс», и оно справляло какой-то свой праздник. В кабинет вошла старая прислуга Анатолия Федоровича и сообщила, что его спрашивает бородатый мужик. На вопрос, кто он такой и что ему нужно в столь поздний час, она вернулась с ответом, что-де назвался Львом Николаевичем.

«С нежным уважением провел я «мужика» в кабинет,— пишет Кони,— и мы пробеседовали целый час... Я не обратил внимания, что музыка у соседей затихла, но когда Толстой стал уходить и я вышел его проводить на лестницу, то мы увидели, что на ней в ожидании столпились гости «Парфюмерии Росс» — декольтированные барышни и молодые люди во фраках. Толстой нахмурился, надвинул на самые глаза шапку и почти бегом побежал вниз. Оказалось, что служанка, увидев радостную почтительность, с которою я принял неизвестного мужика, усомнилась в его *подлинности*, стала из-за дверей вглядываться в его фигуру и вдруг была поражена сходством пришедшего с большим фотографическим портретом Толстого, подаренным мне Репиным. Она догадалась в чем дело, торжественно провозгласила об этом в кухне, и — «пошла писать губерния»...»

Они регулярно переписывались — эти два великих человека. Сохранились тридцать шесть писем Толстого к Анатолию Федоровичу, полные любви и глубокого уважения, а также письма Анатолия Федоровича к нему, к Толстому, в которых он делится с великим писателем самым сокровенным и волнующим. Толстой нередко просил Кони помочь тому или иному человеку, нуждавше-

муся в консультации, а то и во вмешательстве опытного юриста. И потому во многих письмах Анатолия Федоровича Толстому — обстоятельные ответы на вопросы, что сделано по просьбе Льва Николаевича.

Отметим, что сюжет, положенный Толстым в основу его пьесы «Живой труп», тоже неизменно ассоциируется с именем Кони. И вот почему.

Речь идет о так называемом «деле Гимеров» — чиновника-дворянина Николая Гимера и его жены, дочери отставного прапорщика Екатерины Гимер, которая, доведенная до отчаяния совершенно опустившимся и спившимся мужем, с которым ей не давали развода, уговорила его симулировать самоубийство, чтобы она могла вступить в брак с конторщиком Чистовым, искренне ее полюбившим. Обман, однако, обнаружился, и Гимеры угодили на скамью подсудимых. Приговор был суров: обоим — многолетняя сибирская ссылка. И вот тут-то вмешался Кони, увидевший глубокую человеческую драму там, где другие видели лишь заурядное, можно даже сказать банальное, уголовное преступление.

«Это был,— читаем в очерке Кони «По поводу драматических произведений Толстого», написанном в 1911 году, спустя пятнадцать лет после событий,— яркий случай противоречия между правдой житейской, человеческой — и правдой формальной и отвлеченной, и в то время, когда последняя с бесстрашной правильностью совершала свое дело,— первая громко, как мне казалось и слышалось, взывала к участию и милосердию».

Настойчивые хлопоты Кони в Сенате, ходатайство перед министром юстиции (который, в свою очередь, должен был обратиться с докладом к царю) о помиловании Гимеров или значительном смягчении судьбы осужденных принесли свои результаты. Ссылка с лишением прав была заменена заключением в тюрьме на год без всяких ограничений в правах.

Криминалист профессор Л. Е. Владимиров писал Кони из Москвы:

«Екатерина Гимер, которая была сегодня арестована, просила меня передать вам свою душевную благодарность за все, что для нее было сделано. Она будет содержаться, ввиду ее болезненного состояния, в тюремной больнице и *de facto* * будет исполнять обязанности фельдшерицы» **.

Толстой был потрясен делом Гимеров. По воспоминаниям близкого к нему П. А. Сергеевко, Лев Николаевич сказал однажды: «Самое удивительное и самое жизненно-ужасное во всем этом деле то, что все действующие лица — хорошие люди. И прежний муж — человек хороший, и новый — хороший, и жена — добрая, трудолюбивая женщина, и судьи — хорошие, сердобольные люди, — все хорошие. И, несмотря на это, жизнь трех людей все-таки приносится в жертву какому-то неумолимому богу».

Реальная жизненная драма послужила Толстому для создания художественных образов, которые соответствовали его убеждениям. При этом писатель значительно сместил акценты, до неузнаваемости изменил характеристики, короче говоря — творчески преобразил действительность, подняв ее до глубоких социальных обобщений.

Кони был беспредельно счастлив и благодарен судьбе за то, что она не только свела его однажды с великим писателем, но и одарила его большой, сердечной дружбой с этим удивительным, поистине уникальным человеком.

---

* Фактически (лат.).

** Екатерина Гимер имела квалификацию акушерки.

ГЕФСИМАНСКИЕ НОЧИ

1900 год был одной из тех символических вех, к которым люди обычно подходят с чувством тревоги и какого-то особенного интереса — а что там, за горизонтом, чего ждать, на что надеяться? Стал этот год знаменательной вехой и в жизни А. Ф. Кони.

Оставив окончательно судебную деятельность, Анатолий Федорович перешел в общее собрание первого (чисто административного) департамента Сената. Отметим, что Сенат в то время состоял из восьми департаментов, включая два кассационных (гражданский и уголовный). На первый из них возлагалась, в частности, функция толкования законов и наблюдения за их исполнением, а также надзор за местными административными и судебными учреждениями, второй занимался рассмотрением жалоб крестьян на решения губернских властей по крестьянским вопросам, третий ведал охраной сословных прав (он именовался департаментом герольдии) и так далее.

Одновременно со службой в Сенате Анатолий Федорович возглавил кафедру уголовного судопроизводства в Александровском (бывшем Царскосельском) лицее, размещавшемся в доме 21 по Каменноостровскому (ныне — Кировский) проспекту. Однако служба оставляла ему время и для литературной работы, на которой он сосредоточил максимум усилий.

В том же 1900 году Анатолий Федорович стал жертвой крушения поезда на Сестрорецкой железнодорожной ветке. В результате — серьезная травма (перелом головки бедренной кости и разрыв связок), трехмесячная болезнь и хромота до конца жизни. Конн уже не мог передвигаться без палочки, а потом и без двух. Но его, не раз приговариваемого врачами к смерти ввиду развившегося тяжелого сердечного недуга, никогда не покидало чувство юмора. Он и тут шутил: «У меня одна нога стала короче другой, — следовательно, теперь я буду со всеми на короткой ноге».

Этому поворотному моменту в жизни Анатолия Федоровича предшествовали следующие события, толкнувшие его на принятие важных решений и оставление судебской деятельности.

Вернувшись в 1892 году на должность обер-прокурора кассационного департамента Сената, он четыре года пребывал на ней и еще четыре года — в общем собрании того же департамента как сенатор, что, однако, становилось все труднее и труднее. О том, сколько нервов и сил стоило ему каждое заседание, могут дать представление его письма к друзьям и знакомым.

«Бывают целые недели, когда я чувствую себя совершенно одиноким нравственно, — пишет он Б. Н. Чичерину. — ...Нравственное одичание и какое-то своеобразное «ожирение души» чувствуется во всем. Когда я вижу вокруг себя те самые лица, которые видел после чтения письма Хлестакова к Тряпичкину городничий, когда слушаю речи, напоенные человеконенавистничеством, когда созерцаю удивительные в зоологическом отношении спины совсем без позвонков, несущие на себе головы недавних ученых, сенаторов, вчерашних либералов и даже красных (!), я закрываю глаза — и переношусь к Вам, в недавнее прошлое, и хочу, стараюсь думать, что это действительность, а окружающая меня сущность — только тяжелый сон...»

«Вы себе представить не можете, сколько я выстрадал за эти пять лет в 300 с лишком заседаний (муравьевской комиссии.— В. С.), оставаясь по большей части один со своими мнениями и не встречая никакой поддержки...— Это из письма известному судебному деятелю и публицисту П. Н. Обнинскому *, одному из близких московских друзей Анатолия Федоровича.— Без тяжелого чувства не могу вспомнить об этом и иногда бываю не уверен даже в том, что мои особые мнения целиком будут представлены в Государственный совет. Вы можете понять, что переживал я, видя, как нещадно и бесцельно ломались учреждения и приемы, завещанные нам незабвенным царем-освободителем и лучшими людьми его царствования. Ведь это все равно, что присутствовать при изнасиловании женщины, которая была вашею «первою любовью», без всякой реальной возможности ей помочь».

И все же усилиями Кони, как члена муравьевской комиссии по пересмотру судебных уставов (работавшей пять лет — с 1894 до 1899 года), и некоторых других — весьма, правда, немногочисленных, но достаточно авторитетных деятелей юстиции, оставшихся верными основным принципам судебной реформы, сломать их полностью так и не удалось, о чем уже говорилось выше. Борьба была тяжелой, выматывающей. Анатолий Федорович израсходовал в ней все свои силы, надломил здоровье. Вот еще одна красноречивая выписка из его письма. Хотя письмо это и относится к самому концу 80-х годов, однако в последующем никаких изменений к лучшему не произошло. Наоборот, все менялось лишь к худшему.

«...Здоровье просто из рук вон! С нового года не могу спать без хлоралу, хотя и знаю, что это вредно, и

---

* Кони посвятил Петру Наркизовичу Обнинскому свою прекрасную статью «Нравственный облик Пушкина», которая была напечатана в октябрьском номере журнала «Вестник Европы» за 1899 гсд.

не могу никак добиться ладу с сердцем. По ночам бывают удушья, доводящие меня до галлюцинаций,— писал Кони своему харьковскому другу С. Ф. Морошкину.— Надо отдохнуть, надо отрешиться от дел... Нынешнее царствование определилось вполне. Государь (Александр III.— В. С.) элементарно честен, правдив, но неразвит, тяжел телом и мышлением, недобр, упорен и недоверчив. В сущности всем самовластно и совершенно бесконтрольно управляют министры, случайные люди, без заслуг в прошлом, без достоинства в настоящем... повсюду приниженность и холопство — и круговой обман... И какое всюду развилось бесправие! Как не болеть сердцу, видя все это... Что им мой сверхсильный труд, моя постановка речи и роли обер-прокурора, что им до того, что Сенат уже отвык со мной не соглашаться?»

Помимо тяжелой, изматывающей борьбы, которую Кони пришлось выдержать как члену муравьевской комиссии, много сил отняли у него происки его личного врага. Таковым стал в 90-х годах сенатор И. П. Закревский, «пустейший фанфарон, лишенный всякого чувства собственного достоинства и терпевший, несмотря на свои 2 миллиона состояния, грубо-презрительное публичное обращение с собою [министра юстиции] Манасеина», как охарактеризовал его Анатолий Федорович в одной из своих статей. Трудности в их отношениях начались с того времени, когда Кони руководил расследованием обстоятельств и причин крушения царского поезда в районной станции Борки. Закревский, в то время прокурор Харьковской судебной палаты, самовольно вмешивался в распоряжения следователя или, наоборот, когда необходимо было его содействие, не торопился с ним, демонстрируя оскорбленное самолюбие,— почему, дескать, ему поручили в расследовании причин катастрофы второстепенную роль.

«Закревский не принимал никакого участия в работе,— пишет Кони,— но постоянно вертелся около, зачем-

то жил подолгу на месте крушения и лишь иногда делал пустые замечания, обличавшие не только полнейшее незнакомство с техникой следственных действий, но и весьма малое знание Устава уголовного судопроизводства».

Закревский затаил лютую злобу на Кони, которая нашла свой выход, когда Закревский стал сенатором и перебрался в столицу, когда оба они оказались, как говорится, под одной служебной крышей. Более года Закревский преследовал Анатолия Федоровича злословием, всяческими инсинуациями, в том числе и печатными. Кони отвечал на эти выходы презрительным молчанием. Но конфликтная ситуация обострилась настолько, что грозила обернуться дуэлью.

23 ноября 1896 года Кони писал графу П. А. Гейдену, известному земскому деятелю, с которым был в близких дружеских отношениях:

«...Вчера вечером, в заседании комиссии о суде присяжных под председательством Муравьева, я вынужден был встретить этого прохвоста, и он имел нахальство развязно подойти ко мне и протянуть мне руку. Я ему своей не подал... Произошло это при свидетелях и имело, как мне кажется, очень выразительный характер. Он весь передернулся и вскоре удалился из комиссии. С моей точки зрения, то, что я считал необходимым сделать, — очень оскорбительно, и, если бы кто-нибудь позволил себе это против меня, я послал бы ему вызов.

Такового же жду я и от Закревского, если только он не холуй последнего сорта... Я прошу тебя, если последует вызов (я его приму), быть моим секундантом... Я должен был так поступить с З[акревским], ибо всякому нахальству есть предел».

Но вызова со стороны «холуя последнего сорта» так и не последовало.

30 декабря 1896 года Кони по его личной просьбе был уволен от должности обер-прокурора и оставлен

присутствующим сенатором в том же, т. е. кассационно-уголовном, департаменте, где ему предстояло находиться четыре года — до перемещения в общее собрание первого департамента.

В связи с оставлением Анатолием Федоровичем судебной деятельности профессор Московского университета, известный экономист и публицист А. И. Чупров писал ему: «Не могу со всеми русскими людьми не пожалеть, что Вы оставляете судебное поприще, где так ярко горел Ваш светильник. Но мотивы Вашего решения настолько законны и серьезные, что ни у кого не может явиться мысль возражать им. Нужно только благодарить судьбу и Вас, что Вы так долго оставались в этой сфере».

На первый план в жизни Анатолия Федоровича выходит преподавательская деятельность.

«Очень сожалею, что не застал Вас в Москве,— пишет он Л. Н. Толстому в декабре 1900 года.— Хотелось рассказать Вам, что я решил читать лекции о судебской нравственности... в здешнем университете и приучить, путем своих выстраданных воспоминаний и опыта, своих слушателей видеть в подсудимом человека, а не материал для опытов красноречия, для наживы и для подъема на службе... Так хотелось слышать Ваше мнение!»

Именно тогда Анатолию Федоровичу было присвоено ученое звание приват-доцента (не профессора!). И в этом скромном с официальной точки зрения звании он начал читать свой скоро ставший знаменитым курс судебной этики.

Да, свое профессорское звание А. Ф. Кони, почетный член Академии наук, доктор права, получит лишь в советское время, когда он снова переступит порог юридического факультета и начнет читать один из основных преподаваемых там курсов — науку уголовного процесса.

Наступление XX века ознаменовалось в России новым подъемом революционного движения. Возмущение самодержавием охватывало всё более широкие круги общества, не исключая и крупную буржуазию. Ее не устраивала политика царизма, стремившегося сохранить все привилегии дворян и помещичье землевладение, она претендовала на политические права, ей необходимы были изменения устаревшего торгово-промышленного законодательства. Ширилось рабочее движение, набирая силу и мощь, всё активнее становились требовавшие земли крестьяне. К массовым политическим демонстрациям перешло студенчество, разрасталась национально-освободительная борьба на окраинах империи, подержанная растущей местной буржуазией.

Все это не могло не отразиться на позиции либералов. Однако, выступая за введение в России конституции, за ограничение и «улучшение» самодержавия, они отвергали революционные методы борьбы. Своим главным «оружием» либералы считали обращение к царю с петициями о реформах. Но и эти петиции свидетельствовали о кризисе царизма как политической системы.

Страна двигалась навстречу революции — первой из трех, через которые ей предстояло пройти в ближайшее двадцатилетие. Но царизм, не будучи уже в состоянии управлять страной по-старому и не умея, не желая управлять ею по-иному, по-новому, судорожно цеплялся за существующие порядки, тормозил политические преобразования.

«Посреди дряблого, утрачивающего веру в будущее общества», как писал А. Ф. Кони, он чувствовал себя все неуютнее, все отчужденнее, тяжело переживая ту обстановку разложения и произвола, в которую погружалась страна — его страна, его родина.

«Со страхом гляжу в будущее, сулимое новым годом,— писал Кони Б. Н. Чичерину 30 декабря 1903 года.—...Куда ни оглянешься — везде замечаешь роковую убыль не столько нравственного чувства, но и простой логики... Повсюду видишь признаки глубокого разложения, прикрываемого или щеголяющего громкими и подчас совершенно бездумными по своему невежеству фразами... Литературное, общественное и уличное хулиганство победоносно подымает голову. Подчас русская жизнь представляется мне замкнутой в какой-то вагон, где курят, шумят, орут пьяные песни, играют в карты и явно и тайно грабят друг друга, а между тем вагон сошел уже с рельс и мчится по так называемому мертвому пути... Мне 60 лет, я одинок, и у меня бывают скорбные минуты реального ощущения этого одиночества, но тем не менее я часто благословляю судьбу, что у меня нет детей и что я никого не обрел на переживание того, что, как мне кажется, предстоит нашему обществу в том пути, по которому оно *volens-nolens* * идет...»

«Время мы переживаем действительно странное и, скажу откровенно, страшное,— читаем в письме Кони Д. А. Милютину.— Общество вырывается из пеленок, в которых его насильственно держали долгие годы, усыпляя его ум и атрофируя в нем чувство собственного достоинства».

Анатолий Федорович, как обычно, весь в работе, в трудах, несмотря на постоянные недомогания, на моральную тяжесть следующих одно за другим разочарований.

«Я очень заработался эту осень, вернувшись притом из-за границы с подорванными силами,— сообщает он Б. Н. Чичерину.— Пришлось читать новый курс в Лицее, читать лекции милым земским врачам в Еленинском клиническом институте, говорить в Академии (о князе Одоевском) и в литературном кружке Полонского, пи-

* *Volens-nolens* (лат.).

сать вторую часть «Доктора Гааза» * и чаще обыкновенного заседать в Сенате, где дела всё усложняются и всё более и более рисуют картину полной утраты правовых начал в местном управлении России. А в конце осени вдруг возникла моя кандидатура в гласные [городской] Думы. Я долго колебался, идти ли, боясь за свои силы и чувствуя отвращение к сидению у общего дела с такими личностями, как князь Мещерский, Скальковский **, из которых первый уже теперь прибавляет в каждом номере своей газеты к моему имени постыдную, по его мнению, кличку «либерал». Но мне думается, что идти в обыкновенную Думу есть гражданский долг и... что слово отрезвления и уважения к закону будет не лишним именно для нового элемента в Думе. Притом я выбран наибольшим большинством (простите эту тавтологию) участковых обывателей Петербурга (от Литейной части.— В. С.), получил 853 голоса из 932 — и отказываться неловко. Утешаю себя мыслью, что все-таки могу принести небольшую пользу, а в случае нездоровья, мешающего усердно работать, могу сложить с себя звание гласного... Новая городская партия предложила мне кандидатуру в председатели Думы (новое и весьма интересное звание), но я отклонил это».

И верно, Анатолию Федоровичу пришлось сложить с себя полномочия гласного городской думы уже через год — ноша оказалась не по силам. Он писал академику А. А. Шахматову, известному историку русской культуры, языковеду, с которым Кони познакомился и сблизился после того, как был избран почетным академиком по разряду изящной словесности: «Я вышел из Думы, не считая возможным не бывать в *каждом* заседании, что мне, однако, не позволяют ни мои другие обязанности,

---

* Имеется в виду биографический очерк Кони «Федор Петрович Гааз».

** К. А. Скальковский — публицист, сотрудник «Нового времени».

ни состояние здоровья (всего с 15 сент[ября] по 15 декабря в Думе назначено 36 вечерних заседаний, не считая комиссий). Таким образом, я более свободен для академических работ».

В процитированном выше письме Б. Н. Чичерину Кони упоминает о том, что ему пришлось читать лекции «милым земским врачам в Еленинском клиническом институте».

Императорский клинический институт великой княгини Елены Павловны (как официально звучало его название), по идее которой он был создан, открылся 21 мая 1885 года в специально построенном для него комплексе зданий на Кирочной улице, 41 (ныне там размещается Государственный институт усовершенствования врачей имени С. М. Кирова). Основан он был на благотворительных началах и являл собою горячо поддержанную учеными, претворенную в жизнь идею «вольной медицинской школы», не дающей никаких прав, но рассчитанной на подлинную любовь русских врачей к науке, при этом научно-лечебные цели органично сочетались там с лечебно-благотворительными. Первоначально в институте было только два отделения — терапевтическое и хирургическое, но в дальнейшем он расширялся, появлялись новые отделения, возводились новые корпуса, надстраивались старые. Около пяти лет директором института был выдающийся русский врач и ученый Н. В. Склифосовский. В институте постоянно проходили усовершенствование главным образом земские врачи. Руководили их практикой и преподавали им известнейшие профессора и доценты, а также их ассистенты.

«Осенью 1902 года,— читаем в официальной истории Еленинского клинического института, выпущенной в связи с его двадцатипятилетием,— в собрании преподавателей... было решено обратиться к выдающимся ученым и писателям с просьбой читать по воскресным дням лекции в институте на общедоступные темы из области медици-

ны и других естественных и гуманитарных наук, а также и литературного содержания. Начало этим лекциям было положено 10 ноября 1902 года почетным академиком сенатором А. Ф. Кони, который еще при жизни основательницы клинического института великой княгини Елены Павловны принимал деятельное участие в обсуждениях основного плана института... А. Ф. Кони первую и вторую лекции (10 и 17 ноября 1902 г.) посвятил жизни и деятельности замечательного врача-гуманиста Ф. П. Гааза. Третья его лекция в 1902 г., 8 декабря, была на тему: «О судебной этике», четвертая — 2 марта 1903 г. — «О литературно-общественной личности князя В. Ф. Одоевского», пятая — 26 октября 1903 г. — «Об основательнице клинического института» и шестая — 7 декабря того же года — „О последствиях слабости воли”».

И это, конечно, далеко не полный перечень лекций, прочитанных Анатолием Федоровичем для «милых земских врачей». Помимо Кони лекции для них читали известный поэт и переводчик П. И. Вейнберг и не менее известный прозаик П. Д. Боборыкин, либеральный литературный критик и литературовед, редактор журнала «Мир божий» Ф. Д. Батюшков и выдающийся историк, будущий академик Е. В. Тарле, философ профессор В. Ф. Чиж и другие.

И сами лекции, и организация их в институте вызвали одобрение и глубокую благодарность со стороны врачей-слушателей.

* * *

В разгаре была русско-японская война. Анатолия Федоровича волновали неудачи русской армии в Маньчжурии, а еще более — все те безобразия, которые им сопутствовали, вызывая возмущение и негодование всех честных людей.

«Бедный русский народ! — сокрушался он в письме А. А. Чичериной, вдове Б. Н. Чичерина, от 12 октября

1904 года.— С тех пор как я в Петербурге*, дня не проходит, чтобы душа не возмущалась и не горела от негодования. Рассказы приехавших с Дальнего Востока просто ужасны. И по иронии судьбы одно интендантство, издавна прославившееся своими кражами, стоит на надлежащей высоте — и если солдат не одет, голоден, в лохмотьях — то это благодаря удивительному отсутствию чувства долга у начальствующих и проклятому русскому «рукавопустию». Знаете ли Вы, например, что при очищении Лаояна мы наполнили 3 поезда по 30 вагонов каждый всякой рухлядью присосавшихся к жел[езной] дороге лиц, ломаной мебелью, канцелярскими столами, старыми диванами и оставили японцам 10 т[ысяч] заготовленных пар сапог и лесной склад в 10 т[ысяч] бревен, причем каждое стоит не менее 50—60 р[ублей]? А теперь еще эта злополучная эскадра, идущая на гибель и вызывающая гибель на Россию!»** От всех этих волнений и *настоящей* патриотической тоски у меня снова начались припадки сердца... и чувствую себя плохо».

1905 год уже грозной поступью шагал по России, уже окропилась кровью Дворцовая площадь в достопамятное воскресенье 9 января, уже возникали Советы рабочих депутатов, а С. Ю. Витте, известный государственный деятель, председатель Комитета министров, уехал в Портсмут, в США, подписывать мир с японцами, уже близилась Всероссийская октябрьская политическая стачка и московское вооруженное восстание, а царизм продолжал, заткнув уши и закрыв глаза, упорствовать

---

* «Совершенно измученный сердечными припадками», Кони провел почти весь сентябрь в селе Караул, Тамбовской губернии, — имени Б. Н. Чичерина, скончавшегося в феврале того же года.

** Имеется в виду 2-я Тихоокеанская эскадра адмирала З. П. Рожественского, вышедшая из Либавы 2 октября 1904 года. Слова Кони оказались пророческими: в мае следующего года эскадра была разгромлена в Цусимском проливе.

в своем тупом оцепенении и нежелании допустить в России радикальные перемены.

«Здесь просто не с кем поговорить серьезно! — писал Кони А. А. Чичерной 7 сентября 1905 года.— Это какой-то обширный дом умалишенных, только буйные помешанные стали как будто в последнее время поспокойнее. Но что меня просто пугает: это господствующее равнодушие ко всему! Ничто никого не удивляет, не задерживает на себе ничьей мысли, не ужасает и не восхищает. Вот результат вытравления общественной души, чем правительство занималось так долго... Уроки японской войны, очевидно, проходят для нас совершенно втуне: бюрократический измор остается всё тем же... От правительства ничего, кроме растерянности, ожидать нечего: это ясно».

Подобными сетованиями наполнены письма Кони тех дней. Царский манифест 17 октября, по которому населению России даровались «гражданские свободы», избирательные права и «представительное учреждение» («законосовещательная» дума, получившая, по имени министра внутренних дел, название булыгинской), вырванный у царской власти революционным народом, породил в либерально-буржуазных кругах конституционные иллюзии. Не составлял исключение и Кони, хотя он отнесся к манифесту с известной долей скептицизма, свойственного его трезвому и всеохватывающему уму.

«От неискренности и эзоповского языка нашего правительства просто душу воротит,— писал он А. С. Суворину, издателю газеты «Новое время», в январе 1906 года,— и вся его деятельность, в настоящее роковое время, может быть охарактеризована словами, очень любимыми детьми,— «незавсамделишная»...

Я боюсь, что старички Гос[ударственной] думы вследствие нового избирательного закона, который писали *два месяца (!)* вместо трех дней, и отсутствие искреннего и прямого объявления о *конституционном строе* — от-

толкнут друзей порядка (т. е. либералов.— В. С.) и зажгут в их жилах вместо молока примирения кровь негодования. Петр писал про Алексея: «Ограбил меня господь сыном», а мы можем сказать: „Ограбил нас господь правителями”».

Позиция Кони, его отношение к «дарованным России» «свободам», к революции и правительству нашли свое наиболее полное выражение в пространном письме Е. А. Нарышкиной — гофмейстерине, светской писательнице и благотворительнице, с которой Анатолий Федорович познакомился еще в 1876 году и с которой сотрудничал в Обществе попечения о семьях ссыльнокаторжных, основанном ею. Вот несколько характерных выдержек из этого письма от 5 января 1906 года, отправленного Е. А. Нарышкиной в ответ на ее письмо.

«Вы пишете, что мой широкий ум должен указать мне, чего можно ожидать от революционного элемента, так легко переходящего в анархию, и противопоставляет революцию «несимпатичному мне режиму», как бы предполагая, что мне представляются исключительно две дороги, по которым может идти в настоящее время человек, у которого наболело сердце ото всего, переживаемого Россией. Но тут снова недоразумение между нами... Я слишком хорошо знаю историю, чтобы не знать, к чему приводит революционная горячка, и слишком долго служил порядку и правосудию, чтобы не питать отвращения к анархии. Но именно поэтому-то я и нахожу, что нужно прямодушно, без колебаний, недомолвок и иезуитских умолчаний о «скрытом смысле» вступить на путь либеральных реформ, прочность и долговечность которых гарантируется конституцией. ...Я вижу спасение гражданского порядка и избежание гибельных междоусобий исключительно в обнародовании, торжественном и величавом, конституции, т. е. ограничении самодержавной власти правовым порядком. Эта конституция может быть несовершенна, в частности даже ошибочна,

но это ничего не значит: все это исправит Государственная дума, *собранная в силу конституции...*

Теперь лично обо мне. Правительство всегда смотрело на меня как на только терпимого в рядах государственных слуг человека, пользуясь моими дарованиями и знаниями и моим тяжким трудом и видя во мне нечто вроде Дон Кихота, который добровольно несет иго чиновника, когда его перо и слово могли бы давно уже, в сфере свободных профессий, открыть ему и полную независимость, и богатство. (Кони имеет в виду литературную и адвокатскую деятельность.— В. С.) Оно, в своей близорукости, то думает, что наказывает меня, обходя назначениями и суетными побрякушками, то решается меня награждать, вопреки ясно выраженному мною желанию, как сделало это на днях. (Имеется в виду награждение Кони орденом Белого орла.— В. С.) ...Но общество относится ко мне иначе. Оно понимает мое служение родине и с полным доверием обращает ко мне взоры, считая меня носителем нравственных начал. И в настоящее смутное и тревожное время оно ждет от меня слова. Заявления, письма и даже телеграммы требуют этого слова, которое определит *ligne de conduite** многих и заставит их кристаллизироваться вокруг вы сказанного мною. Разные политические партии жадно зовут меня стать в их главе. На днях еще почтенный академик сказал мне в заседании: «*Votre silence est une calamité publique*»**, а известный историк пишет мне из Москвы: «А. Ф., отчего же Вы молчите? Это нехорошо...» ...Но если я заговорю,— продолжает Кони,— и к этому прислушается вся Россия, существующая независимо и даже вопреки Царскому Селу,— что скажу я? Что могу я сказать? Ведь вопрос все-таки идет о конституции и о ней я должен говорить... «Ее нет,— должен я ска-

---

* Личию поведения (*франц.*).

** «Ваше молчание — это общественное бедствие» (*франц.*).

зять,— и неопределенные, туманные, двуречивые *обещания* 17 октября даже и сами по себе не представляют ничего прочного, несмотря на уверения — лживые, противоречивые (прилагаю вырезку) и легкомысленные — нашего премьера... * Ее нет, и будет ли она, я не знаю и удостовериться не могу...» Думаете ли Вы, что это произведет хорошее впечатление?..»

15 июля 1906 года в Курорт, пригород Сестрорецка, где Анатолий Федорович снимал дачу, приехал граф П. А. Гейден. Они по-прежнему поддерживали тесные дружеские отношения, их политические взгляды во многом совпадали.

Крупный помещик, уездный предводитель дворянства в Псковской губернии, судебный деятель, граф Гейден деятельно участвовал в земском движении. Он стал одним из создателей «Союза 17 октября» (партии октябристов), который принял воззвание, содержащее призыв ко всем отвергающим «одинаково и застои, и революционные потрясения» сплотиться, чтобы настоять на возможно скором, полном и широком осуществлении начал манифеста 17 октября и содействовать правительству, «идущему по пути спасительных реформ», в создании сильной и авторитетной власти. В своей программе октябристы не только отстаивали конституцию и свободы, но поддерживали и мероприятия правительства против нарастающей революции. В июле 1906 года группа октябристов, составлявшая левое крыло партии, в том числе граф Гейден, с присоединившимися к ним бывшими правыми кадетами образовали новую партию — мирного обновления («мирнообновленцы»), которая, как и «Союз 17 октября», была партией либеральной оппозиции.

Приехав в Курорт и встретившись с Кони у него на даче, П. А. Гейден доверительно сообщил, что он, а так-

---

* Председателя Совета министров графа С. Ю. Витте,

же прибывшие с ним лица, которые сейчас обедают на террасе курзала, будут просить его занять пост министра юстиции в новом кабинете, формируемом П. А. Столыпиным после роспуска царем 1-й Думы и отставки И. Л. Горемыкина с поста председателя Совета министров.

Несколько раньше уже распространились по Петербургу слухи о вступлении Кони в кабинет министров. Кстати, подобное случалось не раз с самого начала революции. Когда до Женевы, где в то время жил в эмиграции В. И. Ленин, дошли вести о царском Манифесте 17 октября, Владимир Ильич тотчас же откликнулся статьей, в которой давалась оценка этому событию. Статью опубликовала нелегальная газета «Пролетарий», фактически центральный орган большевиков, издававшаяся там же, в Женеве, под редакцией Ленина. «Первая победа революции» — так называлась эта статья. В ней, в частности, говорилось: «...Даже либеральные буржуа не могут не видеть, что манифест царя содержит лишь одни слова, одни обещания. Кто же поверит теперь одним обещаниям? Не насмешка ли все эти фразы о неприкосновенности личности и свободе слова, когда тюрьмы всё еще переполнены так называемыми политическими преступниками, когда цензура продолжает еще держаться? Какие люди будут приводить в исполнение обещание царя? Министерство Витте, в которое по слухам входят Кузьмин-Караваев, Косич*, Кони? Это не будет даже министерство либеральной буржуазии. Это — только еще министерство либеральной *бюрократии*, которую столько раз побеждала уже придворная реакционная клика. Неужели народ проливал свою кровь в борьбе за свободу, чтобы положиться на либеральных бюрократов, отделяющихся одними словами да обещаниями?!»

---

* В. Д. Кузьмин-Караваев — военный юрист, генерал, один из руководителей правого крыла кадетской партии; А. И. Косич — бывший саратовский губернатор.

Слухи о том, что Кони стал министром юстиции, появлялись с тех пор постоянно. Поэтому не было ничего удивительного, что летом 1906 года они оживились вновь, когда стало известно о формировании нового кабинета министров. Однако Анатолий Федорович специально писал А. С. Ермолову, который до революции 1905 года был министром государственных имуществ и который теперь тоже прибыл вместе с Гейденом в Курорт, что не даст согласия на это. Тем не менее после обеда, удалившись на свободную от публики террасу, прибывшие во главе с графом Гейденом «мирнообновленцы» стали убеждать Кони принять портфель министра юстиции. Кони ответил решительным отказом, но его продолжали уговаривать, и тогда Анатолий Федорович обещал подумать до понедельника. А было это в субботу. Две ночи провел он «без сна, в сомнениях и скорбных думках».

Нельзя сказать, чтобы предложение, сделанное Анатолию Федоровичу, совсем не импонировало ему. Более того, он даже видел злую иронию в том, что судьба посылала ему все, о чем он имел право мечтать как человек и гражданин, слишком поздно, когда он уже стар и у него большое сердце, когда каждый спор, каждая публичная лекция, каждое сильное впечатление лишали его сна, вызывали сердечные приступы. Но Кони хорошо понимал и другое: прими он портфель министра юстиции в столь трудный и смутный час — и он тотчас вынужден будет вступить в борьбу на два фронта — и с революцией, и с реакцией. А для этого «нужно железное здоровье, стальные нервы, воля, не считающаяся с голосом сердца, и разум, прямолинейно смотрящий вперед и не способный поддаваться в своем мышлении влиянию образов», — писал он в статье «Моя Гефсиманская ночь».

Кони использовал этот евангельский образ-символ не случайно. Гефсиманией именовалось селение, куда удалялся Христос для раздумий в одиночестве. И не только

те две ночи в Курорте — вся жизнь старого, больного, много потрудившегося, но продолжающего трудиться человека, которому шел уже седьмой десяток лет, напоминала теперь Гефсиманию, с ее непрерывными и мучительными раздумьями в одиночестве о времени и о себе, о прошлом и будущем, о чести и подлости, о парадоксах истории и несовершенствах человеческой личности, о падении нравов и о растущем противоборстве различных политических сил, взглядов, тенденций. И о многом, многом другом. Умудренный большим жизненным опытом, Анатолий Федорович чутко, а порою и болезненно реагировал на все, что происходило вокруг, испытывая по временам отчаяние из-за невозможности что-либо изменить или исправить. Но он не мог упрекнуть себя в бездействии. В меру своих сил и возможностей, пользуясь своим огромным, непререкаемым авторитетом, Кони старался оказывать влияние на ход событий. Раздумья — как плоды его гефсиманских ночей — не пропадали втуне, они принимали конкретную форму, обращались в действия и поступки.

Голос сердца, с которым Кони привык считаться, оказался решающим, когда Анатолий Федорович очутился перед весьма ответственным выбором и в столь ответственный момент истории.

В понедельник вместе с графом Гейденом, которому он еще накануне вечером написал о своем отказе, Кони приехал в Петербург и к половине пятого отправился на дачу Столыпина (Аптекарская набережная, 4; здание не сохранилось), чтобы лично уведомить его о принятом решении.

П. А. Столыпин, которого волны первой русской революции вынесли на гребень политических событий, происходил из старинного дворянского рода. Поместья, которыми он владел, насчитывали семь с половиной тысяч десятин земли. Столыпин (он был на восемнадцать лет моложе Кони) начинал свою службу в Министерстве внут-

ренных дел, когда это ведомство возглавлял известный реакционер, душитель всякой живой мысли граф Д. А. Толстой. Затем он был ковенским предводителем дворянства, гродненским губернатором; за энергичное подавление крестьянского движения в Саратовской губернии, куда был назначен губернатором, удостоился личной благодарности Николая II.

В апреле 1906 года Столыпин стал министром внутренних дел, а два с половиной месяца спустя и председателем Совета министров. Период его пребывания у власти (1906—1911) вошел в историю России как период ожесточенной реакции. Однако в апреле 1906-го Столыпин еще предпринимал попытки сформировать такое правительство, которое могло бы создать видимость коалиционного, а потому ему позарез нужен был Кони, с его огромным авторитетом и широко известным критическим складом ума.

Выслушав Анатолия Федоровича, сообщившего об отказе принять сделанное ему предложение, Столыпин, по словам Кони, заметил, что перед Николаем II открываются три дороги — реакции, передачи власти кадетам и образования коалиционного правительства с участием общественных деятелей, причем имя Кони «должно послужить «фирмой», которая привлечет новому правительству симпатии населения».

Таким образом, стало совершенно ясно, зачем и в каком качестве понадобился Кони Столыпину и тем, кто стоял за его спиной или был заодно с ним. Анатолию Федоровичу отводилась всего лишь роль «фирменного знака», этакой рекламной этикетки для придания формируемому кабинету министров большего благообразия.

Впрочем, этого, по сути дела, не скрывала и столичная пресса. Либеральная газета «Двадцатый век», например, писала в номере от 20 июля: «...Поворотным днем был вчерашний. А. Ф. Кони решительно отказы-

вался принять Министерство юстиции, участие же его считалось необходимым. Гр. П. А. Гейден и А. И. Гучков приехали к нему и после долгих уговоров наконец поставили вопрос ребром: или А. Ф. дает свое согласие, или все уже согласившиеся между собою деятели отказываются от замысла».

Неизвестно, кто был инициатором нечистоплотной политической игры, затеянной вокруг Анатолия Федоровича: Столыпин, так называемые либералы и земцы во главе с П. А. Гейденом и А. И. Гучковым или сам Николай II.

После смерти Александра III в 1894 году и вступления на престол Николая II отношение дворцовой камарильи к выдающемуся юристу не изменилось. Николай II, как и его отец, не мог питать симпатий к людям, подобным Кони, а тем более опираться на них. Однако использовать их по мере надобности в своих политических играх, чтобы потом с легкостью отречься от них,— это было вполне в его стиле и характере.

Пытаясь уговорить Кони занять в формируемом им кабинете пост министра юстиции, Столыпин взывал к его патриотизму и государственной мудрости, однако Анатолий Федорович продолжал отказываться от участия в «коалиционном» правительстве. В конце концов Столыпин выразил сожаление, и на том они расстались. Последующие их встречи, новые уговоры со стороны Гейдена также ни к чему не привели.

«Подводя итоги пережитой мною тяжелой недели,— тогда же записал Кони,— я со спокойной совестью смотрю назад и радуюсь, что не дал себя соблазнить сомнительною ролью фиктивного спасителя Отечества, самонадеянно мечтающего, что его имя само по себе может что-нибудь сделать в минуты крайнего разгара страстей и мстительных кровожадных инстинктов».

Встретившись со Столыпиным в третий раз, Кони еще более твердо выразил свой отказ, сославшись на

болезнь. Новоназначенный председатель Совета министров сказал:

— Мне ужасно грустно расстаться с возможностью пользоваться вашей эрудицией, опытом и умственной силой. Но я имею право приглашать сведущих лиц по отдельным делам. Могу ли я рассчитывать на ваше согласие? Быть может, если бы вы были членом Государственного совета, который так бездарен по своему личному составу, вы могли бы поддержать нас в тех случаях, когда вы с нами согласны и когда известны все рассуждения и дебаты, предшествовавшие законопроекту.

— Я всегда считал себя,— ответил на это Кони,— обязанным делиться со всеми своими знаниями и опытом, тем более не могу отказать вам в настоящее трудное время и могу делать это и в качестве рядового сенатора. Быть для этого членом Государственного совета вовсе не необходимо.

— Но Государственному совету необходимо иметь вас,— возразил Столыпин.— Там никто не умеет говорить, кроме Таганцева*, но его заранее подготовленные речи дышат неискренностью и поддельным пафосом...

1 января 1907 года был издан императорский указ: «Сенатору, тайному советнику Кони всемилостивейше повелеваем быть членом Государственного совета, с оставлением в звании сенатора. Николай».

Ко времени, о котором речь, Государственный совет, образованный еще в 1810 году, изменил свои функции. Почти сто лет он являлся законосовещательным органом. Представлявшиеся на его обсуждение законопроекты нередко претерпевали различные изменения; бывало, что и отвергались большинством членов совета. Од-

---

* Н. С. Таганцев — известный криминалист, профессор Петербургского университета, сенатор, член Государственного совета,

нако это не имело существенного значения, поскольку император все равно утверждал лишь то, что он сам считал необходимым.

После создания законодательной Государственной думы Государственному совету были приданы функции верхней палаты парламента. «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения государя императора»,— говорилось в статье 86-й «Основных государственных законов». Они же определяли отношения обеих палат между собою, а также с Советом министров и другими высшими государственными учреждениями. Законопроекты, не принятые ни Государственной думой, ни Государственным советом, считались отклоненными. Законопроекты, отклоненные одной из палат, могли быть снова внесены на рассмотрение лишь с разрешения царя.

Однако конституционные иллюзии либералов, особенно после выборов в 1-ю Думу, на которых победили кадеты, были совершенно беспочвенны. «У нас нет конституции,— писал В. И. Ленин в марте 1906 года,— а есть только конституционное самодержавие, есть только конституционные иллюзии... особенно усердно распространяемые кадетами». Чтобы сохранить свою незыблемость в условиях революции, для самодержавия единственно правильной, по словам Ленина, и единственно разумной политикой было именно поддержание конституционных иллюзий.

Если Государственная дума все же избиралась, то одну половину Государственного совета составляли назначаемые пожизненно члены и только другая его половина избиралась — от каждого губернского земского собрания, от духовенства, от профессоров университетов и академиков, от организаций промышленников и торговцев. Министры входили в него по должности. Председателя назначал царь.

Размещался Государственный совет в Марининском дворце (Исаакиевская площадь, 6; ныне там — исполком Ленсовета). Местом заседаний Государственной думы стал Таврический дворец на Шпалерной (ныне — улица Воинова, 47). Но торжественное открытие первой Государственной думы 27 апреля 1906 года состоялось в Георгиевском (тронном) зале Зимнего дворца в присутствии Николая II, всей царской фамилии, министров, членов Государственного совета и Сената. Кони тоже в нем участвовал и сохранил для истории подробное описание этой церемонии, не лишённое, как обычно, горечи и сарказма.

В час дня в зале, посреди которой стоял аналой, а по бокам были устроены возвышения для Думы и Государственного совета, Сенат уже был в сборе, хотя многие и отсутствовали. «Нет старика Цеэ *, нет палача Дейера, нет Желеховского... Но и за всем тем между собравшимися сенаторами достаточно людей, которым не хочется подавать руки, а подав оную по малодушной терпимости, приходится жалеть, что нельзя ее немедленно дезинфицировать».

Появились министры, следом за ними — члены Государственного совета, в работе которого Кони, еще не будучи в его составе, участвовал нередко как эксперт, как консультант-советчик, а иногда и как докладчик. Разглядывая их, он размышлял: «Сколько там знакомых лиц, выражавших мне не раз лицемерное сочувствие моим «убеждениям и способностям» и наносивших мне затем предательские удары заочным шипением и предательскою клеветою! Скольким из них я обязан бессонными ночами, скорбным сознанием погибающих сил и внезапными приливами презрения к людям и потери веры в них, с чем нужно было мучительно бороться, что-

---

* В. А. Цеэ (1821—1906) — старейший тогда по возрасту сенатор; долгое время возглавлял Главное управление по делам печати; воспитанник Царскосельского лицея.

бы не утратить в своей душе мысли о заветах Христа! И теперь я стою перед ними в моем глупом красном мундире, среди ничтожных сослуживцев, которых даже превосхожу годами службы, стою устраненный от возможности принять активное участие в работе по возрождению родины, службе которой бескорыстно и с явным ущербом для себя были отданы в течение сорока лет и труд, и знание, и способности, и, быть может, даже личное счастье».

Под звуки гимна в предшествии духовенства вошли царь, царица и вся царская фамилия, начался молебен, после чего Николай II зачитал свою речь «к лучшим людям».

Александра Федоровна на церемонию «объявления куцей конституции» в тронном зале Зимнего дворца «пришла, бестактно залитая брильянтами», и «кислое выражение ее по обычаю опущенных углов рта на бледном лице не обещало ничего хорошего, и, действительно, затем началось постепенное воздействие на личные назначения, дошедшие до следования указаниям Распутина».

С торжественной церемонии Анатолий Федорович возвращался домой «со смутным чувством, сознавая, что присутствовал при не совсем ожидаемом для многих участников погребении самодержавия. У его еще отверзтой могилы я видел и трех его наследников: государя, [Государственный] Совет и [Государственную] Думу. Первый держал себя с большим достоинством... Второй — жалкое и жадное сборище вольноотпущенных холопов — не обещает многого в будущем, несмотря на свою сословную и торгово-промышленную примесь... Но Дума, Дума — что даст она? Поймут ли ее лучшие люди лежащую на них святую обязанность ввести в плоть и кровь русской государственности новые начала справедливости и порядка?..» «И пред этим роковым вопросом сердце сжимается с невольной тревогой и грустным предчувствием» — так подытожил он свои впечатления.

Грустное предчувствие не обмануло Кони: уже 9 июля 1906 года — семьдесят два дня спустя после церемонии в Зимнем дворце — Николай II распустил 1-ю Думу, поскольку, как говорилось в царском манифесте, выборные от населения уклонились в не принадлежащую им область. Так была продемонстрирована вся призрачность дарованной царизмом «свободы». В феврале 1907 года открылась 2-я Дума, оказавшаяся более левой и более оппозиционной, чем 1-я. Через сто два дня она тоже была разогнана, а социал-демократические депутаты (впервые представленные в Думе), против которых правительство сфабриковало ложные обвинения, арестованы, преданы суду и сосланы в Сибирь.

Объявленный 3 июня 1907 года одновременно с роспуском 2-й Думы («третьеиюньский переворот») новый избирательный закон в значительной мере урезал избирательные права не только крестьян и рабочих, но и мелкой городской буржуазии (лавочников, ремесленников), а также жителей национальных окраин (население Средней Азии вообще было лишено права избирать депутатов в Государственную думу).

Войдя в состав Государственного совета, Кони, однако, как крайний либерал, не мог пользоваться ни полным доверием царя, ни тем более его симпатией. Это последнее, кстати, нашло свое выражение в установлении ему более низкого (по минимальной шкале) жалования, чем другим членам Государственного совета, и без тех льгот по оплате жилья, которые им предоставлялись.

Но Кони оставался верен себе, своим взглядам и убеждениям. Несмотря на возраст и болезни, он по-прежнему неутомим и вездесущ. Он и в Государственном совете воюет за утверждение законопроектов, которые диктуют время и прогресс, к примеру за уравнивание в правах женщин с мужчинами, за допущение лиц женского пола в адвокатуру, за новое законодательство, касающееся душевнобольных, за условное досрочное осво-

бождение лиц, отбывающих тюремное заключение, среди которых было немало «политических».

Кони отстаивает свободу слова, печати, вероисповеданий. Ряд выступлений Анатолия Федоровича в Государственном совете был посвящен вопросам демократизации судебной системы, развитию народного образования. Несколько раз выступал он по вопросу борьбы с пьянством — этим страшным злом, угрожающий рост которого волновал передовую русскую общественность. Анатолий Федорович требовал решительных и действенных мер против пьянства. Этой наболевшей проблеме было целиком посвящено, например, его выступление в Государственном совете 5 декабря 1907 года. А 11 марта 1909 года он выступил там же с докладом по вопросу о борьбе с пьянством, причем привел серьезные социологические и статистические данные, которые убедительно свидетельствовали о масштабности и остроте проблемы.

19 ноября того же 1909 года Кони вновь держит речь в Государственном совете — по вопросу попечительства о народной трезвости. Нелегко было ему отстаивать прогрессивные идеи и взгляды, разумные, подсказанные жизнью законопроекты. Большинство членов Государственного совета следовало за министром юстиции И. Г. Щегловитовым, известным реакционером, которого современники не зря прозвали Ванькой-Каином. Кони постоянно испытывал противодействие своей деятельности со стороны Щегловитова и его сторонников. К основной массе коллег по Государственному совету Анатолий Федорович относился с нескрываемым презрением. Вот характерное высказывание из его письма тех лет.

«...Теперь правительству предстоит задача показать, что оно чего-нибудь да стоит,— писал он светлейшей княгине Е. А. Ливен, начальнице Смольного института.— ...Но хватит ли на это умения и решимости у правительства? Если оно вздумает отделяваться одними

репрессиями — Россия погибла! Однако одна ошибка, и крупная, уже сделана: Госуд[арственный] совет распущен, тогда как он мог бы готовить законопроекты по собственной инициативе и внести их в будущую Думу. Если бы Вы видели, как ликуют эти лакеи и тунеядцы — члены Госуд[арственного] совета от возможности 8 месяцев ничего не делать. Как не чувствуют они всей фальши своего положения».

Несмотря на глухую стену, которая постоянно выростала перед ним, Кони не сдавал позиций, никогда не отступал от своих принципов. В нем не угасал бойцовский дух, непримиримость ко всему, что стояло на пути прогресса и справедливости.

Все чаще подводило здоровье, но Анатолий Федорович силою духа умел превозмогать свои недуги.

Обратимся снова к его письмам. Вот одно из них — от 29 октября 1907 года, направленное Е. А. Ливен после того, как Кони побывал у воспитанниц Смольного института:

«Я не только не устал в среду, но приехал домой в светлом настроении от своей милой аудитории и ее распросов. Между слушательницами были с такими лицами, на которых отражается прекрасная душа. С удовольствием приеду опять побеседовать с ними. Но в пятницу у меня был совершенно неожиданно сильный сердечный припадок, повторился затем ночью и вчера днем опять и совсем, совсем измучил меня. А на будущей неделе предстоят: 2 засед[ания] Госуд[арственного] совета, 2 заседания Академии наук и утомительные репетиции в Лицее, и нужно непременно быть на похоронах старого сослуживца, посетить гр[афиню] [С. М.] Гейден, лежащую в Св[ято]-Троицкой общине [сестер милосердия] *, исправить корректуру моего курса, просмотреть

---

* С. М. Гейден после смерти мужа, графа П. А. Гейдена, последовавшей в июне, тяжело заболела,

для «Вестника Европы» мемуары [П. М.] Ковалевско-го*, быть на совещании группы центра Гос[ударственно-го] совета, запломбировать большие зубы и принять просителей и всякого рода вымогателей (уже теперь назначено 6 лицам).

Так что не остается ни минуты свободной».

А вот отрывок из письма М. Г. Савиной от 1 марта 1910 года: «...С конца января я нахожусь в каторжной работе по Госуд[арственному] совету и всю неделю прошлую у меня было по два и по три заседания в день, а в день бенефиса (М. Г. Савиной, 24 февраля.— В. С.) я должен был говорить в общем собрании Совета по двум вопросам (во время второй речи мне стало дурно, и я на короткий срок потерял сознание от крайней усталости), а вечером неизбежно участвовать в важнейшем заседании Комиссии о старообрядцах».

И тому же адресату два года спустя, 24 апреля 1912 года: «Я все это время так каторжно занят, что, когда меня спрашивают, где я провожу все свое время, я отвечаю: „На Сахалине, у Синего моста“**.

На письмах 1909 года впервые появляется новый, и последний, адрес Кони — Надеждинская улица (ныне — улица Маяковского), дом 3.

Кони, как мы знаем, довольно часто менял местожительство. За последние три года перед тем, как обосноваться в доме 3 по Надеждинской, он трижды переезжает: из дома 100 по Невскому проспекту — в дом 56 по Фурштатской улице (снова — Фурштатская, уже в четвертый раз!), оттуда — в дом 56 по набережной Фонтанки (напротив дома Лыткина, где он родился) и наконец в дом 3 по Надеждинской улице (второй дом от

---

* П. М. Ковалевский (1823—1907) — писатель, мемуарист.

** Сахалин, как известно, был превращен царизмом в место жестокой каторги; название острова стало поэтому символичным. У Синего моста через Мойку, в Марининском дворце, размещался Государственный совет,

Невского). Квартира 15, в которой он поселился, располагалась на втором этаже и состояла из семи жилых комнат.

В письме академику Шахматову от 2 сентября 1909 года Кони, рассказывая о своей литературной работе, упомянул о том, что «соорудил две большие статьи об авторском праве». В частности, он рассматривал в них вопрос о сроках авторского права. Этому же были посвящены и выступления Анатолия Федоровича на заседаниях Особой комиссии Государственного совета 27 октября, 3 и 5 ноября 1910 года. Необходимость пересмотра действовавшего в России срока авторского права была очевидна. До 1857 года этот срок составлял 25 лет после смерти автора. Но в 1857 году по ходатайству перед царем Натальи Николаевны Ланской (в первом браке Пушкиной) этот срок в ее сугубо личных интересах, но «в нравственный ущерб и Пушкину, и русскому обществу», как писал Кони, был увеличен вдвое.

Жизнь подтвердила нецелесообразность сохранения столь большого срока действия авторского права после смерти автора, однако у него находилось немало и сторонников. «Закон, опровергаемый требованиями жизни,— убеждал Кони оппонентов,— не есть нечто окаменелое», не подлежащее «изменению даже тогда, когда, как в данном случае, появлению такого закона предшествовало частное ходатайство, с одной стороны, и личное усмотрение (царя.— В. С.) — с другой».

Еще в 1896 году Первый съезд русских деятелей печатного дела призвал Русское литературное общество, Русское музыкальное общество и Общество поощрения художеств включиться в борьбу за новый закон об авторском праве. Созданное в 1907 году Петербургское литературное общество (Русское литературное общество к тому времени прекратило свое существование) одной из главных своих задач поставило добиваться демокра-

тической реформы авторского права, ибо в условиях активизации всей общественной жизни России, вызванной революционным подъемом, стали особенно быстро развиваться разнообразные формы литературного труда. Оно выступило с критикой законопроекта об авторском праве, внесенного в Государственную думу. Специальная комиссия общества, в которую вошли видные литературоведы и публицисты, опубликовала свой доклад по этому поводу. В нем отразились взгляды передовой общественности. Длительные сроки посмертного авторского права, существовавшие в России, в этом докладе характеризовались как вредная для национальной культуры монополия. Такую же точку зрения отстаивал во всех своих выступлениях и Кони.

«Защитники длинного посмертного срока,— писал он,— смотрят почти исключительно с точки зрения материальных интересов автора, его семьи и его наследников. Но есть другая, более широкая точка зрения, отводящая справедливое место правам народа и общества на произведения их духовных представителей... Автор есть, прежде всего, общественный деятель, произведения которого являются в сущности лишь отражением общественных идеалов и среды и имеют главной целью возможно широкое распространение в обществе идей автора».

Кони совершенно справедливо утверждал, что, будь в России срок посмертного авторского права более умеренным, не были бы монополизированы в руках нескольких издателей или наследников произведения русских классиков, а вкладывались бы они в общедоступную народную сокровищницу. Между тем именно это было невозможно из-за существовавшего в России пятидесятилетнего срока посмертного авторского права. К примеру, сочинения Гончарова, выходявшие на книжный рынок в начале 900-х годов, стоили в своей совокупности около 20 рублей и, следовательно, были доступны лишь весьма

состоятельным людям. Однако общенародным достоянием им предстояло стать только в... 1941 году.

Кони не мог мириться с этой ненормальностью, наносившей огромный вред делу русской культуры, образования и просвещения.

И тем не менее, вопреки требованиям жизни и здравого смысла, Государственная дума 20 марта 1910 года приняла закон об авторском праве, оставивший в неприкосновенности прежние сроки посмертного авторского права: для писателей — 50 лет, для повременных изданий и альманахов — 25 лет со дня издания, для писем — 50 лет после смерти адресата и т. д.

Надеждам и желаниям Кони, передовой русской общественности суждено было осуществиться лишь после Октябрьской революции. Ныне в нашей стране, как и в подавляющем большинстве государств, действует двадцатипятилетний срок посмертного авторского права, зафиксированный в международных конвенциях по авторскому праву.

* * *

Кони неизменно сохранял большой интерес к проблемам медицины — в разных ее аспектах. Он постоянно обращался к ним и как юрист, и как публицист, профессионально ориентируясь в этой важнейшей области человеческой деятельности. Одной из таких проблем, не разрешенных российским уголовным законодательством, был вопрос о врачебной тайне. Статью, посвященную этому вопросу, Кони написал для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, а затем, расширив ее и углубив научным экскурсом в историю вопроса, напечатал статью в журнале «Вестник С.-Петербургского врачебного общества взаимной помощи». В ней он подверг научно обоснованной критике действовавшее тогда в России законодательство, сопоставив его с законодательством ряда западноевропейских государств.

С 1903 года значительно оживилась деятельность Общества психиатров, основанного четверть столетия раньше. Это произошло после того, как его возглавил выдающийся русский ученый В. М. Бехтерев. К 1912 году в обществе насчитывалось около 200 действительных членов и 50 членов-корреспондентов. Несколько крупных юристов, в том числе и Кони, входили в него с правом совещательного голоса.

21 ноября 1910 года в зале Петербургской городской думы состоялось заседание, посвященное 100-летию со дня рождения Н. И. Пирогова. С речью «Пирогов и школа жизни» выступил Кони. Анатолия Федоровича давно привлекала к себе яркая личность и многогранная деятельность знаменитого русского хирурга и педагога — «друга человечества», как называли его современники. И вот выпала наконец оказия публично воздать должное великому сыну земли русской. Анатолий Федорович сделал это с чувством глубокой любви и уважения к Николаю Ивановичу Пирогову. «Когда среди тумана печальных явлений и свойств нашей повседневной действительности,— сказал он,— вспомнишь, что наш народ имел Петра и Ломоносова, Пушкина и Толстого, чья недавняя кончина сжала наши сердца великой скорбью, что он дал, наконец, Пирогова, то нельзя не верить, что этот народ не только может, но и обязан иметь светлое будущее».

Как все передовые люди эпохи, мысль о светлом будущем народа Кони связывал с образованием народа, приобщением его к культуре, к знаниям. В годы революционного подъема демократическая общественность России, особенно педагогическая интеллигенция, стала применять новые формы культурно-просветительной работы. Появились курсы для рабочих, народные университеты, народные дома, в которых важное место отводилось общедоступному театру.

Предшественниками народных университетов были вечерние школы для рабочих и рабочие курсы. Универ-

ситеты явились более высокой ступенью в развитии демократических просветительных организаций, да и охватывали они более значительные круги трудящихся. Первые народные университеты открылись в Москве (в сентябре 1906 года) и в Петербурге (месяц спустя), причем в столице по инициативе членов Общества гражданских инженеров.

Петербургский народный университет объединил не только курсы для рабочих с низшим и неполным средним образованием, занимавшиеся по своей программе, но и так называемый университетский отдел, где читались курсы лекций по естественноисторическим, историко-литературным, общественным и философским наукам. Одним из постоянных лекторов этого народного университета наряду с либеральным профессором права Петербургского университета Л. И. Петражицким, писателем, журналистом, общественно-политическим деятелем В. А. Поссе, ученым-экономистом М. И. Туган-Барановским, а также другими был и Анатолий Федорович Кони.

Санкт-петербургское общество народных университетов, как оно официально именовалось, размещалось в доме 16 по Гагаринской улице (ныне — улица Фурманова), центральная аудитория — в доме 1 по Забалканскому (ныне — Московский) проспекту, другие аудитории — на Охте, за Невской и Нарвской заставами. Анатолий Федорович выступал с лекциями преимущественно в Тенишевской аудитории (Моховая, 35), находившейся ближе других к месту его жительства и хорошо ему знакомой еще с 90-х годов, когда он выступал здесь с публичными лекциями. Кони являлся также председателем факультетской коллегии народных университетов. Лекции он читал мастерски, всегда чувствовал аудиторию, ее настроение, и это наряду с ораторским искусством, энциклопедичностью знаний обеспечивало ему заслуженный успех у слушателей.

ЭЛИЗИУМ ТЕНЕЙ

Литературные труды А. Ф. Кони открыли перед ним двери не только в самые авторитетные литературные круги, но и в Академию наук по разряду изящной словесности (о чем уже упоминалось), учрежденному в ознаменование 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина. В результате выборов почетными академиками по этому разряду стали Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, А. Ф. Кони. Анатолий Федорович очень дорожил этим своим званием. Его доклады о жизни и творчестве А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого имели большой успех, равно как и его статьи, очерки, воспоминания о русских писателях — и о названных выше и о других: А. Ф. Писемском, А. Н. Островском, В. Ф. Одоевском, А. Н. Апухтине, И. Ф. Горбунове, Каролине Павловой, Д. В. Григоровиче, В. В. Стасове, Владимире Соловьеве, А. П. Чехове. Кони был лично знаком и дружен со многими из них, и это придает его произведениям о русских писателях особый вес и колорит.

Корней Иванович Чуковский, близко знавший Кони и едва ли не единственный, кто оставил нам очерк-воспоминание о нем, правильно подметил, что личность Анатолия Федоровича запечатлена главным образом в его литературном наследии. Для Кони, как для всякого

большого художника-реалиста, нет ничего интереснее человеческих личностей во всем разнообразии их психологии, судеб и деятельности, причем это касается, конечно, не одних литераторов.

Следует отметить, что Кони рассказывал не только о великих и знаменитых, но и о незаслуженно забытых, однако занявших свое достойное место в пантеоне отечественной культуры. «Есть имена, по отношению к которым забвение является прямой несправедливостью» — вот кредо Кони-литератора.

И, следуя ему, он спас от забвения писательницу Каролину Павлову, выступив в литературно-художественном кружке имени Я. П. Полонского с докладом о ней, а затем написав посвященное ей эссе. По справедливому утверждению Кони, Каролина Павлова, урожденная Яниш, «занимала в московском обществе сороковых и первой половины пятидесятых годов выдающееся положение и была автором ряда поэтических произведений, превосходных переводов и глубоко прочувствованных бытовых повестей».

Валерий Брюсов посвятил поэтессе две обширные статьи, в одной из которых писал: «Каролина Павлова принадлежит к числу наших замечательных поэтов,— нужно ли это доказывать после восторженной оценки ее поэзии в отзывах Баратынского, Хомякова, Языкова, гр. А. Толстого, К. Аксакова, И. Киреевского, [С.] Шевырева, М. Каткова, К. Бальмонта и мн[огих] др[угих]?»

Но, как показала жизнь, доказывать все-таки понадобилось. И это блестяще сделал Кони.

Тут необходимо выделить два превосходных эссе — «Князь Владимир Федорович Одоевский» и «Иван Федорович Горбунов», а также поистине уникальную книгу «Федор Петрович Гааз».

Своей работой об Одоевском Кони убедительно доказал, что «в рамки неблестящей по внешности жизни Одоевского было заключено богатейшее содержание».

Анатолий Федорович воссоздал неповторимый образ разносторонне талантливого человека, в котором жили, дополняя друг друга, писатель и философ, музыкальный критик и химик-экспериментатор, либеральный общественный деятель и просветитель, изобретатель музыкальных инструментов и органист. Замечательный эрудит, доктор философии Иенского университета, он был также крупнейшим в России специалистом в области политической экономии. На сильный, блестящий метафорами и здоровым пафосом язык Одоевского обращал внимание еще Белинский. Удивительно ли, что столь незаурядная личность очень импонировала Кони, и к его эссе вполне можно было бы отнести слова самого Одоевского: «Перо писателя пишет успешно только тогда, когда в чернильницу прибавлено несколько капель крови его собственного сердца».

Очерк о Горбунове вырос из лекции о нем, прочитанной впервые 18 января 1898 года в зале Министерства юстиции в Петербурге. Затем лекция была повторена там же, прочитана в Русском литературном обществе (Невский проспект, 88), действительным членом которого был Кони, и в Соляном городке. И всюду ей сопутствовал большой успех, на что обратили внимание многие столичные газеты. В том же году очерк о Горбунове был напечатан в «Вестнике Европы», а затем вошел в первый том сочинений Горбунова, выпущенных А. Ф. Марксом как приложение к журналу «Нива» на 1904 год, и в книгу Кони «Очерки и воспоминания».

Анатолий Федорович, строгий литературный судья, остался доволен этой своей работой и назвал очерк удачным (в письме М. М. Стасюлевичу). Он снова знакомит читателя с очень талантливым человеком — актером, писателем, замечательным рассказчиком, историком-археологом, исследователем русского театра, знатоком народного и древнерусского языка. Знакомит с человеком из народа и глубоко любившим свой народ.

Кони был близко знаком с Иваном Федоровичем, дружил с ним, и это, несомненно, помогло ему в создании полнокровного образа. После смерти Горбунова Кони взял на себя все хлопоты по изданию его произведений и был их неизменным редактором. Благодаря стараниям Анатолия Федоровича они не только были спасены от забвения, но и стали достоянием самого широкого круга читателей.

Любопытен в связи с созданием очерка такой эпизод. Как раз в 1898 году Кони по какому-то случаю представлялся царю. Николай II, упомянув, что читал в газетах о том, что должна состояться публичная лекция Кони в зале генерал-прокурорского дома (т. е. Министерства юстиции), спросил Кони, в чью пользу и о чем намерен он говорить, «хотя в газетном известии было с точностью обозначено, что лекция будет в пользу благотворительного общества судебного ведомства о Горбунове». Когда Анатолий Федорович ответил, Николай II «тоном недоумевающего порицания» уточнил вопрос: что же побудило его избрать такую тему?

«Я понял,— пишет Кони,— что это — результат глухого недовольства сенаторов на то, что их товарищ выступает публично, выходит на аплодисменты публики и, таким образом, *унижает* свое высокое звание вместо того, чтобы играть в Английском клубе до утра и платить штрафы. Выслушав, однако, мою ссылку на слова Пушкина: «Мы ленивы и не любопытны», с прибавкою от себя слов «и неблагодарны», и мое объяснение того значения, которое имеет Горбунов в литературе и искусстве, государь сказал мне, что вполне со мною согласен, и стал восхищаться старинным русским языком у Горбунова».

О том, что очерк «Иван Федорович Горбунов» особенно удался Кони и стал одной из вершин его литературного творчества, свидетельствует не только сам автор. Вот что сообщал Анатолию Федоровичу писатель

А. А. Тихонов-Луговой, ознакомившийся с очерком еще в журнальной корректуре: «По мне Ваш очерк о Горбунове — это литературно-гражданский подвиг. И не только стоит — необходимо выпустить его отдельной книгой по самой доступной цене. Такие монографии не только обогащают нацию, они показывают ей ее богатства, о существовании которых никто не думает. Горбунов — это иллюстрированная история нашего времени, освещенная юмором. Читая Ваш очерк, я вижу перед собой если не всю, то большой кусок всей России в известную эпоху. Многие «черты из жизни», написанные на лице нашего современного общества и нашего народа, художественно воспроизведенные в рассказах Горбунова, могут показаться будущим поколениям даже невероятными, и нужно, чтобы такой современник, как Вы, подтвердил всю их правдивость».

Очерк «Федор Петрович Гааз» был первоначально опубликован тоже в «Вестнике Европы», но годом раньше, чем очерк о Горбунове. А затем, непрестанно пополняемый новыми материалами, он выдержал еще шесть изданий. Книга была переведена также на немецкий (два издания), французский (три издания), английский, латышский и даже японский языки.

В основу очерка о Гаазе тоже легли лекции — Кони читал их в пользу голодающих крестьян Поволжья в 1892 году. Народное бедствие напрямую перекликалось с теми мотивами, что звучали в лекции, а затем и в очерке — с мотивами страдающей, бесправной страны, ее гонимого, задавленного произволом народа.

Образ тюремного врача-гуманиста, «святого доктора», как называли его, неутомимого борца за «драгоценнейшие человеческие права» обладает огромной впечатляющей силой; рассказ об этом удивительнейшем человеке и сегодня невозможно читать без восхищения.

«Ваш Гааз (в подлиннике — Газ.— В. С.), — писал Анатолию Федоровичу С. А. Андреевский, выдающийся

юрист, поэт и критик,— в окончательной отделке понравился мне обилием красноречивых фактов. Собранные Вами свидетельства очевидцев необыкновенно живы. Цитаты из Гааза обрисовывают его широкий ум. Вы положительно воскресили этого большого человека и, вероятно, обессмертили. Его любовь к людям вырастает в исключительную и величавую страсть поразительно благородного сердца. И меня прожгли, как уголья, его предсмертные слова: «Я не думал, чтобы человек мог вынести столько страданий». Такую пытку вынес неутомимый утешитель страждущих!»

Когда благодаря многолетним усилиям прогрессивной общественности Москвы и активной деятельности Кони, постоянно будившего общественную совесть выступлениями в печати о докторе Гаазе, удалось добиться принятия на счет города содержания могилы Гааза, а также открытия ему памятника в Мало-Казенном переулке у бывшей Поллицейской, затем — Александровской больницы, Кони не смог из-за болезни приехать на это торжество. Но он направил председателю комитета по устройству памятника доктору С. В. Пучкову большое письмо, в котором есть такие строки:

«Вполне разделяя те чувства, которые приведут всех их (кто соберется воздать дань доктору Гаазу.— В. С.) к подножию сооруженного вашими стараниями памятника, я питаю к Федору Петровичу [Гаазу] еще и личную бесконечную благодарность за те минуты душевного умиления, которые я испытывал, описывая, по мере сил и умения, его чистую, как кристалл, жизнь и его возвышенную деятельность, нередко вынужденный оставлять перо под влиянием радостного волнения при мысли, что такой человек в лучшем и глубочайшем смысле слова жил и действовал среди нас...

И на отдельных людей, и на целое общество в их лучших порывах влияют гораздо более живые примеры, чем теоретические идеалы. Люди, давно ушедшие из жизни,

продолжают своим примером действовать, как живые...»

Именно это — сила морального примера — воодушевляло Кони в людях, о которых он писал или рассказывал современникам и потомкам. Как литературный портретист был он в русской литературе не только пионером, шедшим по первопутку, но и тем, кого почтительно величают словом Мастер, причем непременно с большой буквы. Созданная им галерея литературных портретов, многие из которых опираются на его собственные воспоминания, стала классикой жанра, неотъемлемой, хотя, к сожалению, и недостаточно известной широкому читателю частью русской литературы XIX—XX веков.

Моя душа — Элизнум теней *,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных...

Эти строки Ф. Тютчева, которые Кони приводит в одной из своих статей, могли бы послужить эпиграфом ко всему, созданному им в жанре литературного портрета и воспоминаний. Как мемуарист, Анатолий Федорович тоже был Мастером, и тоже непревзойденным.

«У него — жанровое, бытовое дарование, — писал К. И. Чуковский о Кони-литераторе. — Недаром он так любил Горбунова. Всякий эпизод, анекдот, всякую «картинку с натуры» он изображает так смачно, с таким аппетитом, с таким любованием, с таким упоением деталями, что чувствуется огромный художник. Его творчество насыщено образами; жадность к жизни, к мельчайшим ее проявлениям — в ней ненасытная, пушкинская... Мы почувствовали, что на Руси появился новый первоклассный беллетрист. В его книгах оказалось что-то диккенсовское. Та же радуга смеха и грусти, та же лирическая влюбленность в людей».

---

* Элизнум, или Елизейские поля (из древнегреческой мифологии), — поля блаженных в загробном мире, царство красоты и счастья.

Но это ведь не только диккенсовское, это — и чеховское!

Вот почему совсем не случайно, что, когда осенью 1896 года на сцене Александринского театра потерпела провал пьеса А. П. Чехова «Чайка», Кони, присутствовавший на премьере, оказался в числе немногих, кто понял всю глубину поиска Чехова-драматурга и испытал большое наслаждение от его новой пьесы. Более того, Анатолий Федорович, несмотря на то что «утопал в работе», счел нужным поделиться с Чеховым своими мыслями и чувствами, поддержать и ободрить писателя.

Они познакомились пятью годами раньше. 17 января 1891 года А. П. Чехов, который только что вернулся из своего тяжелого путешествия на Сахалин — путешествия, сопряженного с массой испытаний, тревог и опасностей, посетил Кони (жившего в то время на Караванной, в доме 20). Антону Павловичу, прежде чем начать работу над книгой о Сахалине, нужно было поговорить с человеком, хорошо сведущим в законах Российской империи и близким к правительственным верхам.

«Он произвел на меня всей своей повадкой самое симпатичное впечатление,— вспоминал Кони о первой встрече с Чеховым,— и мы провели целый вечер в задушевной беседе, причем он объяснил свой приход полученным им советом поговорить со мной о Сахалине: вынесенными оттуда впечатлениями он был полон. Картины... разворачивались в его рассказе одна за другою, представляя как бы мозаику одного цельного и поистине ужасающего изображения».

Кони предложил Антону Павловичу познакомить его с гофмейстериной Е. А. Нарышкиной, которая была председателем «Женского благотворительного попечительства о ссыльнокаторжных», а также «Общества попечения о семьях ссыльных», членом которых состоял и Кони. Чехов согласился. «Условились,— сообщал он в письме сестре Марии Павловне,— ехать вместе во

вторник на будущей неделе к Нарышкиной просить ее, чтобы она поговорила с государыней о сахалинских детях и насчет устройства приюта для детей».

Однако встреча эта не состоялась, поскольку Чехову пришлось уехать в Москву раньше, чем он предполагал.

«Я жалею, что не побывал у г-жи Нарышкиной,— писал он Анатолию Федоровичу 26 января,— но мне кажется, лучше отложить визит к ней до выхода в свет моей книжки, когда я свободнее буду обращаться среди материала, который имею. Мое короткое сахалинское прошлое представляется мне таким громадным, что когда я хочу говорить о нем, то не знаю, с чего начать, и мне всякий раз кажется, что я говорю не то, что нужно...»

Письмо это очень большое: Чехов описывает в нем жуткое положение детей и подростков сахалинских каторжан, рисует картины, от которых дрожь пробегает по спине. Антон Павлович высказывает также мысль о том, что одной благотворительностью, которая к тому же носит в России случайный характер, тут делу не поможешь, необходимо участие государственной казны. «Позвольте мне поблагодарить Вас за радушие и за обещание побывать у меня» — так закончил свое письмо Чехов.

Кони познакомил с этим письмом Е. А. Нарышкину, рассказал ей все то, что услышал от Чехова, а вскоре вышла и его книга о Сахалине. В результате совместных усилий удалось несколько улучшить положение детей-каторжан. Открытое на Сахалине отделение благотворительного общества стало заведовать призрением детей в трех приютах, рассчитанных на 120 человек, потом были выстроены еще один приют и ясли, Дом трудолюбия, а при нем учреждена вечерняя школа грамотности.

Прошло несколько лет со времени первого знакомства и беседы Кони с Чеховым. Как-то в городской думе,

на «базаре» в пользу Высших женских (Бестужевских) курсов, Анатолий Федорович встретил Веру Федоровну Комиссаржевскую, которую он, будучи знаком с ее отцом, знал еще ребенком. Вера Федоровна к тому времени была ведущей актрисой Александринского театра. Они разговорились о драматической сцене, и Комиссаржевская посоветовала Анатолию Федоровичу прийти на первое представление новой пьесы Чехова «Чайка», намечающей, как сказала актриса, и новые пути для драмы. Сама она играла в пьесе роль Нины Заречной.

«Я последовал ее совету,— пишет Кони,— и видел это тонкое произведение, рисующее новые творческие задачи для «комнаты о трех стенах», как называет в нем одно из действующих лиц театр. Чувствовалось в нем осуществление мысли автора о том, что художественные произведения должны отзываться на какую-нибудь большую мысль, так как лишь то прекрасно, что серьезно».

Однако большинство исполнителей и публика, как известно, не поняли новаторского характера чеховской пьесы, и премьера «Чайки» провалилась.

«„Чайка“ — произведение, выходящее из ряду по своему замыслу,— писал Кони Чехову 7 ноября 1896 года,— по новизне мыслей, по вдумчивой наблюдательности над житейскими положениями. Это *сама жизнь* на сцене, с ее трагическими союзами, красноречивым бездушием и молчаливыми страданиями,— жизнь, обыденная, всем доступная и почти никем не понимаемая в ее внутренней, жестокой иронии,— жизнь, до того доступная и близкая нам, что подчас забываешь, что сидишь в театре, и способен сам принять участие в происходящей пред тобою беседе».

Заканчивалось письмо такими словами: «Вы, быть может, все-таки удивленно пожмете плечами. Какое Вам дело до моего мнения — и зачем я все это пишу. А вот зачем: я люблю Вас за те минуты душевных движений,

которые мне доставили и доставляют Ваши сочинения,— и хочу издалека и наудачу сказать Вам слово сочувствия, быть может Вам вовсе и ненужное».

Но Антон Павлович принял отзыв Кони очень близко к сердцу и ответил ему взволнованным письмом, заметив, что полученное от Анатолия Федоровича письмо подействовало на него «самым решительным образом» и что он верит Кони «больше, чем всем критикам, взятым вместе».

Как показало дальнейшее, Чехов не ошибся в этой своей вере, а Кони не ошибся в своей оценке одного из самых блестящих чеховских творений.

Анатолий Федорович постоянно вращался в среде выдающихся деятелей русской культуры, посещал литературные салоны, был признанным авторитетом в артистическом мире. Его можно было нередко видеть, к примеру, на вечерах у баронессы Варвары Ивановны Икскуль фон Гильденбрандт — жены русского посла в Италии, впоследствии государственного секретаря — в ее трехэтажном особняке на набережной Екатерининского канала (дом 156), у Аларчина моста. В ее литературно-философском салоне — одном из самых популярных в Петербурге — собирались не только писатели, но также художники и музыканты. Варвара Ивановна и сама была автором нескольких романов, инициатором и организатором издания дешевой библиотеки художественной литературы. На одном из вечеров у баронессы Икскуль Кони познакомился с Ильей Ефимовичем Репиным, жившим в то время по соседству, у Калинкина моста. Знакомство вскоре переросло в дружбу. С той поры Илья Ефимович старался не пропускать ни одного литературного вечера, которые устраивал у себя Кони. Великий русский художник написал портрет Анатолия Федоровича.

Репин работал над ним около двух лет. Кони начал позировать художнику в 1896 году на своей новой квар-

тире (Невский проспект, 100), куда он незадолго перед тем переехал. И хотя Илья Ефимович получал большое удовольствие от сеансов, поскольку они проходили в живой, увлекательной беседе с Анатолием Федоровичем, портрет давался ему нелегко. Живое, то и дело меняющееся лицо Кони как бы ускользало от художника — никак не схватить было его характерное выражение. Сеансы продолжались весной 1897-го и весной 1898 года, когда наконец портрет был закончен. Он не только прекрасно передает сходство, но и раскрывает духовное богатство одного из выдающихся сыновей России.

В гостиной баронессы Иксуль бывали В. Г. Короленко и А. П. Чехов (шутливо называвший ее в своих письмах «баронессой Выхухоль»), крупнейший публицист-народник Н. К. Михайловский и журналист, писатель В. А. Поссе, поэтесса, переводчица Т. Л. Щепкина-Куперник, адвокат и поэт С. А. Андреевский, философ, поэт Владимир Соловьев, представители новых течений в литературе (декаданса) — Д. С. Мережковский и Н. М. Минский*.

Баронесса Иксуль была человеком демократических убеждений и не раз выручала прогрессивно настроенных писателей, заступаясь за них при царском дворе. Это благодаря ее хлопотам был выпущен под надзор полиции Максим Горький, арестованный в 1898 году в Нижнем Новгороде.

Кстати, вскоре после этого состоялось знакомство с А. М. Горьким и Анатолия Федоровича.

В 1899 году всю страну охватили студенческие волнения. За участие в «беспорядках» правительство начало отдавать студентов в солдаты. Горький призвал русское общество бороться против «индотских мер обожрав-

---

* Н. М. Минский (1855—1937) — поэт-символист, автор поэмы «Гефсиманская ночь». Одна из ранних поэм Минского вдохновила И. Е. Репина на создание знаменитой картины «Отказ от исповеди перед казнью». В молодости Минский был народником,

шихся властью прохвостов» * и сам немедленно ринулся в бой. Он посещал собрания учащейся молодежи, организовал публичные чтения в пользу студентов, лично участвовал в демонстрациях протеста, подписывал петиции. Писатель был тесно связан не только с нелегальными кружками, но также с Обществом поощрения высшего образования, возникшим пятью годами раньше. Оно все более втягивалось в борьбу и из благотворительной организации превращалось, не без влияния Горького, в организацию революционную. Чтобы поддержать студенческое движение деньгами, Горький сам вносил крупные суммы в фонд общества, кроме того, организовывал сборы и пожертвования, а также содействовал обществу в устройстве платных лекций, доходы от которых пополняли его кассу. К примеру, только лекция великого русского физиолога И. М. Сеченова дала в кассу общества 700 рублей. С не меньшим успехом могла бы пройти и лекция Кони, все публичные выступления которого привлекали большое число слушателей. Он был к тому же популярнейшим человеком в оппозиционных кругах 90-х годов. Вот с ним-то и решил познакомиться Горького, приехавшего в Петербург, Ф. Д. Батюшков — известный либеральный критик, профессор-литературовед, редактор ряда столичных журналов, в которых печатался писатель.

Встреча состоялась 14 октября 1899 года на квартире Анатолия Федоровича (Невский проспект, 100), и Горький, по словам Батюшкова, остался «в полном восхищении» от беседы с Кони. Батюшков хотел организовать еще одну встречу, однако, состоялась ли она, неизвестно.

Горький, возвратившись в Нижний, вскоре обратился к Кони, приглашая его приехать с лекцией о Гаазе.

---

* Из письма А. М. Горького В. Я. Брюсову (февраль 1899 года).

«Мы, провинциалы...— писал он,— часто не успеваем хорошенько разобраться в том, кто истинно свят... и чтим идолов, не зная Бога. «Нéкогда» — огромная сила, как вы знаете, и эта темная сила — ослепляя людей, она мешает им видеть горе ближнего и живое дело помощи ему. А ваше слово о Гаазе — есть свет кроткий и ласковый, как сияние Евангелия... Пользуюсь случаем сказать Вам, что я глубоко уважаю Вас и вижу — с радостью — человека там, где обыкновенно нет людей.

Простите,— может быть, грубо. Но я давно Вас знаю, читал Вас и всегда удивлялся Вам, слушая рассказы о Вас. От всего сердца желаю Вам здоровья и бодрости духа. Благодарю за то, что Вы дали мне возможность увидеть Вас. Жду ответа на просьбу мою. В случае согласия О[бщест]во пригласит Вас официальным порядком от своего имени, а теперь оно не решилось беспокоить Вас.

Очень прошу, Анатолий Федорович — буде есть у Вас возможность — приезжайте! Как это хорошо будет для всех нас!»

Кони ответил согласием, правда условным. Поблагодарив его, Горький закончил ответное письмо весьма красноречивой фразой: «Желаю Вам всего хорошего, от души желаю бодрости, столь необходимой Вам на Вашем *опасном и важном посту*» (курсив мой.— В. С.).

Однако поездка Анатолия Федоровича в Нижний Новгород так и не состоялась. Причиной могла стать его слишком большая занятость. Но могло сыграть решающую роль и другое — уж очень обнаженной и ясной была цель лекции: помочь участникам студенческих антиправительственных волнений, чего Горький и не скрывал в своем письме. Для сенатора, тайного советника и кавалера такое было просто неприемлемо. Плюс ко всему даже сама поездка к поднадзорному Горькому означала бы демонстрацию против режима, которому Кони продолжал все-таки служить.

Анатолий Федорович по-прежнему активно участвовал в деятельности литературно-художественного кружка имени Я. П. Полонского, состоял членом его совета. Этот кружок ставил своей целью «сближение лиц, интересующихся вопросами поэзии, изящной литературы и художественной критики, и посильную разработку вопросов, имеющих отношение к этой области», а также собирание и разработку биографических материалов о жизни и произведениях, в том числе прозаических, Я. П. Полонского. Число действительных членов в нем ограничивалось двумястами. «Почетной хозяйкой» и членом его совета была вдова поэта Ж. А. Полонская. В число членов совета кружка входил и сын поэта — Б. Я. Полонский, на которого возлагалась вся организационная работа.

Кружок еженедельно по пятницам устраивал в помещении Петровского коммерческого училища (набережная Фонтанки, 62) собрания «семейно-общественного характера». На них допускались также гости — как постоянные, так и разовые, причем последние — только по рекомендации одного из членов кружка и при согласии «почетной хозяйки».

29 октября 1904 года Кони сделал на заседании кружка сообщение о найденном им письме Пушкина к В. П. Зубкову. Затем этот же доклад он прочитал в торжественном годовом собрании Академии наук под названием «Страничка из жизни Пушкина» и напечатал его в своей книге «Очерки и воспоминания». Выступал Кони там с докладами и позднее. Впоследствии он был удостоен награды — специального брелока, поднесенного ему кружком имени Я. П. Полонского.

На одном из собраний кружка — 16 декабря 1905 года, в самый разгар первой русской революции, — доклад на тему «Освободительное движение в русской литературе» сделал П. А. Брюнелли. Отставной гвардейский штабс-капитан, присяжный поверенный и стряпчий (т. е. нотариус), Брюнелли был не чужд литературе. В его

докладе содержался, в частности, такой тезис: «Русская литература, отражая жизнь, в страшно малой мере влияла на нее». Но одновременно в другом тезисе Брюнелли утверждал, что «за Горьким идет пролетариат», что «Горький — первый поборник освобождения».

Кони, присутствовавший на собрании кружка, прямо на приглашительном билете набросал небольшой план выступления, направленного против тезиса Брюнелли о благотворном влиянии творчества Горького на народные массы, и попросил слова.

— Весьма ошибаются те, — сказал Анатолий Федорович, — которые сравнивают Горького с Достоевским. В «дне» у Достоевского звучит: «Вот человек упал, встань, в тебе не все человеческое потеряно, как человек ты имеешь право на гораздо большее». Горький говорит другое: «Ты попал на «дно», это новое *position sociale* *, не вылезай оттуда, а с гордостью смотри на всех. Ты человек — это звучит гордо».

Герои «дна» Горького, по мнению Кони, представляют апологию безделья, вредную стране, где и без того любви к работе мало. Образ босяка, люмпена из произведений Горького шокировал Анатолия Федоровича. Он видел в этом образе стремление поколебать устои и правопорядок. По свидетельству Р. М. Хин (Гольдовской), писательницы и театрального критика, близко знавшей Анатолия Федоровича многие годы, Кони с большим интересом и симпатией относился к оригинальной личности Горького, но гораздо холоднее отзывался об его творчестве. Его смущала дерзкая, самодовлеющая декламация горьковских бунтарей. «Какая разница с Достоевским, — с огорчением констатировал он. — Достоевский упавшему в пропасть человеку говорит: «Взгляни на небо, ты можешь подняться!..» А босяк Горького говорит: „Взгляни на небо и плюнь!“»

---

* Социальное положение (франц.).

Непонимание творчества Горького и неприятие его Анатолием Федоровичем, думается, вполне объяснимо слишком значительной разницей в социальных позициях, которые они занимали, и нет оснований упрекать Кони за это. Вообще следует заметить, что, воспитанному на искусстве XIX века и связанному с ним этической концепцией, ему трудно было принять литературу нового времени, нового века, с его символистами и футуристами, акмеистами и прочими «истами». И он не принял ее. Не принял ни Горького, ни Маяковского, ни Блока, ни Мережковского и Гиппиус, которую он саркастически называл «хлыстовской богородицей».

Прочитав впервые великую поэму Руставели «Носящий барсову шкуру» (то есть «Витязь в тигровой шкуре») в переводе Бальмонта, Кони пришел от нее в восторг. «Какая музыка, какое оригинальное стихосложение,— восхищался он в одном из писем,— какая нежность мысли и образность выражений!.. Когда читаешь Руставели и вспоминаешь при этом наших декадентов и футуристов, то кажется, что в удушливую атмосферу комнаты, проникнутой гнилостными испарениями, открыли форточку, и в нее влился свежий, ароматный воздух, и вместе с ним вторгся луч яркого света».

Таким же лучом света было для современников литературное творчество самого Кони.

«Вы открыли мне Тургенева, Достоевского, Некрасова, Писемского, превратили литературные силуэты, какими они мне представлялись, в живые, яркие образы,— писал Анатолию Федоровичу выдающийся русский историк В. О. Ключевский, автор многотомной истории нашей родины.— Из ваших рассказов, столь для меня новых, я не вынес разочарований,— напротив, обогатил только запас своих сочувствий: в ежедневной действительности, как вы изобразили этих мастеров, в конкретнейших, иногда мелких случаях их жизни, вами рассказанных, они не менее привлекательны, даже нередко

привлекательнее, чем в своих произведениях. Сколько в них исторического и вместе столько трагического!.. Желал бы я видеть смельчака, историка той, т. е. нашей, эпохи, который решился бы обойтись без Тургенева, Достоевского и т. д. не в главе о литературе, а в отделе общественных типах, и вам в этом отделе волей-неволей придется занять в подстрочных примечаниях место пушкинского Пимена».

* * *

«Двадцатый век,— писал Кони в 1901 году,— влетает в мир на автомобиле, освещенный электричеством и вооруженный самыми усовершенствованными орудиями для истребления тех, кто имеет несчастье быть слабым... А что он везет в своем багаже, столь легком на вид? Кто проводил его к заставе и чей величавый образ встретил его за нею?» Анатолий Федорович был убежден, что новая литература лишилась той человечности, которой были исполнены произведения Некрасова и Достоевского, Тургенева и Льва Толстого, Григоровича и Чехова.

Кони с упорством, настойчиво напоминал о гуманизме, об общественном долге в то время, когда «в литературу вторглось направление, предпочитающее форму содержанию и переносящее центр тяжести произведения в неопределенные, неясные и даже уродливые настроения, за которыми также не слышится голоса нормально чувствующего сердца».

В литераторах XX века Кони не видел «совести таланта» и противопоставлял «идеальное» направление в литературе упадничеству декаданса, понимая под «идеальным» направлением служение высоким и благородным идеалам, стремление поднять человека над пошлостью повседневной, плохо устроенной и недостойной его жизни. Сам Кони оставался до конца дней своих «идеалистом», не приемлющим любовного изображения «пош-

лых и чувственных проявлений человеческой природы под ложным названием будто бы житейской драмы».

«Жить для того, чтобы делать счастливыми людей кругом себя» — этими словами доктора Гааза Анатолий Федорович оценивал личность и творчество писателей, с чем, однако, согласны были далеко не все. Например, молодой в то время критик Б. Вальбе (впоследствии — литературовед, кандидат филологических наук) скептически воспринимал поиск Кони в каждом человеке прежде всего благородства. Вальбе призывал искать в человеке подлость. Как же без подлости, сокрушался он на страницах «Известий Одесского библиографического общества при императорском Новороссийском университете», зачем выпячивать доброту человека, когда в нем столько плохого? Кони пребывает, считал Вальбе, в «нирване отвлеченных добрых чувств».

«Надо вернуть человека из области все усиливающегося господства видимых вещей, — призывал Кони, — в область духовных идей и побуждений, которые могли бы служить противовесом все усиливающимся похотям и стремлениям к исключительному материальному благополучию. И движение в этом направлении началось».

«Так думает и верит Кони, — писал Вальбе. — Увы, каким злым, дьявольским хохотом покрывает наша жестокая современность эти наивно-благородные слова старого утописта. Хотя нужно полагать, что вера Кони не истощается и перед грозной нашей действительностью...»

Да, в последнем критик был прав: Кони не покидала вера в человека, в его благородство и доброту.

Анатолию Федоровичу пошел уже восьмой десяток, когда прозвучал роковой выстрел в Сараеве и началась первая мировая война, провозглашенная обеими воюющими сторонами «священной». Она повергла Кони в уныние. Еще в дни первой балканской войны (1912 год) он, будучи в гостях у своих друзей Крыжицких, заметил сокрушенно:

— Это только начало, пролог к неизбежной схватке великих держав.

А когда два года спустя схватка стала фактом, Анатолий Федорович снова там же, у Крыжицких, живших в доме на углу Знаменской (ныне улица Восстания) и Ковенского переуллка, на вопрос друзей: «Куда же мы идем?» — ответил коротко: «К революции!»

Это не было пророчеством — это было предвидением. Предвидением мудрого, наделенного огромным жизненным опытом человека, идеалиста и реалиста в одном лице.

Но до революции оставалось еще два с половиной года. Кони, не считаясь с возрастом, продолжал самую интенсивную и разностороннюю деятельность.

«Я должен принести Вам повинную голову,— пишет он критику А. А. Измайлову 19 сентября 1915 года.— Вся нынешняя неделя была у меня занята заседаниями Особого совещания о беженцах* и образованными при нем комиссиями о денежных средствах, об организации помощи и о наказе уполномоченным. Пришлось перечитать массу документов и сообщений и собираться в частные беседы, чтобы внести хоть какой-нибудь луч света в этот хаос, от которого сердце сжимает ужас. Завтра предстоит еще совещание, а на будущей неделе открывается, под моим председательством, комиссия об удовлетворении духовных нужд беженцев (школа, приход, участие духовенства, требы и т. д.). C'est une mer à boire**. Если принять во внимание, что я должен председательствовать в этой комиссии и собирать материалы для работ ее, участвовать в двух других комиссиях о беженцах, руководить заседанием попечительского ко-

---

* Точнее — Особого совещания по устройству беженцев (при судебном ведомстве), куда вошел и Кони. На первом заседании Особого совещания 10 сентября 1915 года, состоявшемся под председательством министра юстиции, Кони выступил с речью.

** Очень трудное дело (*франц.*).

митета судебного ведомства о жертвах войны и председательствовать в очередном заседании Благотв[орительного] общ[ества] судебн[ого] ведомства, то окажется, что и на будущей неделе у меня не будет свободных и — главное — спокойных 2 часов...»

И день спустя о том же — С. П. Мельгунову, редактору журнала «Голос минувшего»: «О себе могу сообщить мало утешительного. Сердце мое по временам совсем хочет отказаться работать и заставляет испытывать большие страдания, а война навалила на меня «бремена неудобноносимые» в виде председательствования в трех комитетах, имеющих дела с больными и ранеными, и участия в Особом совещании о беженцах и в его многочисленных комиссиях. Все это поглощает все мое время без остатка».

Осенью того же 1915 года Анатолию Федоровичу довелось пережить грустные дни, проводив в последний путь Марию Гавриловну Савину, скончавшуюся 8 сентября от паралича сердца. Зато конец месяца был ознаменован для Анатолия Федоровича событием другого плана: передовая общественность России широко и торжественно отметила полувековой юбилей службы Кони на ниве правосудия. Не было, кажется, газеты или журнала, которые бы не откликнулись на него. Вот характерные заголовки газетных и журнальных статей: «Полвека на славном посту: судья» («Биржевые ведомости»), «Полвека на славном посту: человек», «Полвека на славном посту: ученый», «На славном посту: писатель» (там же); «На судейском посту» («Новое время»); «Великий мемуарист» («Вестник литературы»); «Гаситель пошлости» («Волгарь»), «Полвека работы А. Ф. Кони» («Вестник права»); «Художник русского слова» («Южное слово», Симферополь). Вышли к этому юбилею и книги.

30 сентября в течение всего дня продолжалось настоящее паломничество в дом на Надеждинской: Ана-

толия Федоровича посещали делегации и отдельные лица, приносившие юбиляру поздравления и приветствия. Делегацию от академической группы Государственного совета возглавлял академик Максим Максимович Ковалевский — историк, правовед, социолог и публицист, профессор Петербургского университета. Затем Анатолия Федоровича приветствовала делегация от петроградского совета присяжных поверенных, в которую вошли все члены этого совета во главе с его председателем присяжным поверенным Н. П. Карабчевским *. Приходили делегации от адвокатского художественного кружка, который учредил стипендию имени А. Ф. Кони для детей беженцев; от медицинского совета, который избрал Анатолия Федоровича первым своим почетным членом; от Общества русских врачей; от женщин-юристок; от старообрядцев, права которых долгие годы отстаивал Кони, и от Александро-Невского братства трезвости...

Поток писем и телеграмм из многих городов страны буквально захлестнул юбиляра. Приведем здесь текст лишь одной из телеграмм — от редакции еженедельника «Вестник права», выходившего в Москве: «Глубокоуважаемый Анатолий Федорович! В день, когда исполняется полвека Вашего служения русской общественности, «Вестник права» хотел бы сказать Вам, как бесконечно он уважает того, кто всю жизнь был вестником справедливого права, кто отдал все свои силы делу правосудия, поднял до недосягаемой высоты звание судьи и никогда и нигде не забывал человека. Будьте же нам вестником добра и права еще долгие, долгие годы».

---

* Николай Платонович Карабчевский (1851—1925) — выдающийся русский адвокат, пользовавшийся большим уважением и дружбой Кони, Короленко, Куприна. А. И. Куприн, которому очень импонирует Карабчевский, вывел его в ряде своих произведений (в рассказе «Начальница тяги», в повести «Яма» — адвокат Рязанов). Осенью 1913 года Карабчевский блестяще выиграл в Киеве прогремевшее на всю Россию «дело Бейлса».

Поступили телеграммы от директора Петроградской консерватории композитора А. К. Глазунова, К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, от М. Н. Ермоловой и И. Е. Репина, В. М. Бехтерева, от адвокатов и мировых судей, сенаторов и губернаторов и многих, многих других.

3 октября, после продолжительного перерыва, вызванного войной, состоялось общее собрание Юридического общества под председательством М. М. Ковалевского, посвященное юбилею Кони. Доклад сделал профессор Петроградского университета М. П. Чубинский. Он, в частности, сказал: «В течение всей своей судебной деятельности Анатолий Федорович является тем, что называется живой совестью русского правосудия. Он не утратил с годами ни деятельной любви к людям, ни той доброй и живительной веры в общечеловеческие идеалы и в грядущую победу истинной законности и правды, которая неизменно звучит в его речах и трудах и неуслышно гласит: „Vivos voco!“» *

Чествование Кони в связи с его юбилеем, принявшее столь широкий размах, несмотря на трудности военного времени, явилось своего рода вызовом прогрессивной общественности силам реакции и мракобесия, которые вели страну к неизбежной катастрофе. Зловещей раковой опухолью на государственном организме стала распутинщина. Страна приближалась к пропасти, и спасти ее могла только революция.

Как и все честные люди России, Кони воспринимал Распутина и распутинщину с отвращением и негодованием, что нашло затем отражение в воспоминаниях Ко-

---

* «Vivos voco!» (лат.) — «Зову живых». Первая строка надписи на колоколе Шафгаузенского собора в Швейцарии. Шиллер избрал эти слова эпиграфом к своей «Песне о колоколе». И герценовский «Колокол» имел девиз: «Vivos voco!» (Две последующие строки надписи на колоколе такие: «Mortuos plango. Fulgura frango», то есть: «Оплакиваю мертвых, Укрощаю молнии».)

ни о Николае II, в которых он называет Распутина негодяем. Резко осуждая императрицу за многое, Кони подчеркивает, что ей никогда нельзя простить того презрения, с которым она относилась к русскому народу, но еще более нельзя ей простить и даже понять введение собственных дочерей в круг влияния Распутина.

Осенью 1916 года Кони, которому шел семьдесят третий год, составил духовное завещание. К тому времени он обладал уже довольно значительным состоянием — в форме банковских вкладов и ценных бумаг. Собственно-ручной текст этого завещания хранится в отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

В краткой преамбуле завещания прежде всего указывается на источник образовавшихся накоплений: это вознаграждения за преподавательскую работу и литературные гонорары. Деньги, лежавшие в банках, и проценты на них, а также доходы с государственных процентных бумаг Анатолий Федорович завещал, в первую очередь, благотворительному обществу судебного ведомства — 26 тысяч рублей. Далее — Петроградскому обществу вспомоществования мальчикам, обучающимся мастерству и ремеслам, — 10 тысяч рублей. 24 тысячи рублей билетами внутренних займов — Московскому городскому общественному управлению, с тем чтобы на проценты с этого капитала в городском приюте для беспризорных детей имени Ф. П. Гааза были учреждены двенадцать стипендий. Юридическому обществу при Петроградском университете — 3 тысячи рублей; императорской Академии наук — 3 тысячи; Петроградскому женскому медицинскому институту — 6 тысяч; Петроградскому женскому педагогическому институту — 6 тысяч; детскому приюту села Смоленского за Невской заставой — 4 тысячи рублей; убежищу для смолянок — 2 тысячи; обществу «Детская помощь», учрежденному в Петрограде Надеждой Васильевной Стасовой, — тысячу

рублей; Петроградскому обществу народных университетов, в память Максима Максимовича Ковалевского, — 3 тысячи; Петроградскому обществу защиты детей от жестокого обращения — 2 тысячи; Обществу вспомоществования нуждающимся воспитанникам Александровской (бывшей Второй) гимназии в Петрограде («...где я учился с 1858 по 1861 год») — 3 тысячи; училищу св. Анны при лютеранской церкви в Петрограде («...в которой я учился с 1855 по 1858 год») — тысячу рублей для пособия из процентов с этой суммы беднейшим ученикам; постоянной при Академии наук комиссии для пособия нуждающимся литераторам, ученым и публицистам...

Нет возможности перечислять дальше, но уже и приведенного вполне достаточно, чтобы видеть, какого характера было духовное завещание Кони.

Из родственников Анатолия Федоровича в конце документа фигурируют его сводная сестра Людмила Федоровна Грамматчикова и племянник Борис Евгеньевич Кони.

Однако по причинам, не зависевшим от Анатолия Федоровича, завещанию не суждено было никогда вступить в силу. В результате национализации банков и капиталов после революции духовное завещание Кони утратило силу, превратившись из юридического документа в документ археографический, имеющий ценность лишь для историков и биографов.

«Я ВЕРИЛ И ВЕРЮ В РОССИЮ»

Прошли считанные недели после штурма Зимнего и Второго съезда Советов, взявшего власть в свои руки. Созданный съездом Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным делал свои первые шаги. Образованные взамен старых министерств народные комиссариаты существовали пока больше на бумаге. Курьеры да несколько ответственных работников — вот и всё, что составляло наркомат. Старые чиновники, то есть основные служащие прежних министерств, в подавляющей своей части отказывались признавать новую власть и служить ей, саботировали ее распоряжения. Саботажников пришлось уволить, а найти им замену было не так-то просто.

Пустовало и большинство кабинетов Наркомата просвещения, занявшего здание бывшего министерства у Чернышева моста (ныне — площадь Ломоносова). Нарком Луначарский, не зная сна и отдыха, искал работников, которые бы хоть что-то понимали в деле народного образования и на которых можно было бы опереться. В один из таких беспокойных дней кто-то из ближайших помощников сказал Луначарскому:

— Анатолий Федорович Кони очень желал бы познакомиться с вами и побеседовать. К сожалению, он сильно болен, плохо ходит, а откладывать беседу ему не хотелось бы. Он надеется, что вы будете так любезны —

заехать к нему на часок. Он живет на Надеждинской, дом три, квартира пятнадцать.

«Я, конечно, прекрасно понимал,— пишет Луначарский,— всю исключительную значительность этого блестящего либерала, занявшего одно из самых первых мест в нашем передовом судебном мире эпохи царей. Мне самому чрезвычайно хотелось видеть маститого старца и знать, что, собственно, хочет он мне сказать, мне — пролетарскому наркому, начинающему свою деятельность в такой небывалой мировой обстановке.

И пролетарский нарком отправился на Надеждинскую улицу к действительному тайному советнику, члену Государственного совета, сенатору Кони — не отмененные Временным правительством, все эти высшие чины и звания формально пока сохранялись, ибо будут упразднены решением Совнаркома лишь некоторое время спустя, в декабре 1917-го. Анатолий Федорович принял наркома в своем кабинете, который еще хранил, по словам Луначарского, все следы его нормальной жизни: большое количество книг, удобные кресла вокруг стола.

«Кони встал на своих нестойких ногах, но я поспешно попросил его сесть,— читаем далее в воспоминаниях наркома.— Свои острые колени он накрыл чем-то вроде пледа и довольно пристально разглядывал меня, пока я усаживался... Лицо его было совсем желтым, словно старая слоновая кость, да и черты его казались вырезанными очень искусным, тонким резчиком по слоновой кости, такие определенные в своем старчестве, такие четкие и изящно отточенные...»

И далее Луначарский признаётся, что когда шел к Кони, то был почти убежден, что тот непременно обратится к нему с какой-нибудь просьбой. Времена-то ведь были исключительно трудные, даже самые простые условия быта, особенно для старого человека, привыкшего жить комфортно и обеспеченно, стали недоступны. В полутемном кабинете было так холодно, что Луначар-

ский даже пожалел о снятом в передней пальто. А Кони, словно угадав ход мыслей наркома и оттого даже испугавшись, поспешил опровергнуть их.

— Мне лично решительно ничего не нужно, — сказал Анатолий Федорович. — Я разве что хотел спросить вас, как отнесется правительство, если я по выздоровлении кое-где буду выступать, особенно с моими воспоминаниями. У меня ведь чрезвычайно много воспоминаний. Я записываю их отчасти, но очень многое не вмещается на бумагу. Кто знает, сколько времени я проживу! Людей, у которых столько на памяти, как у меня, очень немного.

— Наркомпрос будет весьма сочувствовать всякому вашему выступлению с соответствующими воспоминаниями, будь то в письменной форме или в форме лекций.

— Впрочем, я очень плохо себя чувствую, и я совсем калека, — горько вздохнул Кони. Он немного помолчал, а потом заговорил, да так, что, по словам Луначарского, тут сразу можно было узнать Анатолия Федоровича, с его непревзойденной по своей логике и образности речью.

«Он говорил мне, что решил пригласить меня для того, чтобы сразу выяснить свое отношение к совершившемуся перевороту и новой власти. А для этого он-де хотел начать с установления своего отношения к двум формам старой власти — к самодержавию и к Временному правительству».

И далее — «с огромным презрением, презрением тонкого ума и широкой культуры» — Кони, глядя сверху вниз на царей и их приближенных, начал свой рассказ, изобилующий меткими наблюдениями и характеристиками, об Александре II и Александре III, а говоря о Николае II, только махнул рукой.

Потом Кони говорил о бездарности царских министров, об их бесчестности и безответственности, склонности к постоянным интригам, об их жалком бюрократическом вырождении. А какие слова адресовал он Времен-

ному правительству! Даже судорога сарказма пробежала по его большим губам.

Кони задумался и, взглянув на Луначарского косым, внимательным и недоверчивым взглядом, произнес медленно, как бы размышляя вслух:

— Может быть, я очень ошибаюсь. Мне кажется, что последний переворот действительно великий переворот. Я чувствую в воздухе присутствие истинно сильной власти. Да, если революция не создаст диктатуры — диктатуры какой-то мощной организации, — тогда мы, вероятно, вступим в смутное время, которому ни конца ни края не видно и из которого бог знает что выйдет, возможно даже крушение России. Вам нужна железная власть и против врагов, и против самих себя! Ведь в таком быстро организуемом правительственном аппарате, который должен охватить землю от Петербурга до последней деревушки, всегда попадается множество сора. Придется резко критиковать самих себя. А сколько будет и ошибок, болезненных ошибок, ушибов о разные непредвиденные углы! И все же я чувствую, что в вас действительно огромные массы приходят к власти. Тут на деле открывается возможность широчайшего подбора властителей по доверию народа, проверенных в работе... Что же, я верил и верю в Россию, я верил и верю в гиганта, который был отравлен, опоен, обобран и спал. Я всегда предвидел, что когда народ возьмет власть в свои руки, это будет в совсем неожиданных формах, совсем не так, как думали мы — прокуроры и адвокаты народа. И так оно и вышло. Когда увидите ваших коллег, передайте им мои лучшие пожелания.

Итак, Анатолий Федорович во время этой встречи выразил не только полную лояльность по отношению к Советской власти через одного из высших ее представителей, но и признание ее целей, готовность сотрудничать с нею. Естественно, что, когда некоторое время спустя Анатолию Федоровичу, как и многим другим «бывшим»,

Советское правительство предложило, если он того пожелает, выехать за границу, Кони решительно отказался.

— Когда больна мать-родина, сын должен остаться около нее,— был его ответ.

В начале января 1918 года Кони был избран профессором Первого Петербургского (ныне — Ленинградского) университета по кафедре уголовного судопроизводства, а затем Второго Петербургского университета, просуществовавшего, впрочем, недолго — около двух лет. Этот университет был образован на базе Психоневрологического института, который открылся за несколько лет до революции как вольная частная школа, учрежденная научной общественностью Петербурга. Разместился он за Невской заставой, на углу Казачьей улицы и улицы Первого Луча (ныне — улица Бехтерева, 3), в здании, специально построенном для него на средства, собранные общественностью. Инициатором и фактическим главой института был В. М. Бехтерев, председатель Русского общества нормальной и патологической психологии.

В мае 1918 года Психоневрологический институт стал государственным и получил наименование Второго Петербургского (Петроградского) государственного университета. Он состоял из нескольких факультетов (педагогического, юридического, медицинского, естественно-исторического), которые имели общую направленность и цель — всестороннее изучение человеческой личности, то есть как в биологических, так и в социальных проявлениях. Неудивительно, что преемниками Второго Петроградского университета стали несколько медицинских научных учреждений. А с его преобразованием прекратилась в нем и преподавательская деятельность Кони.

Однако нагрузка Анатолия Федоровича и без того была более чем достаточной. Помимо чтения лекций в так называемом Железнодорожном университете, кото-

рый существовал тогда при Доме просвещения Мурманской железной дороги (Моховая улица, 43) и вел культурно-просветительную и профессионально-техническую работу среди рабочих и служащих дороги как в самом Петрограде, так и на дистанциях, Анатолий Федорович начал преподавать курс этики общежития в Петроградском кооперативном институте (набережная Фонтанки, 17) и курс ораторского искусства в Институте живого слова, где затем также прочел курс этики общежития. Это были совершенно новые учебные заведения, созданные Советской властью для детей трудящихся, жаждавших знаний.

Образованный при театральном отделе Народного комиссариата просвещения Институт живого слова — детище А. В. Луначарского — являлся высшим учебным и научно-исследовательским заведением. Выступая на открытии института 15 ноября 1918 года, Луначарский, в частности, сказал: «Нужно вернуть человеку его живое слово; это может быть понято всесторонне, многогранно. Это значит проложить правильные пути между внутренним человеческим миром и словесным его выражением, включая в словесное выражение ту эмоцию, те окраски, тот тембр, ритм, тот аккомпанемент, которые входят как нераздельные явления в человеческую речь. Я настаиваю на том, что искусство речи глубоко психологично и глубоко социально. То, что я знаю много слов, что я говорю без запинки,— это еще не значит, что я умею говорить. Умеет говорить человек тот, кто может высказать свои мысли с полной ясностью, выбрать те аргументы, которые особенно подходящи в данном месте или для данного лица, придать им тот эмоциональный характер, который был бы в данном случае убедителен и уместен».

Свою выразительную речь Луначарский закончил так: «Есть эпохи, в которых свобода речи признаётся окончательно или становится обязательной, хотя бы ей

пришлось прокладывать путь через препоны, когда слово оказывается острым орудием борьбы, самым совершенным, каким человек располагает, именно потому, что искусство заражать есть искусство убеждать, и тогда каждый стремится к тому, чтобы быть этим словом вооруженным не только для того, чтобы провести свои идеи, защитить свои интересы и отразить чужое нападение, но чтобы участвовать в том многоголосом хоре, в который складывается в конце концов этот хаос политической борьбы в данном народе в данное время. Участвовать как равноправному, имеющему свою определенную партию. Человек, который молчит в эпоху политических кризисов, это получеловек. Он обязан говорить. Он обязан говорить даже тогда, когда сказать полностью свое слово означает рисковать.»

Речь наркома очень понравилась Анатолию Федоровичу. Ему, человеку твердых убеждений, всегда имевшему «свою определенную партию» и умевшему блестяще выразить и защитить ее, эта речь была близка и по духу, и по мысли.

Размещался Институт живого слова сперва в здании бывшего Павловского института (привилегированного женского учебного заведения) на Знаменской улице, дом 8 (ныне — улица Восстания, 8), а затем в доме 7 на площади Александринского театра (ныне — площадь Островского, 7).

Нагрузка, которую взвалил на свои плечи семидесятипятилетний, согбенный дугою, с большими ногами, передвигающийся на двух костылях старик, может показаться поистине феноменальной. В университете — четыре лекции в неделю; в Институте живого слова — шесть лекций в неделю; в Железнодорожном университете — две лекции в неделю. А сколько лекций и выступлений с воспоминаниями в самых различных аудиториях — перед красноармейцами, курсантами, рабочими, медиками... И все это — в нетопленных, промозглых по-

мещениях, в разных частях города, а то и в пригородах. Как только у него хватало сил и характера, сколько надо было иметь мужества и доброй воли, чтобы так вот повсюду поспевать, не теряя оптимизма и веры!

В фонде А. Ф. Кони, хранящемся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, есть листок с автобиографией Анатолия Федоровича, написанной им собственноручно и озаглавленной «Curriculum vitae с 1907 г.»*. Перечислив учебные заведения, в которых он преподавал после Октября, Кони далее пишет: «Лекции в Доме ученых, в городской думе (на съезде психиатров); в Доме литераторов; в Доме Герцена; в Пушкинском доме; в Толстовском музее; в клубе Института гражданских инженеров; в Доме просвещения (на Владимирской, 12); в Обществе охраны и изучения Петербурга; в Обществе охраны материнства и младенчества; в училище св. Анны, в Политехническом институте; в Военно-медицинской академии; в Пироговском обществе; в Женском медицинском институте и др., а также в Детском Селе и в санатории Дома ученых там же».

Кажется, не было в Петрограде начала 20-х годов такого учреждения, куда бы не приглашали выступить Анатолия Федоровича, и никто никогда не знал от него отказа.

Отметим, что упомянутый Кони Дом литераторов размещался в доме 11 по Бассейной улице (до 1917 года там находился игорный дом). Его деятельностью руководила коллегия по управлению домом, имела также литературно-научная коллегия. А. Ф. Кони был членом Дома литераторов. В январе 1921 года, в 84-ю годовщину со дня гибели А. С. Пушкина, он произнес там взволнованную речь, посвященную поэту, которого горячо любил и высоко чтит. Кроме того, Кони являлся

---

* Краткое жизнеописание (лат.).

также членом литературного отдела Дома искусств (набережная Мойки, 59), объединившего писателей, художников и музыкантов и ставшего в те трудные дни активно действующим очагом культуры для всего города. Кони выступал там с воспоминаниями о Тургеневе, Достоевском, Толстом. Его воспоминания послужили темой двух вечеров. В числе других писателей и художников, проживавших тогда в Доме искусств и слушавших Кони, были также баронесса В. И. Икскуль, старая знакомая Анатолия Федоровича, и старейшая писательница Е. П. Леткова-Султанова.

Кони не только читал лекции в институтах, не только выступал перед самыми различными аудиториями. Не обходились без его участия и собрания Союза деятелей художественной литературы, проходившие обычно в помещении издательства «Всемирная литература», созданного после революции А. М. Горьким (оно размещалось в особняке на Моховой улице, 36). Горький же вовлек большинство писателей Петрограда и в названный выше союз, предпринимал шаги к его активизации, стремился обратить внимание этой профессиональной организации прежде всего на проблемы творческие. Заседания членов союза проходили иногда и в квартире Горького — в доме 23 по Кронверкскому проспекту (ныне — проспект М. Горького, 23), а однажды — это было в марте 1919 года — заседание состоялось в квартире К. И. Чуковского (Манежная улица, 6). На одном из заседаний Кони наряду с Горьким и Куприным был избран в арбитражную комиссию, а также в редакционную коллегию, в которую вошли А. М. Горький, А. А. Блок, Ю. Л. Слэзкин, В. Я. Шишков и другие писатели.

В апреле 1919 года Кони участвовал в публичных выступлениях перед трудящимися Петрограда вместе с журналистами А. В. Амфитеатовым, А. А. Измайловым, писателями А. И. Куприным, Вас. Ив. Немировичем-Данченко, артистом Александринского театра Г. Г. Ге

(племянником известного художника). Вечера проходили в Тенишевском зале на Моховой и посвящались Чехову. В нетопленном зале было ужасно холодно, люди сидели в пальто, шубах, шапках, и лишь выступавшие, поистине героически, выходили на эстраду в костюмах, при белых воротничках и галстуках, без головных уборов.

Союз деятелей художественной литературы просуществовал недолго. В конце апреля того же 1919 года он прекратил свою деятельность, поскольку Народный комиссариат просвещения отказал ему в финансировании. Некоторое время спустя его преемником стало Петроградское отделение Всероссийского союза писателей, правление которого проводило свои заседания также в помещении издательства «Всемирная литература» на Моховой. «Союз ставит себе целью,— говорилось в его статусе,— объединение всех писателей на почве защиты их профессиональных и духовных интересов». Кони не только вошел в него, но и был избран наряду с четырьмя другими литераторами в состав судей чести.

Всюду Анатолий Федорович «выступал с величайшей охотой и с неизменным успехом,— свидетельствует К. И. Чуковский.— Читал о Пушкине, о Льве Толстом, о Пирогове, о воспитании детей, о перевоспитании преступников, об этике общежития и, конечно, о своем любимом человеколюбце Гаазе. У него было великое множество тем, но, о чем бы он ни читал, всякая его лекция звучала как моральная проповедь, всякая упорно твердила о том, как прекрасна человеческая совесть, сколько счастья в служении добру. О чем бы он ни говорил, в каждой лекции слышался один и тот же неизменный подтекст:

Напутствовать юное хочется мне поколение,
От мрака и грязи умы и сердца уберечь.

Голос у него тогда был слабый, стариковский, простуженный, но слушали его с таким жадным вниманием, что шепот его доходил до самых далеких рядов».

Кони постоянно думал о юном поколении, о его будущем, общение с молодежью доставляло ему особенное удовольствие и радость. Но и молодых тоже влекло к нему, притягивало словно магнитом.

А. П. Андреева, которая проработала в органах советской юстиции тридцать пять лет и которой, по собственным ее словам, посчастливилось не только видеть Анатолия Федоровича Кони и на протяжении трех лет слушать его лекции в Петроградском кооперативном институте, но и быть принятой им лично и с ним беседовать, свидетельствует: «Студенчество ревностно следило за тем, где и когда предполагается лекция Анатолия Федоровича, стараясь не пропустить ни одной из них... На какие только запросы не откликался Кони! Каких проблем он не затрагивал!.. С его лекций мы уходили в приподнятом настроении, взволнованными и счастливыми от сознания, что не в пример большинству профессоров-наставников... Анатолий Федорович делился с нами сокровищами своих разносторонних знаний и с готовностью отвечал на любые вопросы».

Следует, однако, заметить, что, хотя имя Кони для начинающего юриста было, можно сказать, легендарным и молодое поколение считало его «живущей вечностью», юридический факультет, как таковой, не был тогда в моде и привлекал к себе не многих. Царские законы и суды революция сдала в архив истории, новых кодексов, за исключением трудового, а также о браке и семье, еще не было. Более того, многие смотрели на юристов как на классовый пережиток, как на никчемный осколок недавнего прошлого. Были и такие, кто доказывал вредность и ненужность юридических факультетов в социалистическом государстве, где не должно быть места ни преступникам, ни преступлениям. Такие рассуждения, довольно популярные в те годы, действовали на молодежь дезориентирующе. Они зародили серьезные сомнения и в сердце девятнадцатилетней Анны Андреевой,

приехавшей в Петроград с Рязанщины и поступившей на юридический факультет. «С кем поговорить? Кому открыть душу и получить наставление и совет?» Анна решила обратиться к Кони и написала ему лихорадочное исповедальное письмо. Некоторое время спустя она получила приглашение на Надеждинскую.

В кабинете Кони было холодно — на дворе зима. На Анатолии Федоровиче — летнее пальто, шапочка на голове, а на руках перчатки без двух пальцев на правой руке. Он сидел за письменным столом, очень усталый и болезненный на вид. В ответ на извинение Анны за то, что она затрудняет его, Анатолий Федорович пригласил ее сесть и тотчас начал говорить:

— Я с волнением прочитал ваше письмо.— Голос Кони звучал глухо, чувствовалось, что ему трудно говорить, и девушка напряженно ловила каждое слово, только бы не пропустить.— Отрадно, что среди молодежи есть такие трепетные натуры, ищущие свое место в жизни. Мне хочется скорей успокоить вас и убедить в том, что стоите вы на правильном пути и видите свое определенное место в жизни. Вам говорят окружающие, что адвокатура и вообще судебно-прокурорская деятельность не женское дело и что юристы вообще не нужны. Это неверно! Юристы нужны в любом обществе и любом государстве. Не сможет обойтись без них и современное молодое государство. Появятся кодексы, неизбежно будут созданы судебно-прокурорские учреждения, будет и адвокатура.

Немного передохнув, Кони продолжал:

— Не правы те, кто утверждает, что юстиция не женское дело. Еще во времена старого правительства я всячески пытался доказать необходимость участия женщин в судебной деятельности. Поставленные молодым государством задачи грандиозны. Народ темен и неграмотен, очень нужны грамотные, культурные люди, в том числе юристы.

Кони встал, подошел к девушке, по-стариковски благословил и поцеловал в лоб. «Идите, идите по избранному пути и не думайте, что это утопия». Она горячо поблагодарила Анатолия Федоровича, его слова буквально окрылили ее.

Выше упоминалось, что Кони читал наряду с другими лекциями также курс, озаглавленный им «Этика общежития». Раньше ни в одном учебном заведении такого курса не было. Анатолий Федорович разработал его впервые в расчете на определенную аудиторию. Курс целиком был обращен именно к рабоче-крестьянской молодежи, которой предстояло созидать новое, социалистическое общество. Что представлял собою курс этики общежития? Вот как расшифровывал это сам Кони в одном из автобиографических набросков-отчетов:

краткий разбор нравственных учений выдающихся мыслителей;

посильное разрешение вопросов, возникающих в областях:

- а) судебной (учение о поведении судебного деятеля);
- б) врачебной (врачебная тайна, явка к больному, откровенность с ним, гипноз, вивисекция и т. д.);
- в) экономической (различные источники дохода);
- г) политической (свобода совести, веротерпимость, права отдельных народностей и их языка и т. д.);
- д) в области общественного порядка (развлечения и жестокие зрелища);
- е) литературы, искусства и театра;
- ж) в областях воспитания и личного поведения.

Таким представлялся Анатолию Федоровичу диапазон понятия «этика общежития», и это в те дни, когда некоторые «архиревOLUTIONеры» причисляли этику, равно как и юстицию, к буржуазным пережиткам, вредным для победившего пролетариата. Однако молодежь, к чести ее, в массе своей охотнее внимала бывшему сенатору, чем пролеткультовским геростратам.

ШАГИ ВРЕМЕНИ

В октябре 1919 года Петроград переживал трудные дни. Над ним нависла угроза белогвардейского нашествия. Войска генерала Юденича начали второй (первый состоялся в мае и потерпел неудачу) поход на Петроград и вышли на ближние подступы к городу. Были заняты Гатчина, Красное Село, Детское Село. 21 октября оборонявшая город 7-я армия при поддержке Балтийского флота перешла в контрнаступление, а 26-го — и 15-я армия.

Именно в те дни в Петрограде был раскрыт крупный белогвардейский заговор, участники которого намеревались нанести удар изнутри, способствуя захвату города войсками Юденича. Петроградская ЧК вскрывала звено за звеном заговорщическую сеть, ликвидировала ее очаги, испытывая инстинктивную подозрительность ко всем «бывшим», независимо от того, как и чем проявили они себя за минувшие после революции два года. Принцип «лучше схватить сто невинных, чем упустить одного виновного» уже начинал действовать. Да ведь и во главе заговора стоял один из «бывших» — полковник В. Г. Люндеквист, занимавший одно время пост начальника штаба 7-й армии.

Проявила ЧК интерес и к бывшему действительному тайному советнику, сенатору, члену Государственного совета, почетному академику А. Ф. Кони. И вот 23 ок-

тября в квартире Анатолия Федоровича появились «комиссары с Гороховой» с ордером № 9871. Начался обыск...

Согласно сохранившемуся протоколу, составленному неким комиссаром ВЧК Кондратьевым, «задержанный гражданин Кони Анатолий» был доставлен «куда следует» (по-видимому, на Гороховую, 2).

В протоколе были перечислены и изъяты у задержанного ценности: золотая медаль «От Академии наук»; золотая Пушкинская медаль (именная!); еще одна такая же медаль; серебряная медаль в честь 100-летия Министерства финансов; такая же в честь 100-летия Министерства юстиции; такая же в честь 100-летия Московского университета, принадлежавшая ранее профессору П. А. Плетневу (первому биографу Пушкина, многолетнему ректору столичного университета) и переданная затем его вдовой Анатолию Федоровичу; такая же медаль к открытию памятника Александру II в Москве; медаль с изображением памятника Лютеру в Вормсе; бронзовые медали с изображением Гёте и Шиллера; брелок, поднесенный Кони Александровским лицеем; брелок, поднесенный мировыми судьями; брелок, поднесенный литературно-художественным кружком имени Я. П. Полонского; золотой юбилейный значок доктора уголовного права; серебряный жетон «Вестника Европы»; юбилейный медальон благотворительного общества «Трудовая помощь».

Перечень изъятых ценностей говорит сам за себя. Все они, без исключения, имели мемориальный характер и являлись уникальными историческими реликвиями, подлинная ценность которых для культуры, для общества несопоставима ни с какой номинальной их стоимостью.

Никаких других сокровищ (если не считать книг библиотеки, но они ЧК не интересовали) в «буржуазной квартире» бывшего сенатора обнаружено не было, да их

и не существовало, потому что он со студенческой скамьи жил только своими трудами и накопительством, каким бы то ни было, никогда не занимался. Ни золото, ни бриллианты ему были не нужны.

24 октября Кони был освобожден из-под ареста. Остается, правда, неясным, кто конкретно распорядился о его аресте и от кого исходило распоряжение о его освобождении на следующий же день. Во всяком случае во всей этой истории Петроградская ЧК проявила себя не лучшим образом.

Домой из комендатуры Кони вернулся налегке. Все, что находилось при нем, включая паспорт, тоже осталось «где положено», а потому, придя немного в себя от шока, Кони пишет письмо «гражданину коменданту Бозе»:

«Покорнейше прошу Вашего распоряжения о передаче подательнице сего оставленных мною вчера в комендатуре вещей, взятых мною с собою при моем аресте.

Вместе с [неразб.] очень прошу Вас, согласно Вашему вчерашнему обещанию, способствовать выдаче мне обратно [изъятых] у меня документов и моего личного паспорта, удостоверений о моей службе и т. п., а также записной книжки, без коих я не могу беспрепятственно следовать по улицам, а также иметь адресные и телефонные сведения о знакомых и необходимые мне ввиду моего преклонного возраста и болезненного состояния [...], и наличных у меня лишь 118 р., я просил бы Вашего [содействия] о выдаче мне [взятых] при аресте у меня денег, всего или, в крайнем случае, суммы в 10 т. р.*

Исполнением настоящей моей просьбы Вы меня пренного обяжете».

---

* Надо иметь в виду, что деньги были уже совершенно обесценены и 10 тысяч рублей — это небольшая сумма, а 118 руб. — просто гроши. К примеру, один экземпляр журнала «Былое» стоил 100 рублей.

Следующее письмо — «председателю Чрезвычайной следственной комиссии * гражданину Бакаеву»:

«При освобождении моем, 24 октября с. г., из-под ареста — просьба моя о возвращении изъятых у меня при обыске вещей была признана Вами уважительной и был дан ордер об ее удовлетворении (за исключением цепи мирового судьи**), которое, однако, не состоялось.

[...] Обращаюсь к Вам с просьбой осуществить первоначальное распоряжение Ваше и тем самым избавить меня от совершенно незаслуженного мною лишения предметов, составляющих воспоминание о моих литературных и ученых трудах и об общественной деятельности.

Профессор, академик Академии наук А. Кони.
№ ордера был 2087. С указанием на ордер № 9871».

Кони абсолютно точен в своей ссылке на документы. 25 октября, на официальном бланке Чрезвычайной комиссии, был выписан ордер за № 2087 такого содержания:

«Возвратить по ордеру № 9871 (по которому Кони был арестован.— В. С.)... гр. Кони мундира сенаторских 2,

брелоки, медали, медную цепь (мирового судьи.— В. С.) конфисковать, кв[итанция] 6431».

Казалось бы, все ясно. Однако хлопоты о возврате изъятых вещей растянулись почти на полгода.

27 ноября 1919 года, то есть по прошествии уже месяца и двух дней после выдачи ордера за № 2087, ценности все еще не были возвращены. Отдел общих дел Комиссариата народного просвещения, куда Кони обра-

---

* Кони назвал ЧК не совсем точно — видимо, по аналогии с Чрезвычайной следственной комиссией для расследования преступлений самодержавия, учрежденной Временным правительством.

** Кстати, цепь была не золотая, не серебряная, а медная. Причина ее изъятия неясна.

тился за помощью и содействием, на своем официальном бланке отправил письмо в исполком Петросовета. В соответствии с «Положением о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях», утвержденным Президиумом ВЦИК 28 октября 1918 года, местные чрезвычайные комиссии комплектовались местными Советами или их исполкомами на равных правах с остальными их отделами, причем члены местных ЧК назначались и отзывались исполкомами. Отсюда и обращение в исполком Петросовета, а не в ЧК непосредственно.

«Отделу народного образования при Петроградском городском Совдепе,— говорилось в нем,— известно, что вещи, отобранные у известного общественного деятеля и почетного академика А. Ф. Кони при его аресте, до сих пор не возвращены, несмотря на ордер ЧК за № 2087.

Академик А. Ф. Кони является популярнейшим общественным деятелем, работающим с давних пор в тесном контакте с Наркомпросом и сыгравшим видную роль при демократизации преподавания. Читая лекции во многих высших учебных заведениях, в Пролеткульте и пролетарском железнодорожном политехникуме, он всюду пользуется огромной популярностью в пролетарских аудиториях.

Имея в виду все вышесказанное, Компрос убедительно просит вернуть А. Ф. Кони отобранные вещи и медали, которые представляют из себя ценность исключительно как память о научной деятельности».

Подписал документ товарищ народного комиссара по просвещению З. Гринберг.

В ответ на это обращение появляется новый документ — «Служебная записка» на бланке члена коллегии Отдела управления Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Текст предельно краток: «Тов. Беляеву. С максимальной внимательностью прошу установить причины недоразумения с очень уважаемым

А. Ф. Кони и о результатах поставить меня в известность.

Б. Каплун».

Время идет, но дело ни с места. Появляются на свет лишь всё новые и новые «авторитетные» бумаги.

«РСФСР. Союз коммун Северной области. Отдел советского управления Комиссариата по внутренним делам (площадь Урицкого, 6). 11 декабря 1919 года.

У до ст о в е р е н и е

Настоящее дано сотруднице Отдела управления при Петроградском Совете рабочих и красноармейских депутатов тов. Марии Карловне Ойям в том, что она командирована по делу об отобрании вещей у почетного академика А. Ф. Кони.

Вследствие изложенного Отдел управления Петроградского Совета просит все учреждения и лиц оказывать тов. Ойям всяческое содействие и не чинить никаких препятствий при исполнении ею служебных обязанностей, что подписью и приложением печати удостоверяется». (Подпись того же Б. Каплуна.)

Для выполнения возложенной на нее миссии М. К. Ойям отправляется в ЧК, где 15 декабря получает на руки распоряжение за № 2761, подписанное членом президиума, дежурным секретарем и заверенное круглой печатью, которое гласит: «Возвратить по ордеру... гр. Ойям М. К. по доверенности Кони А. Ф. вещи по квитанции № 6431».

Однако тут выясняется, что вещей А. Ф. Кони в кладовой ЧК... нет: они якобы отправлены в Народный банк. Б. Каплун срочно пишет заместителю комиссара Народного банка: «Согласно личным с вами переговорам вчера по телефону, направляю к вам сотрудницу информационно-инструкторского подотдела товарища М. К. Ойям для дачи сведений по вопросу о розыске личных наградных знаков профессора А. Кони, сданных

в Народный банк Петроградской губчека. К сожалению, № документа, по которому были сданы эти знаки, установить не представляется возможным»...

Прошло почти три месяца после злополучного обыска, а Кони все еще продолжал хлопоты. 14 января 1920 года он направил письмо, судя по обращению и содержанию, Б. Каплуну о том, что изъятые у него вещи Народный банк может «разыскать, лишь получив из кладовой ЧК указание о времени их отправления и № ящика, в котором они препровождены». Однако, сообщил Анатолий Федорович, получить эти сведения до сих пор не удалось. «Я писал в Народный банк, прося, в случае необходимости, пригласить меня для помощи в разыскании вещей, по большей части именных, но служащей у Вас М. К. Ойям (в оригинале — Оям.— В. С.), любезно принявшей на себя труд в наведении справок, указали на необходимость при[сутствовать?] делегатам от Управления Петроградского Совета и ЧК — на этом дело, почти у самой цели, и остановилось. [Надеюсь], что вы не откажете мне в дальнейшем и окончательном [неразб.], и извините за беспокойство...»

Но ни «дальнейшего», ни «окончательного» не было. В деле «Материалы о реквизиции ценных вещей» (архив Кони в рукописном отделе ИРЛИ) помимо приведенных имеются еще лишь две бумажки. Одна из них, неизвестно кому адресованная, без даты, а главное, невразумительная, такого содержания: «Вещи, превышающие вес 16 золотников (т. е. 68 граммов.— В. С.), гр. А. Ф. Кони в б[ывшем] Волжско-Кам[ском] комм[ерческом] ба[нке] изъято на основании постановления Нар. ком. фин. от 29 апреля с. г. [1919?] для [зачисления] в доход казны. Комиссар (подпись). Ревизор (подпись). Контролер (подпись)».

На другом листе бумаги, чистом, без «фирмы», от руки написано: «Дело о реквизиции у Кони. Архив. Дело прекратить. Б. Каплун. 4/III.20».

Этим все и кончилось. История исчезновения мемориальных вещей Кони так и осталась покрыта тайной.

* * *

Анатолий Федорович, к счастью, был не одинок в то особенно трудное для него время. С ним рядом постоянно находились, поддерживая его, окружая заботой и оберегая, любящие, глубоко преданные ему друзья. Но к нему постоянно, неудержимо тянуло многих и совсем незнакомых людей. Они шли не только на лекции Анатолия Федоровича, на его публичные выступления, а и к нему на квартиру, шли без приглашения, за мудрым советом, за нравственной поддержкой. Хотя на двери квартиры 15, где жил Кони, висела передвижная дощечка «дома» и «нет дома», вспоминала Елизавета Александровна Садова, очень близкий Анатолию Федоровичу в последние годы его жизни человек, она «никогда не видела, чтобы дощечка «дома» заменялась другой, да и разве это могло бы быть, когда Анатолий Федорович твердо раз навсегда приказал принимать всех, желавших его видеть. Когда домашние, оберегавшие его дни, уговаривали дать разрешение отказывать посетителям, Анатолий Федорович приходил в ярость и буквально кричал: «Нет и нет! Как вы не понимаете! Какая-нибудь старушка с 23-й линии Васильевского острова захочет видеть меня по делу, а у меня закрыта дверь! Нет! Никогда!» Эта мифическая старушка с 23-й линии Васильевского острова вечно стояла перед его духовным взором и открывала дверь всем, жаждавшим войти в нее».

«В четверг у меня был еще ряд посетителей,— писал Кони Е. А. Садовой 12 февраля 1926 года (двумя днями ранее Анатолию Федоровичу исполнилось 82 года).— Я утомился чрезвычайно. Мы подсчитали с Леной (Е. В. Пономаревой, о ней дальше.— В. С.) их число 10-го.

Оказывается — 62 посещения и 41 письмо + 8 телеграмм. „По грехам — кажись бы, и довольно”».

Но то все же были не обычные дни, а, так сказать, именинные. Однако и в будни число посещений доходило до 18—20 ежедневно.

Е. А. Садова сохранила для нас в своей неопубликованной рукописи воспоминаний детальное описание кабинета Анатолия Федоровича тех дней (ею был сделан также карандашный набросок интерьера, копия которого хранится в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Все в нем, по свидетельству Елизаветы Александровны, дышало уютом и располагало к серьезной или задушевной беседе. «За большим письменным столом сидит сам хозяин, сгорбленный старик с лучистым и в то же время проникновенным взглядом, с большим чудесным лбом, изрезанным глубокими морщинами, и седой пушистой бородкой. Над ним большая картина «Христос, идущий по водам», около двери в столовую небольшой, писанный маслом портрет Александра II... в углу образа с сияющей тихим светом лампадкой, а кругом — по стенам, на столах, на книжных шкафах — портреты и портреты с автографами — всё друзья и почитатели, крупные общественные деятели, русские и иностранные писатели и художники. На столе перед ним небольшой портрет красивой женщины — Н. П. Лансере — с седыми пушистыми волосами. За ним на этажерке — портрет Е. В. Пономаревой. Слева на столе у окна портрет Л. Ф. Грамматчиковой. Справа на столе (поставленная так, чтобы ее не трогали беззастенчивые посетители) — моя фотографическая карточка. Над камином большой портрет Тургенева, пониже слепок с головы Пушкина работы Опекушина, портрет Чехова с автографом, рисунок Елизаветы Бем и др. На столе и около него большие картонные ящики с надписями: «Гончаров», «Л. Толстой», «Самоубийство», «Женское равноправие»...»

В начале вышеприведенного отрывка упомянуты самые близкие и дорогие Анатолию Федоровичу люди, которые на последнем и, наверно, самом трудном этапе его жизненного пути окружили его своей заботой и любовью.

Надежда Павловна Лансере происходила из известной в истории русской культуры семьи Лансере. Преподавательница русского языка и литературы в Литейной женской гимназии (Бассейная, ныне улица Некрасова, 15), она на протяжении многих лет была не только другом, но и помощником Кони в его литературных трудах. Когда в августе 1920 года Надежда Павловна скончалась в одной из клиник Военно-медицинской академии, потрясенный Анатолий Федорович посвятил ей такие слова, вырвавшиеся из самой глубины сердца: «Я до сих пор, несмотря на массу дела, не могу вполне отрешиться от едкой скорби по поводу смерти этого прекрасного существа, исполненного чувства долга и чести, правдивого до крайнего предела, самоотверженного и вместе с тем всегда жизнерадостного и бодрого. Она была настоящим «сотрудником жизни», а мне специально облегчала мои литературные труды, написав значительную часть моей книги «На жизненном пути» под мою диктовку. Она составляет одно из лучших и светлых воспоминаний моей жизни за последние 17 лет — и не дождалась моей, уже недалекой кончины, чтобы так мучительно погаснуть» (из письма к Е. А. Садовой).

Второй женщиной, самозабвенно заботившейся (после смерти Н. П. Лансере) об Анатолии Федоровиче, была Елена Васильевна Пономарева — дочь его старого друга. Прирожденная общественная деятельница, она задолго до революции основала в Харькове, преимущественно на собственные средства, Народный дом наподобие Народного дома графини Паниной в Петербурге. Вопросы общественного и личного воспитания, вопросы о бирже труда, народных домах, домах для рабочих она

изучала в разных странах — в Германии, Бельгии, Голландии, Англии. Этим вопросам, а также проектировавшемуся Музею мира*, о котором мечтала не одна она, борьбе с алкоголизмом, охране природы, значению изучения естествознания в школах Е. В. Пономарева посвятила ряд статей, опубликованных ею в журналах и газетах. Потеряв во время революции все свое состояние (весьма значительное), Елена Васильевна бросила апартаменты в доме на Фонтанке (№ 56), где в предреволюционные годы в ее салоне собирались на литературные чтения до пятидесяти человек и где некоторое время перед переездом на Надеждинскую проживал Кони, переехала в его большую квартиру и поддерживала его своей неусыпной заботой. Она за самую мизерную плату давала частные уроки музыки, чтобы приобрести для Анатолия Федоровича яблоко или стакан молока, и преподавала музыку в школе (размещавшейся там, где на первых порах находился Институт живого слова, то есть на улице Восстания, 8), дорожа возможностью принести домой хоть немного съестного из своего скромного пайка. Ведь Анатолий Федорович, как мы знаем, тоже потерял все свое состояние, и немалое, персональная же пенсия от Советского правительства была назначена ему благодаря стараниям Академии наук лишь за полтора года до смерти. А до этого, чтобы обеспечить свое существование, ему приходилось продавать кое-что из вещей и ценных книг, а также опираться на помощь и поддержку близких людей.

По свидетельству К. И. Чуковского, самое имя Анатолия Федоровича Елена Васильевна в разговоре со всеми произносила особенным голосом, с благоговением, словно в этом имени для нее воплотилось все самое благородное, человеческое, что только есть на земле.

Третья женщина, глубоко любившая и почитавшая

---

* Здесь слово «мир» в значении отсутствия войны, вражды.

Анатолия Федоровича,— это Людмила Федоровна Грамматчикова-Кони, его сводная сестра, которая была на двадцать два года моложе. До революции она служила в Постоянной комиссии по техническому образованию, была организатором помощи учащейся молодежи и политическим ссыльным, читала лекции по литературе в Народном доме Панниной, а в начале 20-х годов работала на Волховстрое. Людмила Федоровна, которая еще в детстве проявляла большие артистические способности, владела прекрасным даром чтения стихов, и Анатолий Федорович, строгий ценитель красоты языка и речи, иной раз просил ее почитать. Такие минуты доставляли ему огромную радость. А когда после кончины Анатолия Федоровича друзья собирались в его кабинете по памятным дням, Людмила Федоровна выразительно читала отрывки из его произведений, и все слушали ее чтение затаив дыхание.

Елизавета Александровна Садова, которая училась, а затем и преподавала русский язык и литературу в старших классах бывшей Рождественской гимназии (близ Смольного, Лафонская площадь — ныне площадь Пролетарской Диктатуры, 1), была дочерью крупного филолога-классика, профессора Петербургской духовной академии А. И. Садова, друга Кони. Уйдя из школы, она долгие годы работала затем в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Е. А. Садова также в меру своих сил старалась быть полезной Анатолию Федоровичу, оказывала деятельную помощь Елене Васильевне Пономаревой.

Нельзя не назвать здесь и Лидию Ивановну Крамп, писавшую под диктовку Кони статьи и очерки, помогавшую ему в работе с 1920 года. Она, по свидетельству Е. А. Садовой, писала необычайно быстро, что давало Анатолию Федоровичу возможность легко и спокойно трудиться над задуманными им произведениями, в том числе над воспоминаниями петербургского старожилы.

Л. И. Крамп тоже стала другом дома и в тяжкие дни, последовавшие за кончиной Анатолия Федоровича, деятельно помогала Е. В. Пономаревой в охране и разборе литературного наследства Кони до передачи его в Пушкинский дом (Институт русской литературы Академии наук СССР).

Чтение лекций, выступления с воспоминаниями перед молодежью стали для Кони не только любимой работой — они сглаживали недуги, заставляли забывать о голоде и холоде. Они были его жизнью, его насущной необходимостью. Рассказывают, что однажды Анатолию Федоровичу пришлось читать лекцию по искусству перед аудиторией, состоявшей всего из... двух человек, двух матросов с суровыми, обветренными лицами. Но это ничуть не смутило Кони, он приложил все усилия, чтобы передать им красоту «Сикстинской мадонны» и заставить их понять, как оскудела бы жизнь, отними у них радость, приносимую искусством. Оба матроса слушали профессора с напряженным вниманием, а когда он кончил лекцию, один из них подошел к Анатолию Федоровичу, пожал ему руку и растроганно сказал: «Спасибо, отец! Спасибо!»

Нередко Анатолий Федорович выступал с лекциями перед преподавателями, приезжавшими в Петроград для повышения своей квалификации, и делал это с особой радостью, ибо и сам большую часть своей жизни с искренней любовью и душевным подъемом занимался педагогической деятельностью.

«...Когда после 9-летней опалы за то, что по делу Засулич я был слугою правосудия, а не лакеем правительства,— писал Кони известному юристу профессору Н. Н. Полянскому в сентябре 1919 года,— я был наконец назначен обер-прокурором, Александр III в зале Аничкина дворца... в грубых и резких выражениях высказал мне о «тягостном воспоминании и неприятном впечатлении, произведенном на него моим образом дей-

ствий по делу З[асулич]», а ныне в этой самой зале я читаю свои лекции собравшимся учителям, а весь порядок вещей, олицетворявшийся А[лександром], и основанный на нем «образ действий» канули, надеюсь, в вечность».

Одно из учебных заведений, в котором преподавал Кони, было решено закрыть, так как на его содержание у государства не хватало средств. По настойчивой просьбе преподавателей учебное заведение было, однако, сохранено на принципе хозрасчета, а преподаватели, в их числе и Кони, выразили согласие читать лекции, если понадобится, бесплатно. После того как Анатолий Федорович прочел цикл лекций, руководитель заведения сообщил ему, что ввиду большого притока слушателей материальное состояние курсов значительно улучшилось и посему профессору будет выплачен гонорар из расчета... 50 копеек за академический час.

А вот удостоверение, полученное Кони в 1924 году: «Дано сие гр. Кони, Анатолию Федоровичу, в том, что он состоит преподавателем в Институте живого слова и получает заработной платы два рубля в месяц».

И это ведь не за одну часовую лекцию, а за все, прочитанные в течение месяца, то есть по меньшей мере за десять, а то и более.

Получив упомянутое «Удостоверение», Кони пошутил:

— Надо бы еще после слов «Анатолию Федоровичу Кони» вписать: «Почетному академику, почетному члену Академии наук, почетному члену Военно-медицинской академии, профессору, доктору уголовного права».

Сегодня все это может вызвать даже сомнение в правдоподобности рассказанного, но таково уж было то суровое время.

Кони, больной, восьмидесятилетний, являл собою воплощение напряженной работы, широчайшей просветительской деятельности.

«Многим, вероятно, за последние годы памятна характерная фигура Кони,— свидетельствует один из современников,— тяжело передвигающегося, опираясь на две палки, с усилием взбирающегося на иногда высокие лестницы, медленно пробираясь в зал одного из тех бесчисленных учреждений, где он за последние годы почти ежедневно читал доклад или лекцию, медленно, но верно подтачивая свои и без того гаснущие силы».

В 1920 году, по настойчивому ходатайству студентов университета — слушателей Кони, Анатолию Федоровичу была предоставлена для поездок на лекции лошадь с бричкой из бывшего Конюшенного ведомства. Но это продолжалось недолго, год или чуть больше. А потом ведомство вместе с лошадьми перевели в Москву, и Анатолий Федорович вновь вынужден был полагаться лишь на извозчиков да на общественный транспорт. Как обычно, он не терял чувства юмора:

— Подумайте, лошади в Москве, а Кони в Петрограде...

Однако от преподавания в университете вынужден был отказаться. «Мой неврит не покидает меня,— писал он одному из друзей,— и каждая поездка в университет на Васильевский остров — своего рода хождение по мукам».

Помимо лекций Анатолий Федорович много писал и печатался во всевозможных сборниках и журналах: «Вестник литературы», «Артельное дело» (издание Союза союзов промысловой и производственно-трудовой кооперации Северного района «Северокустарь»), «Школа и жизнь», «Голос минувшего», «Дела и дни», «Право и жизнь». Он продолжал публикацию своих воспоминаний «Отзвуки далекого прошлого». Выпустил третий и четвертый тома книги «На жизненном пути» (из-за трудностей с бумагой их пришлось издать за границей — оба тома вышли в ревельско-берлинском издательстве

«Библиофил»), завершил подготовку пятого тома (который увидел свет, однако, уже после его кончины).

В 1919 году в Петрограде по инициативе Л. Утевского, впоследствии известного советского литературоведа, организовалось Тургеневское общество. Кони отнесся к нему с большим энтузиазмом, сам ездил в Наркомпрос хлопотать об утверждении устава, а когда он был утвержден и, таким образом, получил законную силу, Анатолия Федоровича избрали председателем общества, а затем и почетным членом. Да и кому, как не Кони, лично знавшему писателя и глубоко чтившему его всю жизнь, было стать во главе Тургеневского общества! Анатолий Федорович не был председателем формальным (не в его характере!), он постоянно интересовался повседневной жизнью общества, сам составлял программу каждого заседания, привлекал новых членов и неутомимо выступал в нем с докладами.

В десяти открытых собраниях из пятнадцати, состоявшихся за время существования общества, докладчиком был Кони. Уже темы этих докладов дают представление о круге литературных интересов Кони тех лет: «Тургенев и его критики»; «Заветы Тургенева и современный русский язык»; «Тургенев как психопатолог»; «Любовь в произведениях Тургенева»; «Тургенев и Полонский»; «Владимир Сергеевич Соловьев»; «Тютчев и Апухтин»; «Забывшие поэты»; «Похороны Тургенева»; «Параллели в творчестве»... Из переписки Кони с Л. Утевским видно, что он готовился выступить и с другими интересными докладами: «Взгляд Тургенева на дуэль и самоубийство», «Взгляды Тургенева и других на Гамлета», «Тургенев и М. Г. Савина», однако ввиду ликвидации общества они не состоялись.

Надо иметь в виду, что деятельность Тургеневского общества, размещавшегося в доме 39 по Бассейной улице, протекала в трудные годы, и необходима была большая любовь к делу, чтобы поддерживать в очаге огонь.

«Не думаете ли вы, что Тургеневскому обществу пора проявить признаки жизни? — писал Кони Утевскому после Кронштадтского мятежа, когда вследствие известных политических событий деятельность общества прервалась. — Нужно ли и теперь разрешение Военного совета, ибо военное положение еще не снято, хотя движение разрешено до 11 и даже, говорят, до часу ночи?»

Вот еще одна характерная записка тех дней к тому же адресату: «Стол Совета [общества] стоит так, что очень трудно читать. Нельзя ли открыть лампочку над ним или близко над ним? На всякий случай я принесу свечку, но лампочка была бы удобней».

Несмотря на все трудности, тогда же, в 1921 году, общество сумело выпустить в свет «Тургеневский сборник», редактором которого, конечно же, был Кони. Это издание давно уже стало библиографической редкостью.

Анатолию Федоровичу принадлежит также заслуга в подготовке к печати исключительно ценной книги «Тургенев и Савина (Письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе)», увидевшей свет в то же тяжелое время. Он сам написал и вступительную статью к ней, включенную затем в третий том его воспоминаний «На жизненном пути». Она была написана на основе тщательного изучения писем Тургенева к Савиной, что позволило Кони правдиво и психологически точно, со свойственной ему лиричностью воссоздать в своих воспоминаниях историю недолгих взаимоотношений великого русского писателя и великой русской актрисы.

26 мая 1920 года Анатолий Федорович заключил договор с Пушкинским домом о передаче тому в собственность всего своего архива, который иначе и не назовешь, как подлинной сокровищницей русской культуры. Архив этот огромен. Его составляли более 130 больших картонов и связок, заполнявших шкафы кабинета и библиотеки или лежавших из-за отсутствия места прямо

на полу. Другая часть материалов размещалась в сундуках и ящиках письменных столов. Анатолий Федорович сам готовил архив к передаче Пушкинскому дому, часть материалов передал лично, но довести работу по разбору до конца не успел — нездоровье и занятость не позволили. Ее завершила после смерти Анатолия Федоровича Е. В. Пономарева. Выполнив тем самым до конца свой земной долг перед глубоко почитаемым другом, она скончалась, лишь на два года пережив его.

Авторитет Кони, без колебаний ставшего на службу новой, народной власти, был огромен во всех сферах общества, что вызывало ненависть к нему тех, кто в час испытаний оставил родину и очутился в стане ее врагов. Белая эмиграция не могла ему простить этого и распространяла о нем самые нелепые слухи. И в то же время ему не раз поступали из-за границы приглашения, его упорно звали туда, уговаривали порвать с Советами, сулили всяческие блага. Но Анатолий Федорович оставался непоколебимо тверд, ибо вопрос о том, с кем быть ему после революции, разрешен был для него, собственно, еще задолго до Октября — разрешен всей его жизнью, всеми его поступками и делами.

Как-то — было это в конце марта 1923 года — А. Ф. Кони и Е. А. Садова с трудом двигались по набережной Фонтанки, держась за решетку, чтобы не упасть. Было очень скользко, шел мокрый снег. Анатолий Федорович совсем выдохся. Он остановился передохнуть, тяжело опираясь на свои палки, потом лукаво улыбнулся и вдруг заявил, что уж теперь-то он точно знает, какую цену дают ему большевики:

— Я стою двух коммунистов! Двух! Представляете?

Елизавета Александровна недоумевающе посмотрела на Кони: что это с ним?

— Сомневаетесь? Так вот слушайте. На днях приходят ко мне две знакомые дамы, пожелавшие уехать за границу. Но для этого, оказывается, необходимы под-

писи двух коммунистов, а их-то они достать и не смогли. Тогда в Смольном им предложили назвать лично им знакомых крупных общественных деятелей. Дамы назвали меня. И что бы вы думали? В ответ им сказали: «Этого совершенно достаточно. Пусть он выдаст вам удостоверение за своей подписью». Ну, что скажете?..

Объективности ради следует, однако, заметить, что все же не везде и не у всех было такое отношение к Анатолию Федоровичу. Находились и такие, кто упрекал его за... прошлое. За то, что он не сделался революционером, а оставался на позициях либерализма. За то, что не видел: суд в эксплуататорском обществе — это орудие защиты интересов господствующих классов и средство порабощения и угнетения трудящихся. За то, что по этим причинам не мог в своих произведениях вскрыть классовую сущность в деятельности буржуазного суда, прокуратуры и т. д. и т. п. Об одном из подобных упреков А. Ф. Кони писал А. И. Садову 24 октября 1923 года: «Елизавета Александровна рассказала мне о впечатлении, произведенном на Вас статьею профессора (кто нынче не профессор — кроме *настоящих*?) Преображенского, упрекающего меня в сущности за то, что, стараясь по мере сил и с тяжелыми испытаниями лично для себя проводить в народное правосознание начала нравственности и справедливости, я не занял почетную роль террориста... Увы! Когда он прочтет приготовляемый мною 5-й т[ом] «На жизненном пути», то он получит еще больше поводов для обвинения меня в уклонении от прославления политических убийств и подстрекательства к ним».

Видимо, на той же точке зрения стояло и издательство «Прибой», выпуская 5-й том в свет (посмертно), а потому в заметку «От издательства» включило такой прямолинейно-наивный «социологический» пассаж: «А. Ф. Кони был полон того благодушного и бессильного

бюрократического либерализма, который российское самодержавие держало в черном теле и трагедия которого заключалась в том, что, попав между молотом и наковальней, став где-то посредине между революцией и реакцией, он не был движущей силой исторического процесса и под воздействием активно борющихся классовых сил пассивно то «радовался», то «скорбел», в зависимости от того, как и в какую сторону поворачивалось колесо истории».

Подобные мысли, хотя и в несколько смягченной форме, можно было встретить в отдельных работах и позднее.

10 февраля 1924 года в Пушкинском доме состоялось юбилейное чествование А. Ф. Кони Академией наук по случаю его восьмидесятилетия. Было произнесено много теплых, прочувствованных слов, зачитано большое число адресов.

— Судьба дала вам завидный удел,— сказал в приветственном слове председатель юбилейного комитета известный ученый-историк академик С. Ф. Платонов.— Одаренный умом и талантом, способный влечь к себе сердца, вы имели все шансы достигнуть степеней высоких на поприще служебной карьеры и житейского успеха. И, однако, успех ваш, достигнутый в русском обществе, не был карьерой, вы пошли путем, не зависящим от милостей и ласк, и связали свою жизнь со служением не власти и моде, а вечному и безусловному. В судебной среде, в общественной деятельности, в литературных выступлениях вы всегда искали истины и справедливости — тех начал человеческого духа, без которых не может жить человечество ни в какое время, даже в те моменты, когда в нем, казалось бы, забыты право и братолюбие. Этим высоким и вечным началам служили вы сами и других учили служить.

С оригинальным приветствием выступили актеры Передвижного театра П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скар-

ской. Они разыграли «суд» над Кони. Против него было выдвинуто обвинение в злом вторжении в область науки и искусства. Принимая во внимание его происхождение из литературно-художественной семьи, «суд» признал Кони «прирожденным преступником». Но поскольку в законе нет статьи, под которую подпали бы его действия, то приговор гласил: передать вынесение приговора и определение заслуженного наказания верховному суду истории.

Анатолий Федорович не остался в долгу. В своем ответном слове он особенно выделил роль идущего на смену молодого поколения, подчеркнув, что молодежь должна не только вкладывать в свой труд профессиональные знания, но и опираться на высокие нравственные начала. А закончил он так:

— В одном из провинциальных судов с присяжными заседателями сразу после введения судебной реформы произошел такой трагикомический случай. После совещания присяжные вынесли вердикт: хотя подсудимый и невинен, но заслуживает снисхождения. Так же и я, слушая все сыплющиеся на меня обвинения, думаю, что «невинен, но заслуживаю снисхождения».

На следующий день состоялся юбилейный вечер в Доме ученых (Дворцовая набережная, 26). В адрес Анатолия Федоровича поступило много приветствий из Москвы, Харькова и других городов. Выдающийся русский театральный деятель, актер и режиссер, а в то время и директор московского Малого театра А. И. Сумбатов-Южин, большой друг Кони, писал ему 8 февраля 1924 года: «Не перечислить всего, что Вы внесли в туманную жизнь России, не измерить всего, что Вы сделали для всех нас, имеющих счастье быть Вашими современниками. Про себя я скажу прямо и откровенно: около пятидесяти лет из моей жизни я направлял путь по той звезде, какой были для меня Вы, бесценный Анатолий Федорович,— сперва такой далекой, а за последние

семь лет не только светившей мне, но и согревавшей своим дивным теплом».

Пришла телеграмма от Владимира Ивановича Немировича-Данченко, которого Кони горячо любил.

В феврале 1923-го и в мае 1924 года Кони совершил «паломничество» (по его выражению) в Москву, где тоже непрерывно выступал с лекциями и воспоминаниями, встречался со старыми друзьями. А лето того же 1924 года «почти три недели провел на Волховстрое — удивительном месте по соединению ума, изобретательности, энергии и созидательству, столь редкому в наше время всеобщего разрушения,— сообщил Анатолий Федорович Сумбатову-Южину.— С большим душевным удовлетворением читал там лекции для «сознательных» рабочих... На Волховстрое я написал свои студенческие и более ранние воспоминания о Малом театре... Собирался ехать по Волге и читать лекции, но неурожай на Волге испортил эти планы. Теперь меня зовут в Харьков и Киев, но едва ли смогу: начинаются лекции...»

Вот так и жил этот замечательный человек, не считаясь ни с возрастом, ни с болезнями, ни с неудобствами.

Тот, кому довелось бывать у Анатолия Федоровича, обращал внимание на множество настенных часов в его кабинете. Все исправно несли свою службу и били одновременно. Следил за этим сам хозяин кабинета.

— Зачем это вам, Анатолий Федорович? — удивлялись некоторые посетители, особенно те, кто впервые переступал порог его дома.

— Я люблю слушать «шаги времени», — с улыбкой отвечал Кони.

И он слушал их. И подстраивал под них свой шаг.

Сам Анатолий Федорович ставил себе в заслугу лишь одно — что никто не мог бы бросить ему евангельского упрека: «Раб ленивый и лукавый». Но это, конечно, лишь самая малая толика его достоинств и заслуг.

Хорошо сказал о нем Сергей Федорович Ольденбург, выдающийся русский ученый-востоковед, непреходящий секретарь Академии наук, в статье, опубликованной журналом «Красная панорама»: «Революция застала Кони уже глубоким стариком, она выявила в эти дни во всей полноте, насколько подлинны и истинны были в нем великие «слова» любви к человеку и непреклонную волю к труду, которая руководила им всю жизнь. Он не испугался революции, как, увы, столь многие из его сверстников и даже людей более молодых. За внешним грозным обликом революции с ее беспощадной ломкой старой жизни он сумел и захотел увидеть великое строительство новой, лучшей жизни. Он принял в нем участие всем, что только сделать мог... показал, что для него революция никакого «разрыва» не дала; как раньше в годы реакции он работал для народа, для всех, для всей жизни, так же работал он и в годы революции».

Как уже говорилось выше, Кони очень любил молодежь, и этой любовью особенно была согрета жизнь Анатолия Федоровича в старости. По свидетельству Е. А. Садовой, он любил шутить, играть «в поезд» с тремя маленькими девочками из своего дома, часто прибегавшими к «дедушке», любил читать лекции школьникам, восхищался молодыми талантливыми студентами и студентками, радовался, когда молодые красноармейцы и краснофлотцы слушали его с напряженным вниманием, а потом заботливо поддерживали его и раздвигали публику, чтобы освободить путь «папаше», который шел сгорбившись, опираясь на свои две палочки. Нередко благодарные слушатели провожали его до самого дома.

Студентка Института живого слова Н. Галанина вспоминала:

«А. Ф. Кони был всем дорог, и каждому было приятно довести его, слабого физически, но такого сильного

духом, по опустевшим тогда, темным петроградским улицам до самого дома. Шли мимо мрачных домов с закрытыми подъездами и воротами; мимо заколоченных досками окон магазинов; по улицам, на которых не горели фонари и не светились окна домов.

Провожали Анатолия Федоровича не какие-нибудь 2—3 человека, а по крайней мере десяток студентов, чтобы предохранить его от всяких случайностей: от неожиданных толчков, ям и проч... Защитить, в случае необходимости...»

Кони был человеком исключительного обаяния, и не только в общении с людьми, но и в своих привычках, маленьких чудачествах, добрых шутках.

У Анатолия Федоровича, например, никогда не было телефона — ни до революции, ни после. Почему?

— Это прекрасное средство от журналистов, — отшучивался он.

Так никто и не смог убедить его в необходимости самого современного средства связи.

Иногда Анатолий Федорович в хорошую погоду выходил из квартиры и спускался по лестнице в «Швейцарию» — так он называл подъезд парадной лестницы возле бывшей швейцарской, выйдивший на Надеждинскую. Там стоял стул, на который он и усаживался, чтобы подышать свежим воздухом, понаблюдать жизнь и людей.

«Многие прохожие видели у одной из парадных дверей, — читаем в неопубликованных воспоминаниях Е. А. Садовой, — сидящего на стуле старика с глубокими пронизательными глазами, в стареньком драповом пальто, в приплюснутой коричневой шляпе, опирающегося на костыль. Не все знали, что это знаменитый Кони. Однажды одна дама пожалела «старичка», подала ему пятак. Он смиренно взял его и долго хранил на письменном столе, с лукавой усмешкой показывая его посетителям».

До последних дней своей жизни Кони писал по старой орфографии (правда, *ъ* в словах, оканчивающихся на согласный, все же, как правило, отбрасывал), он употреблял много устаревших слов и выражений. «Спасибо Вас за...» — можно было прочесть в одном из его писем; при этом он тут же поясняет: «Я никогда не пишу *Вам*, ибо спасибо есть парафраза от Спаси Боже». Анатолий Федорович часто писал *цалю* (ссылаясь на Тургенева), третьего *дни*, *сурьезная* работа, *Елисавета* и т. д.

А какие веселые подписи ставил он под своими письмами к близким ему людям: «От старца инока» (если последнее слово прочесть наоборот, получится «А. Кони»*), «Ваш друг Старуся», «Ваш преданный Старичище-Пилигримище», «Отсталый идеалист из Надеждинской улицы», «Известный Вам прикащик (именно через «щ». — *В. С.*) в магазине „Фемида и К⁰“», «Ваш старый мухомор с Надеждинской улицы» и т. п. — и в этом было что-то чеховское. Анатолий Федорович был очень изобретателен на всевозможные шуточные послания, как и Антон Павлович.

Некоторым лицам, к которым Кони питал особое душевное расположение, он писал в торжественные дни на почтовой бумаге, украшенной тисненым изображением Георгия Победоносца.

«Язык — величайшее достояние народа, литература — воплощение языка в образах», — написал Кони незадолго до смерти на клочке бумаги и подарил его Е. А. Садовой.

По словам Елизаветы Александровны, Анатолий Федорович умел все. Не умел он только отказываться, когда его приглашали выступить перед кем-либо с лекцией.

---

* Любопытно отметить, что тот же прием использовал и Е. Ф. Кони. — «Инок» — таким псевдонимом подписывал он некоторые произведения. Пользовался таким псевдонимом и Федор Алексеевич Кони.

«Да ведь, по нашим временам, это гигант какой-то в хрупком теле!» — говорил об Анатолии Федоровиче давно знавший его адвокат Н. П. Карабчевский, уже упорноминавшийся нами.

Увы, и гиганты смертны.

Весной 1927 года Анатолий Федорович согласился выступить с лекцией в Доме ученых. В нетопленном помещении было очень холодно. Он простудился и слег с бронхитом. Бронхит перешел в воспаление легких, а это особенно опасно в таком преклонном возрасте. Побороть болезнь оказалось на сей раз не под силу. Она растянулась на несколько месяцев и стала его последней болезнью. Но даже в свой предсмертный час Анатолий Федорович не терял присутствия духа.

Давний друг Анатолия Федоровича Р. М. Хин (Гольдовская), постоянно проживавшая в Москве, вспоминает, как летом 1927 года к ней явился из Ленинграда «живой бюллетень» — молодой врач Николай Зеленин, внук великой русской актрисы М. Н. Ермоловой, навещавший Кони, и рассказал, как протекает его болезнь. «Пользовавшие Анатолия Федоровича профессор и врачи, — пишет Р. М. Хин, — не позволяли больному утомляться, говорить, читать. Но что же выходило? Как только Анатолию Федоровичу становилось чуточку лучше, он начинал беседовать со своими «наблюдателями», рассказывать, вспоминать, шутить, строить планы будущих курсов и так их увлекал, что они слушали его, пока он не начинал задыхаться. Профессор строго упрекал больного за легкомыслие. А врачи оправдывались. „Никто не может ничего поделать, — объяснил мне и присланный «живой бюллетень». — Все обожают Анатолия Федоровича, и потом, когда он говорит, у него совсем молодые глаза, и легко забыть, что он опасно болен”».

Он действительно давно был серьезно болен. Еще в 80-х годах Анатолия Федоровича исследовал знаменитый петербургский врач. Он категорически заявил свое-

му пациенту, просившему не скрывать от него правды: «Вам остается жить только три недели». Срок этот знаменитость считала максимальным. А когда Кони вышел от него, врач последовал за Анатолием Федоровичем и без его ведома провожал до самого дома, боясь внезапного наступления смерти. Но Кони после этого еще сорок лет неутомимо работал, вопреки всем предсказаниям и прогнозам, а приговоривший его к смерти «в течение трех недель» врач вскоре сам скончался...

Такие вот парадоксы преподносит порою жизнь. Но теперь, летом 1927 года, надежд на благополучный исход болезни, на новый «парадокс», становилось все меньше и меньше.

«Он умирал так, как умирают немногие,— можно прочесть в небольшой книжечке М. С. Королицкого, изданной в 1929 году в Ленинграде.— Умирая, он не переставал вспоминать то, что наполняло его столь богатую внешним блеском и внутренним содержанием жизнь. И если история сохранила нам предание о знаменитом римлянине, который и в предсмертные минуты силился держаться на ногах, то Анатолий Федорович Кони являл аналогичный пример: ослабело тело, износилась физическая оболочка, но мыслительный аппарат не тускнел».

«Я еще не могу сказать с Пушкиным,— сообщал он писательнице и искусствоведу Варваре Дмитриевне Комаровой (псевдоним — Вл. Каренин) *,— что «ускользнул от эскулапа без сил, обритый, чуть живой»**, и потому вы можете себе представить, как мне приятно было узнать, что Вы вспомнили меня и зашли проведать:

---

* В. Д. Комарова (1862—1943) — племянница В. В. Стасова, сестра Е. Д. Стасовой, была в это время ученым хранителем отдела рукописей Пушкинского дома и активно сотрудничала в его изданиях.

** Неточная цитата из «Послания к В. В. Энгельгардту» (1819) А. С. Пушкина,

Мне так давно хотелось Вас видеть, но вот уже полтора месяца я лежу с воспалением легких со всеми его атрибутами, а между тем, нужно бы поговорить о Пушкинском доме и о Вашей новой книжке о Владимире Васильевиче (Стасове.— В. С.)... Хочется и лично узнать от Вас о Вас. Если на пороге не станет смерть (которую жду с полным спокойствием и не без нетерпения) и не скажет «on n'entre pas»*, я Вам напишу о дне, когда мне разрешат видеть близких и даже разговаривать... Письмо это диктую, не имея силы и подписать».

«Записку на случай смерти» Анатолий Федорович приготовил годом раньше. В ней содержались распоряжения домашним: кому дать знать в первую очередь; «похоронить наискромнейшим образом (1 лошадь, простой деревянный гроб, на Александро-Невском кладбище, в наиболее дешевых местах)». А теперь, с помощью Елены Васильевны, он приводил в порядок кое-какие бумаги; делал чертеж надгробия на будущей могиле, составлял варианты надписей на нем.

Но прошло еще три с половиной месяца, прежде чем смерть встала на пороге. Это произошло под утро в субботу 17 сентября 1927 года.

Последнее время мудрого старика весьма тревожили некоторые явления в общественной жизни тех трудных послереволюционных лет, и прежде всего ввиду их деструктивного воздействия на молодежь. Поэтому, даже умирая, он все повторял: «Воспитание, воспитание — это главное. Нужно перевоспитывать... Человек вылощенный не то же самое, что человек воспитанный... Воспитание глубоко... глубоко... глубоко...» Это были его последние слова. Его завет, который и в наши дни звучит очень актуально, потому что нет, наверно, на свете труднее дела, чем воспитание и перевоспитание человека.

---

* «Вход воспрещен» (франц.).

«В лице Анатолия Федоровича в могилу сошел один из наиболее честных, передовых и одаренных общественно-культурных деятелей дореволюционной России», — говорилось в некрологе президиума Ленсовета.

Хоронили Анатолия Федоровича 19 сентября. Проводить его в последний путь собралось множество народа. К подножию могилы на Тихвинском кладбище Александровской лавры легли сотни венков.

В середине 30-х годов останки А. Ф. Кони перенесены были на Литераторские мостки Волковского кладбища; с той поры могила его находится в окружении могил В. Г. Белинского, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Н. С. Лескова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. М. Гаршина, Н. И. Костомарова и других выдающихся деятелей русской культуры. А неподалеку — могила со скромным надгробием: в ней похоронена Вера Ивановна Засулич...

На доме 3 по улице Маяковского, где последние восемнадцать лет жил и скончался А. Ф. Кони, установлена мемориальная доска.

* * *

Год спустя после смерти Анатолия Федоровича заслуженный деятель науки, профессор Н. Н. Полянский писал: «Кони — символ преемственности культуры, не останавливающейся в своем поступательном движении. Над могилой Кони сам собою напрашивается возглас: Кони умер — да здравствует та культура — культура ума и сердца, которой он служил с такой преданностью, таким напряжением духовных сил и с такою верою в ее торжество!»

Прекрасные и очень точные слова. Ими бы и хотелось закончить наш рассказ.

**ОСНОВНЫЕ ПАМЯТНЫЕ МЕСТА ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
А. Ф. КОНИ В ПЕТЕРБУРГЕ — ПЕТРОГРАДЕ — ЛЕНИНГРАДЕ**

Годы	Адрес
1844—1856	Набережная Фонтанки, 51—53. Дом Лыткина
1856—1862	Невский проспект, 68. Дом Лопатина; улица Салтыкова-Щедрина (быв. Кирочная), 8а. Анненшуле; улица Плеханова (быв. Большая Мещанская), 27. Вторая петербургская гимназия
1865—1871	Адмиралтейский проспект, 12. Военное министерство. Ведомство генерал-аудитора; Литейный проспект, 4. Петербургский окружной суд и Петербургская судебная палата
1871—1873	Басков переулок, 4/34 (?)
1873—1875	Улица Петра Лаврова (быв. Фурштатская), 33. Дом Кононова
1875—1877	Малая Садовая (быв. Екатерининская) улица, 1. Дом Министерства юстиции; набережная реки Фонтанки, 6. Императорское училище правоведения; Красная (быв. Галерная) улица, 20. Редакция журнала «Вестник Европы».
1877—1885	Пушкинская улица, 18/20. Меблированные квартиры «Пале-Рояль»; улица Петра Лаврова, 27. Дом Елисеева
1885—1887	Стремянная улица, 6
1887—1892	Улица Толмачева (быв. Караванная), 20; улица Петра Лаврова, 27; набережная Фонтанки, 10.
1892—1895	Соляной городок
1895—1907	Невский проспект, 100. Дом Лопатиных
1907—1908	Улица Петра Лаврова, 56
1908—1909	Набережная Фонтанки, 56
1909—1927	Улица Маяковского (быв. Надеждинская), 3; Моховая улица, 43. Дом просвещения Мурманской железной дороги; набережная Фонтанки, 17. Петроградский кооперативный институт; площадь
1918—1927	Островского, 7. Институт живого слова

- Кони А. Ф.* Собрание сочинений: В 8 т. М., 1966—1969.
- Кони А. Ф.* Судебные речи. СПб., 1888.
- Кони А. Ф.* За последние годы. СПб., 1898.
- Кони А. Ф.* На жизненном пути. Т. 1—2. СПб., 1912—1913. Т. 3—4, Ревель — Берлин, б. г. Т. 5. Л., 1929.
- Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы. СПб., 1914.
- Кони А. Ф.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1956.
- Кони А. Ф.* Избранные произведения. М., 1959.
- Анатолий Федорович Кони. 1844—1924. Л., 1925.
- Андреева А. П.* Памяти Анатолия Федоровича Кони//Правоведение. 1978. № 4.
- Бух Н. К.* Воспоминания. М., 1928.
- Виленский Б. В.* Судебная реформа и контрреформа в России, Саратов, 1969.
- Волк С., Выдря М., Муратов А.* Анатолий Федорович Кони.— В кн.: Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 5.
- Выдря М. А. Ф.* Кони как судебный оратор. — В кн.: Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 5.
- Выдря М., Гинев В.* Судебная система дореволюционной России. — В кн.: Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 496.
- Глаголь С.* Процесс первой русской террористки//Голос минувшего. 1918. № 7/9.
- Голубев В.* Письма М. Горького к А. Ф. Кони. — В кн.: Горький М. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 289.
- Давидович А. М.* Самодержавие в эпоху империализма (Классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М., 1975.
- Евгеньев-Максимов В.* Некрасов и его современники. М., 1930.
- Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
- Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.
- Засулич В.* Избранные произведения. М., 1983.
- Королицкий М. С. А. Ф. Кони.* Л., 1929.
- Крыжицкий Г.* Обаяние ума: Анатолий Федорович Кони//Звезда. 1966. № 10.
- Курбатова И. Н. В. И. Засулич и ее роль в распространении идей марксизма в России.* — В кн.: Засулич В. И. Избр. произв. М., 1983.
- Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971.

Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981.

Луначарский А. В. Три встречи//Огонек. 1927. № 40.

Муратов А. Б. Литературные взгляды А. Ф. Кони. — В кн.: Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 6. С. 5.

Памяти Анатолия Федоровича Кони//Труды Пушкинского дома АН СССР. М.; Л., 1929.

Перлов И. Д. Правовые воззрения А. Ф. Кони. — В кн.: Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 5.

Полянский Н. Н., Сыромятников Б. И. На службе праву. М., 1928.

Революционное народничество семидесятых годов XIX века, М., 1965.

Русский биографический словарь. СПб., 1903.

Савина М. и Кони А.: переписка. 1883—1915. Л.; М., 1938.

Смолярчук В. И. Анатолий Федорович Кони (1844—1927). М., 1981.

Троицкий Н. А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866—1882. М., 1978.

Чуковский К. И. Анатолий Федорович Кони//Нива. 1915. № 39.

Шепелев Л. Е. Отмененные истории, Чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977.

Яхнич Л. Анатолий Федорович Кони//Советская юстиция, 1957. № 7.

Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Архив А. Ф. Кони, фонд 134.

Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонды 106, 163, 367, 423, 666.

Центральный Государственный архив кинофотофонодокументов. Ленинград.

Вступление	3
Заря	6
«Это тоже ты...»	38
Процесс века	78
Слуга правосудия	140
Обер-прокурор правительствующего Сената	169
Гефсиманские ночи	199
Элизум теней	233
«Я верил и верю в Россию»	258
Шаги времени	271
Основные памятные места жизни и деятельности А. Ф. Кони в Петербурге — Петрограде — Ленинграде	300
Основная литература	301

*Сашонко
Владимир Николаевич*

**А. Ф. КОНИ
в Петербурге—
Петрограде—
Ленинграде**

Заведующая редакцией А. М. Березина. Художник Н. И. Кофанов.
Художественный редактор А. К. Тимошевский. Фотосъемка А. В. Галкина.
Фоторепродуцирование К. И. Жариновой. Технический редактор
Г. В. Преснова. Корректор Т. П. Гуренкова.

ИБ № 5212

Сдано в набор 22.11.90. Подписано к печати 25.04.91. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,30+вкл. 0,70. Усл. кр.-отт. 15,14. Уч.-изд. л. 14,46. Тираж 100 000 экз. Заказ № 595. Цена 2 руб. Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Сашонко В. Н.

С22 А. Ф. Кони в Петербурге — Петрограде — Ленинграде.— Л.: Лениздат, 1991.— 303 с., ил. (Выдающиеся деятели науки и культуры в Петербурге — Петрограде — Ленинграде).

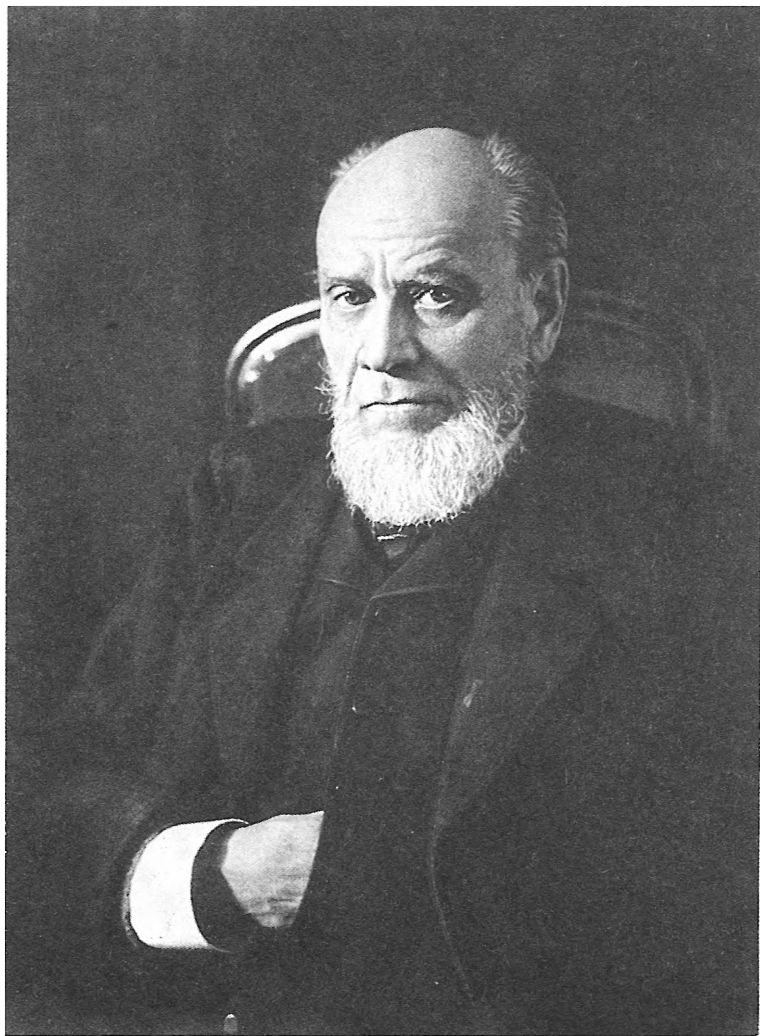
ISBN 5-289-00774-1

Биографическо-краеведческая книга посвящена выдающемуся юристу, практику и ученому А. Ф. Кони. Его деятельность, в основе которой лежали принципы гуманности, справедливости и нравственности, снискала широкое общественное признание.

А. Ф. Кони показан и как самобытный писатель, автор интереснейших мемуаров, мастер психологического портрета.

С $\frac{1401020000-099}{M171(03)-91}$ 82—91

ББК 63.3(2)5

Анатолий Федорович Кони.

А. Кони с отцом.

Набережная Фонтанки, 51—53.
Здесь родился А. Кони.

Улица Плеханова, 27. Здание
Второй петербургской гимназии.

А. Кони (во втором ряду крайний
слева) в группе гимназистов.

А. Ф. Кони. 1860-е годы.

А. Ф. Кони с матерью и генералом
А. М. Батезатулом, другом семьи.

Здание Петербургского окружного суда.

А. Ф. Кони в Петербургском окружном суде с товарищами прокурора
(в первом ряду пятый слева).

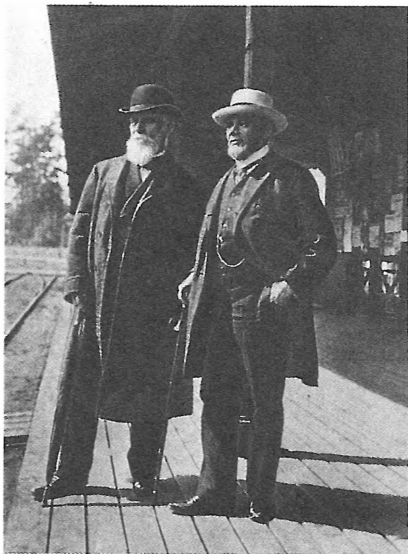
В. И. Засулич.

Екатерининская улица (ныне Малая Садовая). Третий дом от угла — здание Министерства юстиции.

Красная улица (быв. Галерная), 20. Здесь помещалась редакция журнала «Вестник Европы».

А. Ф. Кони и М. М. Стасюлевич.

Набережная Фонтанки, 10.
Соляной городок. Здесь
А. Ф. Кони выступал с лек-
циями.

Улица Петра Лаврова
(быв. Фурштатская).
А. Ф. Кони жил на этой
улице в 1870—1880-х го-
дах и позже.

Ф. П. Гааз.

А. Ф. Кони и Л. Н. Толстой.

А. Ф. Кони. Рисунок И. Е. Репина.

Невский проспект, 100. А. Ф. Кони
жил здесь в 1895—1907 годах.

Сестрорецкий курорт. Вид на террасу. 1900-е годы.

А. Ф. Кони в парке Сестрорецкого курорта.

А. Ф. Кони на праздновании 100-летнего юбилея И. А. Гончарова. 15 апреля 1912 года. Эскиз Е. Зарудной-Кавос.

А. Ф. Кони, Н. В. Муравьев и А. Б. Враский (справа налево).

А. Ф. Кони. Начало 1900-х годов.

А. Ф. Кони в квартире Пушкина на Мойке, 12. 1925 год.

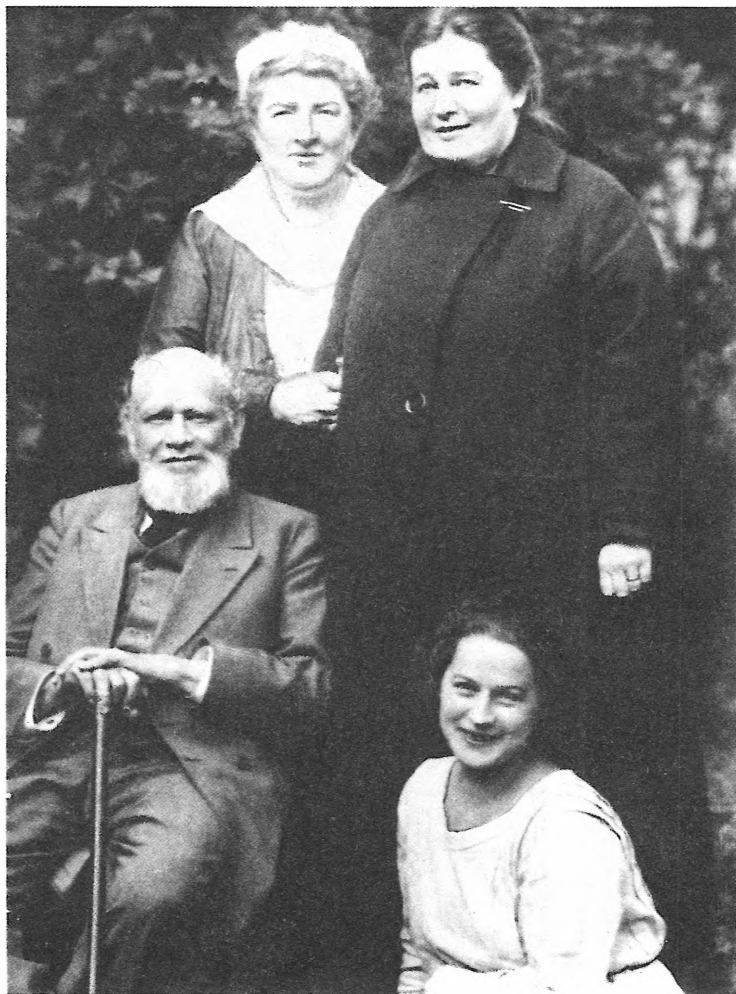

А. Ф. Кони в своем домашнем кабинете.

А. Ф. Кони среди студентов Кооперативного института. 1924 год.

А. Ф. Кони с близкими ему людьми — Е. В. Пономаревой (слева), Л. Ф. Грамматчиковой-Кони и Е. А. Садовой (сидит). Детское Село. 1925 год.

ВЫДАЮЩИЕСЯ
ДЕЯТЕЛИ
НАУКИ
И КУЛЬТУРЫ
В ПЕТЕРБУРГЕ—
ПЕТРОГРАДЕ—
ЛЕНИНГРАДЕ

А.Ф. КОНИ в Петербурге—
Петрограде—Ленинграде

---

2 руб.